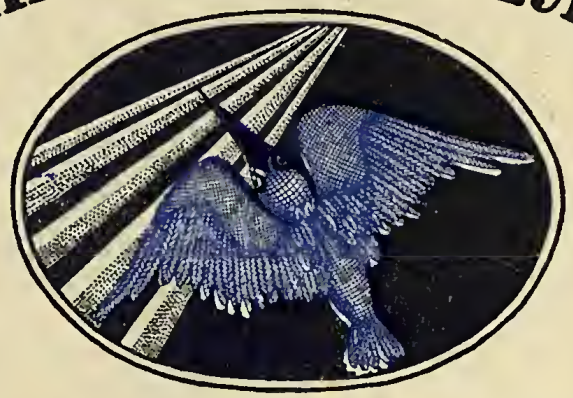
АЛЬМАНАХИ ИЗДАТЕЛЬСТВА



АЛЬЦІОНА

ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ
М. КУЗМИНЪ
ВИКТОРЪ МОЗАЛЕВСКІЙ
БОРИСЪ САДОВСКОЙ
ЛЮБОВЬ СТОЛИЦА
А. ТОПОРКОВЪ
ВЛАДИСЛАВЪ ХОДАСЕВИЧЪ
МАРІЭТТА ШАГИНЯНЪ
Г. ЯКУЛОВЪ

КНИГА 1

АЛЬЦІОНА

Книга первая.

Валерій Брюсовъ. Послѣ дѣтскаго бала.
М. Кузминъ. Принцъ съ мызы.
Викторъ Мозалевскій. Исчезнувшая мечта.
Борисъ Садовской. Игоревъ сокольникъ.
Любовь Столица. Нѣжная княжна.
А. Топорковъ. Геката.
Югурта. Сомнѣнія и надежды.
Владиславъ Хадасевичъ. Русская поэзія.
Маріэтта Шагинянъ. Письма о музыкѣ.
Георгій Якуловъ. Дневникъ художника.

МОСКВА
1914 г.

Типографія РУССКАГО ТОВАРИЩЕСТВА. Москва,
Чистые пруды, Мыльниковъ пер., соб. д.

ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ.

ПОСЛѢ ДѢТСКАГО БАЛА.

РАЗСКАЗЪ.

Былъ тихій вечеръ, вечеръ бала,
Былъ лѣтній балъ межъ темныхъ липъ.

Викторъ Гофманъ.

I.

У Ниночки колотилось сердце въ груди, когда, осторожно отдѣлившись отъ группы дѣвочекъ, она быстро скользнула въ боковую аллею, и среди темныхъ кустовъ и деревьевъ добѣжала до стараго дуба, у котораго ей назначилъ свиданіе Петя.

Дѣтскій балъ только-что кончился. Музыка стихла. Вдали сквозь вѣтви, едва-едва мерцали развѣшанные въ главной аллеѣ фонарики, словно большіе, причудливые свѣтляки. Внизу, подъ откосомъ, слабо журчала вода, потому что рѣчка въ этомъ мѣстѣ дѣлала крутой изгибъ. Пахло папоротникомъ и калиной.

Петя, при приближеніи Ниночки, вскочилъ съ земли.

— Ну, вотъ я пришла,—сказала она, не зная, что говорить.

Петя былъ смущенъ не меньше Ниночки; онъ ее взялъ за руки, усадилъ рядомъ съ собой на кряжистомъ корнѣ дуба, неловко и неумѣло выговаривалъ слова, которыя заранѣе приготовилъ:

— Ты—смѣлая дѣвочка, Нина... Я это въ тебѣ цѣню... Мнѣ было необходимо тебя видѣть... Потому что... Потому что я долженъ тебѣ сказать... Тебѣ сказать, что я люблю тебя...

Ниночка разсмѣялась, и ей стало почти весело.

— Какой ты глупый, Петя! Тебѣ нѣтъ двѣнадцати лѣтъ. Мы—дѣти. Намъ надо учиться. А любить мы будемъ, когда станемъ большими.

Если бы не было такъ темно подъ дубомъ, куда дотягивали свои крючковатыя вѣтви кусты, росшіе по рѣчному откосу, можно было бы увидѣть, какъ Петя покраснѣлъ. Пусть взрослые еже-

минутно ставятъ ему на видъ, что онъ ребенокъ, но зачѣмъ это говоритъ ему Ниночка, которая не старше его, которая, во всякомъ случаѣ, знаетъ или понимаетъ меньше, чѣмъ онъ. Петя сказалъ раздраженно:

— Есть люди, которые любятъ однажды въ жизни. Я тебя полюбилъ, Нина, съ первой минуты, какъ увидалъ. И я буду вѣренъ моей любви, хотя бы мнѣ пришлось изъ-за нея умереть. Знаешь, у Лермонтова написано въ его тетрадяхъ при одномъ стихотвореніи: „я второй разъ полюбилъ двѣнадцати лѣтъ, и понынѣ ее люблю".

— Такъ то Лермонтовъ!

— Ну, да ты это теперь говоришь, когда онъ написалъ „Демона" и ему въ Пятигорскѣ поставили памятникъ. Но, когда ему было столько же лѣтъ, сколько теперь мнѣ, онъ еще ничего не писалъ... А, впрочемъ, если ты не любишь, скажи это прямо. У меня достанетъ силъ пережить все. Я буду любить тебя молча, и не скажу тебѣ больше о своей любви ни слова, никогда въ жизни.

Петя всталъ съ земли и сложилъ на груди руки, чтобы выразить отчаянье. Ниночкѣ стало жаль прервать такъ быстро свиданіе, котораго, съ волненіемъ, ждала она весь день. Да и вовсе было не правда, что она не любила Петю: онъ очень ей нравился, онъ совсѣмъ не похожъ былъ на другихъ мальчиковъ, и, можетъ-быть, онъ и въ самомъ дѣлѣ поэтъ.

Ниночка позвала Петю:

— Ты не уходи, садись опять рядомъ. Я вѣдь только сказала, что ты не Лермонтовъ.

— Нѣтъ, ты должна сперва мнѣ отвѣтить, любишь ли ты меня!

— Этого нельзя спрашивать.

— Какое мнѣ дѣло, можно или нельзя. Я хочу знать, и ты должна отвѣтить.

— Ну, можетъ-быть, люблю.

Петя опять сѣлъ на корнѣ около Ниночки и взялъ ее за руку. Ниночка не посмѣла отнять руку, чтобы онъ опять не разсердился.

— А тебя дома не хватятся?—спросилъ Петя.

— Нѣтъ, мнѣ позволили гулять до одиннадцати...

II.

Понемногу ихъ смущеніе проходило; имъ становилось хорошо наединѣ. Вдалекѣ, въ главной аллеѣ, опять заигралъ оркестръ, такъ какъ начался балъ для взрослыхъ. Звуки музыки, проходя сквозь влажную зелень, уплывая вдаль надъ зарѣчными лугами, казались удивительно нѣжными. Было темно вокругъ, лишь наверху, бѣлыми точечками, блистали звѣзды. И подъ эту невидимую музыку, въ этой зеленоватой тѣни, легко было говорить обо всемъ, о чемъ не говорятъ днемъ.

— Кромѣ тебя, я не буду принадлежать ни одной женщинѣ,—сказалъ Петя.

— Неправда,—возразила Ниночка,—у мужчинъ до свадьбы всегда бываютъ разныя любовныя приключенія.

— Ты это говоришь съ чужихъ словъ, а сама не понимаешь, что это значитъ.

— Ошибаешься, я не такая глупая. Это въ прежнее время дѣвочекъ воспитывали въ институтахъ и разсказывали имъ всякія басни. А теперь намъ объясняютъ все прямо.

— Кто же тебѣ все объяснилъ?

— Мнѣ?—мама, сама. Когда мы съ ней купались, она мнѣ сказала, что такое мужчина и что такое женщина. Потомъ показала атласъ съ картинками.

Петя совсѣмъ прижался къ Ниночкѣ. Онъ отклонилъ ея голову къ самому стволу дуба, чтобы укрыться въ тѣнь. Хотѣлось не смотрѣть другъ на друга и говорить все тише и тише. Они почти шептались, почти не двигались. Ихъ руки были переплетены и пальцы сжимали пальцы.

— Скажи, Ниночка,—шепнулъ Петя,—ты мечтаешь иногда о томъ, что ты замужемъ и что мужъ тебя обнимаетъ и ласкаетъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, не спрашивай, Петя, объ этомъ,—отвѣчала Ниночка,—мнѣ стыдно.

— Въ этомъ нѣтъ ничего стыднаго. И вообще стыдъ—это вздоръ. Вѣдь влюбленные обнимаютъ и ласкаютъ другъ друга, и ихъ за то прославляютъ въ романахъ и стихахъ. Если двое любятъ, они должны отдаться одинъ другому: этого требуетъ любовь.

— И неужели они бываютъ раздѣтые?

— Кто?

— Тѣ... которые отдаются... которые любятъ... какъ это должно быть страшно!

— Какая ты странная! Развѣ влюбленнымъ можетъ быть страшно другъ друга? Въ томъ, кого любишь, нравится все...

— Но вѣдь это они дѣлаютъ, чтобы имѣть дѣтей...

— Опять глупости. Дѣти тутъ не при чемъ. Дѣти не всегда бываютъ... А любовь сама по себѣ.

— Но вотъ мнѣ подруга разсказывала, ея сестра замужъ вышла...

Слова Ниночки перешли въ тихій, тихій шопотъ; она или не докончила рѣчи, или Петя не разслышалъ этого окончанія. Дѣти теперь почти лежали у ствола дуба, слабо прислонясь къ нему сближенными шеями. Сквозь тонкое, лѣтнее платье Ниночки Петя чувствовалъ теплоту и испарину ея тѣла. Отъ этой теплоты живого существа, отъ этого едва различимаго запаха у него кружилась голова. Они оба дышали трудно и прерывисто.

Звуки плавнаго вальса закружились въ лабиринтѣ липовой листвы. Взрывъ голосовъ долетѣлъ съ легкимъ вздохомъ случайнаго вѣтерка. Внизу, у рѣки, близъ ключа, прокричала ночная птица, проснувшись внезапно. Бѣлыя звѣзды были неподвижны, прямо надъ головами, въ синемъ, непрозрачномъ небѣ.

Короткая юбочка Ниночки поднялась отъ лежанія на землѣ. Петя прикасался ногой къ обнаженному колѣну Ниночки. Рукой онъ ощущалъ кружево ея бѣлья. Обнявъ ее другой рукой, онъ ее поцѣловалъ въ шею.

— Петя! Петя! этого нельзя,—шептала она, не сопротивляясь.

Онъ продолжалъ цѣловать ей шею. Потомъ грудь сквозь платье. Потомъ онъ сползъ ниже, прижался губами къ ея колѣну, и рѣзче проникъ въ его ноздри запахъ тѣла. Онъ цѣловалъ ноги Ниночки, ему хотѣлось вонзить въ нихъ зубы, кусать ее...

III.

Голосъ чужой и строгій заставилъ ихъ въ ужасѣ вскочить и откинуться одному отъ другого.

Передъ ними была княгиня, задумчиво гулявшая по темнымъ аллеямъ и натолкнувшаяся на сцену свиданія.

— Это кто? Это ты, Петя? Это ты, Ниночка?—говорила она.

Княгиня стояла во главѣ всего маленькаго дачнаго общества. Она присвоила себѣ право дѣлать замѣчанія юношамъ и барышнямъ. Она кокетничала тѣмъ, что была много старше ихъ всѣхъ.

Ей показалось, что дѣтямъ она обязана сдѣлать выговоръ.

— Вы съ ума сошли убѣгать въ темныя аллеи,—сказала она.—Вотъ я все разскажу твоему отцу, Петя, и твоей матери, Нина! Не слишкомъ ли рано вы затѣяли цѣловаться на свиданіяхъ? Сейчасъ же отправляйтесь по домамъ!

Ниночка уже рыдала и, закрывъ лицо обѣими ладонями, она медленно пошла по узкой липовой аллеѣ. Въ душѣ у нея былъ стыдъ и отчаяніе, ей представлялось, что вся ея жизнь сломалась, такъ что нельзя ее и поправить. Она готова была бы броситься въ омутъ; только бы избѣгнуть объясненій, которыя ждали ее дома.

Петя видѣлъ слезы Ниночки; онъ считалъ, что долженъ вступиться за нея, ее защитить, но не зналъ, какъ это сдѣлать. Онъ стоялъ передъ княгиней, безъ шляпы, покраснѣвшій, то готовый тоже плакать, то заговорить съ ней, какъ равный.

— А ты ступай другой дорогой,—сказала ему княгиня.— Выкинь изъ головы глупости и возьмись за книжки, будетъ полезнѣе.

Петя, наконецъ, овладѣлъ своимъ голосомъ и сказалъ:

— Я ее люблю, она моя невѣста, мы имѣемъ право быть вмѣстѣ. А вы почему вмѣшиваетесь въ наше дѣло?

Княгиня начала весело смѣяться и сѣла на томъ самомъ корнѣ, гдѣ только-что сидѣла Ниночка. Тамъ княгиня заняла мѣста вдвое больше, и весь ея обликъ, крупный, полный, удивительно подходилъ къ мощному стволу дуба. Она глядѣла прямо въ лицо мальчику и спрашивала безжалостно:

— Вотъ какъ, она твоя невѣста? Вы обручились? И, какъ ея будущій мужъ, ты имѣешь на нея права? Можешь ея цѣловать? Даже ея ноги?

Петя молчалъ. Онъ былъ милъ и красивъ на фонѣ темной, ночной зелени, со спутанными волосами, съ разстегнутымъ воротомъ куртки, похожій на юношу съ одного изъ портретовъ Ванъ-Дика.

Взявъ Петю за руку, княгиня привлекла его къ себѣ.

— Итакъ, ты влюбленъ въ Ниночку?—спросила она.—Ее одну любишь? И ее одну хочешь цѣловать?

Потомъ, голосомъ болѣе лукавымъ:

— Тебѣ очень нравится цѣловать ея колѣни?

Свѣтъ фонариковъ все мелькалъ сквозь листву, и звуки музыки все звучали, и также, какъ раньше, пахло папоротникомъ и калиной. Но эти огни, эти звуки, эти запахи уже въ чемъ-то стали иными, ихъ нѣжность разрѣшилась въ какую-то остроту. И бѣлыя звѣзды въ небѣ стали болѣе крупными, и

листья липъ, шевелимыя случайнымъ вѣтеркомъ, качались страннѣе и загадочнѣе.

— А ты не хочешь поцѣловать мои колѣни?

Княгиня приподняла платье; Петя опять увидѣлъ розоватое пятно тѣла и надъ нимъ бѣлое кружево.

Петя сталъ на колѣни. Онъ прижался губами къ тѣлу. Запахъ болѣе жгучій, чѣмъ раньше, болѣе пьянительный, болѣе необычайный, вошелъ въ его ноздри: запахъ женскаго тѣла и запахъ сильныхъ духовъ.

Тѣснѣе и судорожнѣе Петя прижался губами къ тѣлу. Надъ собой онъ слышалъ тихій и нѣжный голосъ княгини...

М. КУЗМИНЪ.

ПРИНЦЪ СЪ МЫЗЫ.

КОМЕДІЯ.

Лица:

Принцъ Амедей.

Ричардо старый придворный.

Филибертъ молодой придворный.

Арсиноя кузина принца.

Вероника }
Филумена } приближенныя дѣвицы.

Слуга

Конецъ XVII в. югъ Франціи или сѣверъ Италіи.

ДѢЙСТВІЕ 1-е.

Павильонъ въ дворцовомъ саду, черезъ дверь видѣнъ солнечный пейзажъ.

СЦЕНА 1-я.

(Арсиноя, Вероника и Филумена).
(Онѣ входятъ смѣясь и щебеча).

Вероника.

Мамка говоритъ, что этотъ сонъ къ свадьбѣ, но я не вѣрю. Если мы не будемъ выѣзжать изъ герцогства, намъ придется остаться въ дѣвахъ, или повыходить за пастуховъ и обратить страну въ Аркадію!

Арсиноя.

Кто же вѣритъ снамъ? хотя это и сладкая утѣха.

Вероника.

А помните передъ пріѣздомъ принца, какой я видѣла сонъ?

Филумена. *(Напѣваетъ).*

На мягкій лужокъ
Пришелъ пастушокъ;
Глаза будто свѣчки,
На лентѣ овечки,
Съ цвѣткомъ посошокъ.

Вероника.

Ты такъ часто поешь про пастушка, что можно подумать, что ты влюбилась въ его свѣтлость.

Филумена.

Но я же его ни разу не видала.

Вероника.

Да его и никто изъ насъ еще не видалъ.

Арсиноя.

Къ тому же любовь часто рождается совершенно независимо отъ того, видишь ли любимый предметъ.

Вероника.

Говорятъ, онъ очень красивъ. Еще на мызѣ всѣ дѣвушки были отъ него безъ ума, даже не зная, что онъ наслѣдникъ.

Филумена.

Говорятъ, у него ангельскій характеръ. Семья, гдѣ онъ воспитывался, имъ не нахвалится.

Арсиноя.

Но я боюсь за его манеры, какъ бы, воспитанный въ глуши, онъ не перенялъ деревенскихъ повадокъ.

Вероника.

Не безпокойтесь, Арсиноя, происхожденіе всегда даетъ себя знать, и роза, внесенная въ хлѣвъ, все равно остается розою.

Арсиноя.

А помнишь, какъ наша кузина Розалинда провела цѣлую зиму въ глуши Испаніи, гдѣ кромѣ муловъ, ихъ погонщиковъ и глупаго дяди она никого не видала? Помнишь, какъ она слегка оглохла, удивляла насъ крѣпкими словами и даже уши ея сдѣлались длиннѣе.

Вероника.

Боже милостивый, что же сталось съ принцемъ, выросшимъ въ деревнѣ свинопасовъ?

Филумена.

Счастлива ты, Арсиноя, ты выйдешь замужъ за своего кузена, принца Амедея.

Арсиноя.

Откуда ты взяла? это далеко не рѣшено.

Филумена.

Не скрывайся, не скрывайся, это всѣмъ извѣстно.

Арсиноя.

И потомъ послѣ нашихъ разговоровъ и предположеній этотъ бракъ едва ли можетъ считаться столь завиднымъ для меня. Выходить замужъ за свинопаса, хотя бы онъ происходилъ отъ троянскаго Гектора или отца Анхиза, не весьма утѣшительно.

Вероника.

Это все пройдетъ, разъ онъ васъ увидитъ, а тѣмъ болѣе если полюбитъ васъ.

Филумена.

Вонъ идетъ Филибертъ.

(Смѣются).

Вероника.

Онъ спѣшитъ съ какою-нибудь новостью.

Арсиноя.

Да, дѣйствительно, онъ спѣшитъ, если дѣлаетъ болѣе двухъ шаговъ въ теченіе почти минуты, не разглаживаетъ на ходу своихъ кружевъ, не останавливается, чтобы посмотрѣться

въ зеркало, поправить локонъ или попудрить носъ. Что-то волнуетъ его очевидно.

Вероника.

Боже, что за краски, что за нарядъ! что за банты!—Господинъ Филибертъ, господинъ Филибертъ, пожалуйте сюда, пожалуйте сюда!

Всѣ.

Господинъ Филибертъ, пожалуйте къ намъ, подѣлитесь своею новостью!

СЦЕНА 2-я.

(Тѣ же и Филибертъ).

Филибертъ.

Добрый день, прекрасныя дамы; что за райскіе звуки пробудили меня отъ сладкой задумчивости? Мнѣ казалось, что сотни серебряныхъ колокольчиковъ звенѣли моимъ именемъ: „Филибертъ, Филибертъ, Филибертъ!“

Арсиноя.

Это мы васъ звали, сударь.

Филибертъ.

О!

Арсиноя.

Мы хотѣли знать, что за новость вы несете намъ?

Филибертъ.

Если я скажу вамъ, что вы свѣжѣе утра, ярче солнца, румянѣй розы...

Вероника.

Лазурнѣе лазури...

Филибертъ.

Нѣжнѣе вѣтерка, это не была бы новость...

Арсиноя.

Что принцъ?

Филибертъ.

Онъ переодѣвается. Если я скажу вамъ, что нашептали мнѣ соловьи въ прошлую ночь, когда я безъ сна томился у вашего балкона, это не будетъ новость.

Вероника.

Принцъ скоро выйдетъ?

Филибертъ.

Какъ только переодѣнется. Если я вамъ скажу, что легкій сонъ приноситъ мнѣ все вашъ же образъ и не ослабѣваетъ томленіе любви—это не будетъ новость.

Филумена.

Принцъ—красивъ?

Филибертъ.

Ничего себѣ. Если я вамъ скажу...

Вероника.

Да замолчите, несносный болтунъ, вотъ идетъ старый Ричардо и принцъ Амедей. Боже, какъ онъ красивъ!

(*Всѣ замираютъ*).

СЦЕНА 3-я.

(*Тѣ же, Ричардо и Амедей*).

(*Принцъ входитъ быстро съ самострѣломъ въ рукахъ, Ричардо за нимъ поспѣшаетъ*).

Амедей.

Нѣтъ, видалъ ли ты такой прицѣлъ? Какъ камень, лебедь упалъ въ озеро; онъ непремѣнно пошелъ бы ко дну, если бы

я во-время не отвязалъ челна и не выплылъ на середину; мой вѣрный песъ помогъ мнѣ. Что?

Ричардо.

Вашъ выстрѣлъ былъ безподобенъ, но не слѣдуетъ такъ подвергать опасности вашу жизнь, принцъ.

Амедей.

Пустяки. Ты совершенно напрасно даже настаивалъ на томъ, чтобы я стащилъ ботфорты и переодѣвался, будто я какой-то нѣженка и боюсь простуды.

Ричардо.

Дай Богъ, чтобы ваше здоровье было всегда такимъ же цвѣтущимъ, но вамъ предстояло знакомство съ вашей кузиной принцессой Арсиноей и съ ближайшими придворными, и было бы не совсѣмъ прилично, если бы вы это дѣлали въ охотничьемъ нарядѣ.

Амедей.

Ну, чортъ съ ними! Гдѣ же эта почтенная компанія, съ которой я долженъ знакомиться?

Филибертъ (*съ поклономъ*).

Мы ждемъ, ваше высочество, вашего всемилостивѣйшаго слова. Цвѣты, пока царитъ ночь на землѣ, закрытыми держатъ свои чашечки, но лишь покажется съ востока на своей колесницѣ свѣтило дня, они привѣтствуютъ его, раскрывая вѣнчики.

Амедей.

Это—шутъ?

Ричардо.

Это вашъ ближайшій совѣтникъ, благородный Филибертъ.

Амедей.

Какъ же я буду слушать его совѣты, когда я наполовину не понимаю, что онъ лопочетъ, да и то, что я понялъ, я давно и безъ него зналъ? Совѣты должны быть просты, вразумительны и неожиданны. Когда мнѣ говорятъ, что нужно завязать на платкѣ узелокъ, чтобы найти потерянную вещь,—это я понимаю, но если бы мнѣ посовѣтовали для этого просто искать хорошенько пропажу, я бы такого совѣтчика прогналъ въ три шеи.

Филумена.

Какъ онъ хорошъ!

Ричардо.

А это ваша кузина, принцесса Арсиноя, и ея дамы, г-жа Вероника и г-жа Филумена.

Всѣ три (*присѣдая*).

Ваше высочество.

Амедей.

Которая же изъ нихъ Арсиноя?

Арсиноя.

Это я, ваше высочество.

Амедей.

Здравствуй, всегда радъ видѣть родню, хотя бы это была седьмая вода на киселѣ.

Ричардо.

Вамъ слѣдуетъ поцѣловать ручку у принцессы.

Амедей.

Очень нужно. Отродясь у бабъ рукъ не цѣловалъ.

Ричардо.

Этого требуетъ этикетъ.

Амедей.

Что это за звѣрь?

Ричардо.

Это правила, какъ поступаютъ всѣ, кто находится при дворѣ, вашъ покойный батюшка и батюшка вашего батюшки всѣ ему слѣдовали и вамъ не пристало нарушать обычаи.

Амедей.

Пусть, кому угодно, слѣдуетъ дурацкимъ правиламъ, но я— принцъ, поступаю, какъ хочу и не стану цѣловать рукъ этимъ маленькимъ обезьянамъ.

Дамы (*ропща*).

Обезьянамъ.

Амедей.

Клянусь св. Рохомъ, вы похожи на обезьянъ, что таскаютъ за спиной Савояры. Кто васъ надоумилъ такъ смѣшно разрядиться? эти ленты, буфы, оборки, банты и всякіе пустячки кого не разсмѣшатъ? Положимъ меня самого обвертѣли, какъ масляничную чучелу, но это покуда, до поры до времени, пока не знаютъ, каковъ мой нравъ!.. Ричардо, что же это весь мой дворъ?

Ричардо.

Какъ можно, у вашего высочества есть и канцлеръ, и казначей, и капелланъ, и экономка, и ключница, и еще десять придворныхъ дамъ.

Амедей.

Клянусь св. Рохомъ, что же кромѣ бабъ, стариковъ и шутовъ гороховыхъ у меня никого нѣтъ? ни егерей, ни конюховъ, ни доѣзжачихъ, ни солдатъ, ни просто веселыхъ ребятъ?

Ричардо.

Они, конечно, есть, но это все низшій классъ, до котораго вамъ неудобно спускаться.

Амедей.

Ну ужъ это я знаю, что мнѣ удобно и что неудобно. Съ кѣмъ же я буду проводить свободное время?

Ричардо.

Вы можете раза два въ годъ посѣщать сосѣднихъ герцоговъ и королей.

Амедей.

Къ чорту! Съ сосѣдями я буду лишь воевать.

Филибертъ.

Досуги вашего высочества мы постараемся украсить своими скромными дарованіями, мы можемъ играть въ шашки.

Филумена.

Въ воланъ!

Вероника.

Въ серсо!

Арсиноя.

Въ мячъ.

Филумена.

Мы можемъ танцовать сарабанду.

Вероника.

Куранчу.

Арсиноя.

Аллеманду.

Филумена.

Мы будемъ вамъ пѣть.

Вероника.

Мы будемъ гулять и плести вѣночки.

Арсиноя.

Мы вамъ дадимъ овечку на лентѣ и посошокъ съ цвѣткомъ на рукояткѣ.

Всѣ.

Мы будемъ васъ любить, принцъ. Хотите, мы теперь вамъ станцуемъ нѣжный танецъ.

Амедей.

Хорошо. Лучше ужъ танцуйте, чѣмъ трещать вокругъ меня. А пѣть вы не будете?

Всѣ.

Мы сначала просто станцуемъ.

Амедей.

Ну и слава Богу!

(*Танцуютъ. Принцъ засыпаетъ, проснувшись кричитъ*).

Онѣ все еще танцуютъ? Довольно, надоѣло. Спой лучше, Ричардо, у тебя, навѣрно, не такой пискливый голосъ. А я буду подтягивать. Какія пѣсни ты знаешь?

Ричардо.

Я, принцъ, ужъ тридцать лѣтъ, какъ не пою, я все перезабылъ.

Амедей.

Ну, ты вспомнишь. Не знаешь «Къ коровамъ быкъ присталъ чужой» или «Не бойся будки, Луизонъ», или «Нашъ сакристанъ былъ первый хватъ»?

Ричардо.

Увѣряю васъ, я все перезабылъ.

Дамы.

Миленькія пѣсни вспоминаетъ принцъ. Это даже наши камеристки такихъ не поютъ.

Амедей.

Ну ужъ эту ты навѣрно знаешь: «На лугъ зеленый мы пошли».

Ричардо.

Эту немножко знаю.

Амедей.

Вотъ отлично. Госпожа, какъ васъ тамъ? Верулина, Филуника, потрудитесь намъ подыграть на лютнѣ «На лугъ зеленый мы пошли», только побыстрѣе и погромче!

Филумена.

Я не играю такихъ пѣсенъ, принцъ.

Амедей.

Ладно, можно и безъ лютни, еще лучше выйдетъ.

Ричардо.

Право, принцъ, я боюсь сбиться, и потомъ вы слышите, мое горло совсѣмъ заржавѣло.

Амедей.

Да не ломайся, пой, слова я тебѣ буду подсказывать.

Ричардо (*поетъ*).

На лугъ зеленый мы пошли,
Былъ сильный вѣтеръ.
И незабудокъ тамъ нашли,
Былъ сильный вѣтеръ.
Колета бросилась бѣжать,
Былъ сильный вѣтеръ.
Но я успѣлъ ее догнать,
Былъ сильный вѣтеръ.
Она упала на траву,
Былъ сильный вѣтеръ.
Во снѣ ли я иль на яву?
Былъ сильный вѣтеръ.

Но что потомъ случилось тамъ,
Былъ сильный вѣтеръ.
Мы не сказали и цвѣтамъ,
Былъ сильный вѣтеръ!

Арсиноя.

Я и не знала, Ричардо, что вы умѣете пѣть такія вольныя пѣсни.

Ричардо.

Гдѣ же я умѣю, я говорилъ, что я все перезабылъ.

Амедей.

По здравомъ размышленіи я вотъ что придумалъ. Такъ какъ я долженъ буду учиться, судить и воевать и, кромѣ того, имѣть много досуга (потому что иначе, что же за прибыль мнѣ быть принцемъ?), то я не могу исполнять разныя мелкія обязанности, которыя я поручаю вамъ. Ты, Филибертъ, возьмешь ружье, трещотку, двухъ собакъ и будешь ночнымъ сторожемъ, моя кузина не полѣнится взять на свое попеченіе птичій дворъ, а двѣ дѣвицы—скотный.

Арсиноя.

Какъ? ахъ! какъ? принцъ! (*падаетъ безъ чувствъ*).

Вероника.

Какъ? ахъ! (*падаетъ*).

Филумена.

Какъ? (*падаетъ*).

Филибертъ.

Какъ? (*падаетъ*).

Амедей.

Ты, Ричардо, пойдешь со мною.

Ричардо.

Весь въ дѣда: любитъ быстрыя рѣшенья.

Амедей и Ричардо.

На лугъ зеленый мы пошли.
Былъ сильный вѣтеръ.
И незабудокъ тамъ нашли,
Былъ сильный вѣтеръ.

(*Уходятъ*).

ДѢЙСТВІЕ 2-е.

Тамъ же. Подъ вечеръ.

СЦЕНА 1-я.

(*Арсиноя и Вероника*).

Вероника.

Хорошо еще, что принцъ такъ же скоро отмѣняетъ свои рѣшенія, какъ ихъ принимаетъ. Намучилась я эту недѣлю на скотномъ дворѣ.

Арсиноя.

Невоспитанный сумасбродъ; что съ него спрашивать? Но меня безпокоитъ другое.

Вероника.

Я давно замѣчаю, принцесса, что васъ что-то томитъ, но не смѣла спрашивать.

Арсиноя.

Ты знаешь, что такъ рѣшено, что я должна выйти за принца Амедея.

Вероника.

И васъ это пугаетъ, несомнѣнно...

Арсиноя.

Но не такъ, какъ ты думаешь. Принцъ Амедей не такой человѣкъ, чтобы безъ любви быть съ нимъ счастливой.

Вероника.

А вы его не любите?

Арсиноя.

Онъ меня не любитъ, думаю.

Вероника.

Но онъ не знаетъ, что вы—его невѣста.

Арсиноя.

А ты думаешь, что отъ такого знанія явится любовь?

Вероника.

Дитя, зачѣмъ вамъ счастье, разъ вы будете на тронѣ?

Арсиноя.

Да, Вероника, ты права; несмотря на свои тридцать лѣтъ, такъ что этотъ дикій мальчикъ всегда вправѣ бросить мнѣ въ лицо „старуха", несмотря на вѣчное пребываніе при дворѣ, на морщины у глазъ, несмотря на все,—я полюбила его, какъ ребенокъ, трепещу и робѣю.

Вероника.

Нашего пастушка съ мызы?

Арсиноя.

Да. И сегодня я хочу поговорить съ нимъ, раньше, чѣмъ ему будетъ извѣстно, что я ему назначена въ невѣсты.

Вероника.

Вы будете ждать его здѣсь?

Арсиноя.

Да, Вероника, скройся. Спрячусь и я.

Вероника.

Вы видѣли: пролетѣла летучая мышь—это къ теплу.

Арсиноя.

Не все ли равно!

СЦЕНА 2-я.

(*Амедей и Ричардо*).

Амедей.

За этотъ мѣсяцъ, что я здѣсь, я такъ соскучился, Ричардо, будто меня прямо изъ солнечной рощи посадили на цѣпь въ тюрьму. Ты думаешь, мнѣ очень лестно командовать кучкой смѣшныхъ глупцовъ, когда я лишенъ самаго главнаго—свободы?

Ричардо.

Ваше высочество, не отъ васъ ли все зависитъ, не самый ли свободный вы человѣкъ въ своей странѣ?

Амедей.

Къ чему лукавить. Если я хочу вставать съ зарею, мнѣ говорятъ, что это неприлично, когда я хочу спать—меня будятъ, когда я хочу ѣхать на охоту — меня посылаютъ разбирать дѣла и произносить приговоры, меня заставляютъ быть справедливымъ, когда мое желаніе—быть великодушнымъ. Человѣкъ справедливый—не можетъ быть великодушнымъ. Ни встать, ни сѣсть, ни съѣсть, ни пойти—мнѣ нельзя безъ указки. Мнѣ это надоѣло. Не достаетъ еще, чтобы меня женили на какой-нибудь изъ этихъ куколъ.

Ричардо.

Вы—человѣкъ взрослый, и конечно подданные были бы рады видѣть рядомъ съ вами вашу супругу.

Амедей.

Нѣтъ ужъ на это я не пойду.

Ричардо.

Воля ваша, сударь, но не забывайте, что любовь всесильна.

Амедей.

Я не знаю этого чувства, Ричардо, я люблю свою покойную мать, никогда ея не видѣвши, своихъ друзей, деревню, лѣсъ; какъ жалко, что у меня нѣтъ ни брата, ни сестры. Я бы любилъ сестру со всею нѣжностью, на которую я способенъ, былъ бы ея ребенкомъ и рыцаремъ,—братомъ. Но той любви, о которой ты говоришь, я не знаю.

Ричардо.

Она спитъ, но она проснется.

Амедей.

Пусть же она выспится хорошенько, эта любовь, пусть выспится.

Ричардо.

Иногда запоздалость влечетъ большія неустройства, обращаясь въ страсть.

Амедей.

Будь, что будетъ.

Ричардо.

Я пойду насчетъ ужина.

Амедей.

Я же поброжу въ саду. Вели накрыть ужинъ здѣсь. Да впрочемъ я не хочу ѣсть, не надо.

Ричардо.

Какъ угодно. Изволили замѣтить, пролетѣла летучая мышь.

Амедей.

Такъ что же? это къ теплу.

Ричардо.

Говорятъ, что такъ; можетъ быть къ любви? *(Уходитъ, смѣясь)*.

СЦЕНА 3-я.

(Амедей, Арсиноя).

Арсиноя *(подходя тихо)*.

Принцъ Амедей, я сдѣлала большую неосторожность, но повѣрьте, что это вышло мимо моей воли. Я слышала вашъ разговоръ съ Ричардо; простите.

Амедей.

Конечно, это не хорошо, но разъ вы этого не желали, ваша вина уничтожается.

Арсиноя.

Я не желала этого, но рада, что такъ случилось. Я тронута до слезъ. Если бъ я могла быть вашею сестрою!

Амедей.

Да, но вы не сестра мнѣ.

Арсиноя.

Увы! разумѣется, это не болѣе, какъ мечта. Вы говорили о нѣжности, Амедей, и нѣжно говорили, но не только вы можете быть нѣжны. Знаете, на кого бы я излила всю свою нѣжность, будь онъ мнѣ братомъ, мужемъ, другомъ или врагомъ?

Амедей.

Я не знаю.

Арсиноя.

И не догадываетесь?

Амедей.

Нѣтъ. Мнѣ это все равно.

Арсиноя.

На васъ, принцъ, на васъ одного.

Амедей.

Вы меня совсѣмъ не знаете.

Арсиноя.

А вы развѣ знали свою покойную мать, свою несуществующую сестру?

Амедей.

То была мать и была бы сестра, я же вамъ чужой.

Арсиноя.

Вы думаете, я многимъ это говорю? однимъ вамъ и первому.

Амедей.

Было бы стыдно, если бы вы многимъ это говорили. Я не знаю даже, зачѣмъ и мнѣ вы въ этомъ признаетесь.

Арсиноя.

Вы не любите меня?

Амедей.

Нѣтъ.

Арсиноя.

Нисколько?

Амедей.

Нисколько.

Арсиноя.

Вы никого не любили?

Амедей.

Вы слышали мой разговоръ съ Ричардо.

Арсиноя.

А если я васъ поцѣлую?

Амедей.

Мнѣ это будетъ непріятно.

Арсиноя.

Да?

Амедей.

Да.

Арсиноя.

Послушайте, принцъ, по обычаю страны, вы все равно должны жениться, и разъ вы никого не любите и, кажется, не собираетесь этого дѣлать...

Амедей.

Не собираюсь!

Арсиноя.

То нужно считать счастьемъ, что въ невѣсты вамъ выбрали меня.

Амедей.

Васъ?

Арсиноя.

Дослушайте до конца. Меня. Я васъ люблю, не скрою, но потому-то я найду силы, ничего отъ васъ не требуя, находиться все время близъ васъ, какъ тихая мебель, какъ собака. Вы будете свободны, обычаи соблюдены, а я счастлива.

Амедей.

Кто можетъ заставить меня поступать противъ моего желанья?

Арсиноя.

Вѣдь ничего не измѣнится. Повѣрьте.

Амедей.

По-моему, вы меня хотите обмануть: я вамъ повѣрю, женюсь на васъ, и вы меня будете цѣловать каждую минуту. Со мною никто такъ не говорилъ. Я не знаю, какъ васъ слушать. Теперь поздно, мнѣ хочется спать. Я завтра подумаю.

Арсиноя.

Отчего завтра? отчего не сейчасъ?

Амедей.

Вы очень настойчивая дѣвушка, Арсиноя. Уговариваете меня будто выпить микстуру. Я не понимаю, зачѣмъ вамъ это нужно. Вы какъ моя мамка, передъ сномъ она перебирала мои волосы и разсказывала сказки; слушаешь, слушаешь и заснешь, а въ сущности она плела невѣроятный вздоръ про оборотней и фей.

Арсиноя.

Вотъ, вотъ, позвольте и мнѣ быть вашей мамкой, хотя бы говорящей вздоръ.

Амедей.

А вы меня не надуете?

Арсиноя.

Кто любитъ, тотъ не обманываетъ.

Амедей.

Тогда, вѣроятно, очень мало любящихъ людей.

Арсиноя.

Вы согласились, принцъ, не правда ли?

Амедей.

Нѣтъ еще.

Арсиноя.

Да, да, не отпирайтесь; и вотъ залогъ нашего договора *(цѣлуетъ его)*.

Амедей.

Принцесса.

Арсиноя.

Это какъ нянька, не болѣе какъ нянька. До свиданья, до завтра, до радостнаго завтра *(цѣлуетъ)*.

Амедей.

Опять!

Арсиноя.

Это какъ сестра, не болѣе, какъ сестра.

Амедей.

То какъ сестра, то какъ нянька, то какъ кузина, то какъ свояченица. Мнѣ надоѣло это. У васъ мягкія и мокрыя губы— мнѣ это непріятно, слышите.

Арсиноя.

Не сердитесь, ваше высочество: я исчезаю.

СЦЕНА 4-я.

(Амедей, Филибертъ).

Амедей.

Все-таки она меня обманетъ. У меня даже сонъ прошелъ. Нужно обо всемъ разспросить хоть Ричардо. Ричардо, Ричардо! (*Входитъ Филибертъ*) Чего тебѣ?

Филибертъ.

Я взялъ смѣлость явиться, чтобы пожелать вашему высочеству добрый вечеръ.

Амедей.

Отлично; еще что?

Филибертъ.

Въ такой вечеръ, когда облака окрасились нѣжною кровью зари, когда зефиры стихли и одинокій соловей завелъ свои любовныя трели...

Амедей.

Я и безъ тебя знаю. Дальше.

Филибертъ.

Въ такой вечеръ, когда всѣ думаютъ о наслажденьяхъ и забавахъ, о музыкѣ, танцахъ и поцѣлуяхъ въ темныхъ аллеяхъ...—

Амедей.

Я думаю въ такой вечеръ, создалъ же Господь такого кривляку и болтуна.

Филибертъ.

Въ такой вечеръ я осмѣлюсь вамъ напомнить, что въ среду ваше высочество званы на обѣдъ и праздникъ къ маршалу Жоффруа де Виленевъ, и можетъ-быть не безполезно было бы принять нѣсколько предварительныхъ экзерсисовъ первоначальныхъ хотя бы манеръ, напримѣръ поклоновъ. И я смѣю предложить свои услуги, чтобы возобновить въ памяти вашего высочества то, что онъ знаетъ (о, безусловно) и безъ меня.

Амедей.

(Спросить у него объ Арсиноѣ?!) Послушайте, г. Филибертъ, что я у васъ хочу спросить.

Филибертъ.

Для правильнаго поклона нужно сдѣлать шагъ впередъ, имѣя корпусъ согнутымъ.

Амедей.

Г. Филибертъ, я съ вами говорю!

Филибертъ.

Руки, свободно висящія къ землѣ, или одну руку къ груди, другую же, что держитъ шляпу...

Амедей.

Г. Филибертъ, я за себя не ручаюсь...

Филибертъ.

Опустить такимъ образомъ, чтобы перо.... (*Амедей бьетъ его, тотъ кричитъ*).

Амедей.

Я васъ спрашиваю, что принцесса Арсиноя...

Филибертъ.

Я не знаю, ваше высочество!

Амедей.

Я не о томъ. Она страстна?

Филибертъ.

Какъ Этна, какъ Везувій, какъ Фрина, Клеопатра, Аспазія и Иродіада вмѣстѣ взятыя. Нужно только удивляться, какъ въ такомъ хрупкомъ и деликатномъ тѣлѣ могутъ заключаться такія чувства.

Амедей.

А!

Филибертъ.

Если она начнетъ цѣловать сегодня вечеромъ, она не перестанетъ до послѣзавтрашняго утра. Это прямо perpetuum mobile.

Амедей.

А!

Филибертъ.

Вы счастливы, принцъ, имѣя такую невѣсту.

Амедей.

Болванъ! болванъ! болванъ! *(Прогоняетъ его).*

(Въ дверяхъ сталкивается со слугой, несущимъ ужинъ).

СЦЕНА 5-я.

(Амедей, Филибертъ, слуга, потомъ Ричардо, потомъ Арсиноя, Вероника и Филумена).

Амедей.

Это что еще?

Слуга.

Это ужинъ вашему высочеству.

Амедей.

Я сказалъ, что я не хочу сегодня ужинать! Какъ исполняется моя воля!

Слуга.

Не могу знать, намъ было приказано подать.

Амедей.

Кто вамъ приказалъ?

Слуга.

Простите, господинъ Ричардо.

(Входитъ Ричардо).

Амедей.

А, господинъ Ричардо, который хочетъ меня кормить, когда я не голоденъ, укладывать въ постель, когда я не хочу спать; все дѣлаетъ шиворотъ на выворотъ.

Ричардо.

Ваше высочество!

Амедей.

Нѣтъ, мое терпѣнье истощилось.

Ричардо.

Хоть ради счастливаго дня вашего согласія на бракъ съ принцессой Арсиноей.

Амедей.

Какъ согласія на бракъ съ принцессой Арсиноей? Вотъ, вотъ, вотъ! (*Сбрасываетъ посуду со скатертью на полъ, свѣчи тухнутъ*).

(*Входятъ Арсиноя, Вероника и Филумена*).

Арсиноя.

Что за шумъ? что за волненье?

Дѣвицы.

Что за крикъ?

Амедей.

Кузина, это ложь, что я женюсь на васъ, согласья я не далъ, и вотъ я говорю, что никогда (слышите ли, никогда!) я не женюсь на васъ.

Арсиноя.

Но обычай страны?

Амедей.

Я—обычай страны, я—капризъ, я—желанье, я—законъ, я—

принцъ. И не только я не буду ужинать и не женюсь на васъ, я покидаю васъ и ухожу опять на мызу: живите какъ хотите.

Ричардо.

Принцъ, это невозможно.

Амедей.

Нѣтъ!

Ричардо.

Вы не можете покинуть престола, иначе какъ уйдя въ монастырь.

Амедей.

Нѣтъ!

Арсиноя.

Вы шутите, конечно, Амедей.

Амедей.

Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!

Всѣ.

Это невозможно.

Ричардо.

Ваше высочество, малѣйшее ваше желаніе будетъ исполняться. Конечно вы—законъ, вы женитесь на комъ угодно и когда угодно, вы будете кушать и почивать когда вамъ угодно, вы будете видѣть, кого вамъ угодно—только не покидайте насъ.

Амедей.

Нѣтъ.

Ричардо.

Мы здѣсь устроимъ мызу.

Вероника и Филумена.

Мы будемъ пастушками.

Филумена.

Это будетъ—Аркадія!

Ричардо.

Все будетъ, какъ вы хотите.

Амедей.

Ну, пожалуй, только пусть вотъ эти не вертятся все время передъ глазами, когда ихъ не просятъ, не учатъ меня поклонамъ.

Арсиноя.

А мнѣ позвольте быть вашимъ ловчимъ или хоть пажомъ, я надѣну мужской костюмъ.

Амедей.

Но и тогда чуръ меня не цѣловать.

Арсиноя.

Это какъ вамъ будетъ угодно.

Ричардо.

Но, хотя у насъ все измѣнится, нельзя же ваше высочество, обойтись безъ этикета.

Амедей.

Вы узнаете его, этикетъ принца съ мызы; его продиктуетъ нѣжность, великодушіе и свобода.

Всѣ.

Да здравствуетъ принцъ съ мызы!

ВИКТОРЪ МОЗАЛЕВСКІЙ.

ИСЧЕЗНУВШАЯ МЕЧТА.

ПОВѢСТЬ.

Валерію Яковлевичу Брюсову.

Только женщина изъ залъ веселья да безумный
Все стремили руки за исчезнувшей мечтой.

Валерій Брюсовъ.

I.

Въ павильонѣ Зачарованнаго Любовника на рѣзномъ столикѣ лежитъ альбомъ, давно забытый, повидимому, здѣсь кѣмъ то. О крышѣ павильона не заботятся, и когда Илія раскидываетъ по небу свой сѣдой парикъ и хнычетъ, сквозь крышу падаютъ его старческія слезы и пачкаютъ, и безъ того грязный, переплетъ альбома. Павильонъ Зачарованнаго Любовника заброшенъ и презрѣнъ владѣльцемъ дворца графомъ Константиномъ Волковисскимъ, забытъ и альбомъ, на переплетѣ котораго намалеванъ вѣнокъ изъ розъ.

Фатальный Архитекторъ выстроилъ дворецъ на окраинѣ города. Гуляя по парку, дыша запахомъ петуній и табака, нельзя было подумать на мгновеніе: «А я вотъ отъ васъ далеко, отъ васъ далеко». Ибо слышенъ былъ шумъ и смѣхъ большого города. Но ни разряженные селадоны, мчавшіеся мимо на лихачахъ, съ мотивомъ изъ оперетты «Графъ Эйленбургъ» на сизыхъ устахъ, ни солдаты, проходящіе здѣсь, обалдѣвшіе солдаты въ глупыхъ костюмахъ, видъ которыхъ тревожилъ тѣни Наполеона, Валленштейна и ландскнехтовъ, ни пьяныя бабы, везущія въ городъ овощи изъ огородовъ, ни возвращающіяся съ фабрикъ банды рабочихъ въ кожаныхъ курткахъ и засаленныхъ кэпи, никто, ничто не волновало и не тревожило владѣльца дворца и этого великолѣпнаго парка. Презрѣвъ всю глубину изреченія объ общественности человѣка, жилъ Константинъ въ своихъ залахъ, спальнѣ и другихъ аппартаментахъ одиноко. Ничуть не желая сравнить себя съ необыкновеннымъ

дез'Эссентомъ, Константинъ рѣшилъ прежде всего создать обстановку, которая гармонировала бы съ его чувствованіями, и памятуя и вѣря, что у вещей есть душа пылкая и прекрасная, приказалъ онъ вынести прочь изъ комнатъ модернизованные буфеты, сецессіоннистскіе кровати, шкапы и шиффоньерки, а равно и картины:—сочетанія линялыхъ безжизненныхъ красокъ, наслѣдіе его глупыхъ предшественниковъ во владѣніи дворцомъ. Объѣздивши родственниковъ своихъ, скупилъ онъ у нихъ за безцѣнокъ много старыхъ и старинныхъ вещей, и въ три дня обстановка комнатъ сильно измѣнилась. Онъ создалъ обстановку, о которой мучительно твердилъ безумный Мопассанъ и которую вы встрѣтите на картинахъ конца XVIII и начала XIX милыхъ столѣтій. Обстановкѣ была чужда національная идея, но вотъ, что было въ ней русскаго: портреты Боровиковскаго, фарфоръ россійскій—статуэтки мужиковъ и бабъ въ красивыхъ яркихъ костюмахъ, да два панно, на которыхъ написаны нимфы съ лицами крѣпостныхъ дѣвокъ. Украсивъ залъ копіями съ Лянкре и Ватто, Константинъ скорбѣлъ временами, что и этотъ милый стиль начинаетъ вульгаризоваться, и пастели Буше перекочевываютъ на коробки со скверным шоколадомъ.

Константинъ далъ себѣ слово не выходить болѣе, чѣмъ одинъ разъ въ мѣсяцъ изъ дому, чтобы сердце не терзали назойливыя витрины кондитерскихъ и парикмахеровъ. Онъ могъ бы и вовсе не касаться ногами своими, обутыми въ черныя туфли изъ мягкой кожи, мостовой и тротуаровъ, но къ сему побуждало его желаніе имѣть въ библіотекѣ своей какъ можно больше книгъ. Впрочемъ, послѣдніе годы выходило мало хорошихъ книгъ, и Константину приходилось рыскать по грязнымъ и вонючимъ площадямъ, отыскивая старыя книги и лубочныя картины минувшаго столѣтія. И съ какой радостью, съ какимъ трепетаніемъ сердца возвращался Константинъ къ себѣ, найдя въ какой-нибудь лавчонкѣ пыльную картинку подъ названіемъ «Романсы жениха», или что-нибудь въ этомъ родѣ.

Онъ возвращался однажды въ осенній день. Шелъ дождь люди бѣгали возлѣ него, гудѣли проклятые автомобили, новая мерзкая порода, именуемая шофферами, давила на улицѣ оборванныхъ мальчишекъ, и звонилъ трамвай. Константинъ увидѣлъ на хмурой улицѣ погребальное шествіе, смутившее его весьма. Впереди въ одеждѣ стариннаго церемоніймейстера шелъ человѣкъ, неся на красной плюшевой подушкѣ коронку, украшенную смарагдами. За нимъ тянулись факельщики въ черныхъ костюмахъ, небритые и нечесаные люди съ красными лицами и волочился медленно катафалкъ, на которомъ вздрагивалъ черный съ серебромъ гробъ. За катафалкомъ шелъ ксендзъ съ умнымъ красивымъ лицомъ, а сзади трое мужчинъ въ официіально черныхъ костюмахъ, въ шагахъ же пятидесяти отъ нихъ тянулась огромная свора оборванцевъ, настроенныхъ весьма похоронно. Нѣкоторые изъ нихъ вытирали грязными рукавами слезы съ грязныхъ своихъ щёкъ. Не удовольствовавшись «внутреннимъ» объясненіемъ, кое повѣдало, что зрѣлище это лишь продолжающаяся греза, отзвукъ страницъ Теодора Амедея, которыя лишь вчера читалъ онъ, Константинъ подошелъ къ одному изъ «официіальныхъ» мужчинъ и спросилъ вѣжливо, кого это хоронятъ?

— Іерусалимскаго короля *,— отвѣтилъ тотъ торжественно.

Замѣтивъ, что Константинъ смущенъ и ошеломленъ, черный господинъ протянулъ ему листъ газеты, гдѣ въ отдѣлѣ происшествій было сказано: «Вчера въ *** ской больницѣ скончался обитатель Лисоваго Рынка, потомокъ іерусалимскихъ королей Альбертъ. Покойный велъ жизнь босяка, и всѣ попытки вернутъ его къ трезвой жизни остались тщетными.....»

Константинъ поблагодарилъ и рѣшилъ, не колеблясь, присоединиться къ шествію.

Онъ думалъ всю дорогу о павшемъ величіи, о быкоподоб-

---

* Авторъ событіе сіе взялъ изъ дѣйствительной жизни.

ныхъ Гогенцоллернахъ и деградирующихъ Габсбургахъ, о своей замкнутой жизни и объ этомъ прекрасномъ королѣ Святой Земли. Онъ разговорился съ чернымъ господиномъ, какъ оказалось, членомъ городского самоуправленія. Они бесѣдовали о новыхъ вѣяніяхъ, о возможной автономіи городовъ, при чемъ собесѣдникъ Константина былъ удивленъ отсталостью и незнаніемъ послѣднихъ великихъ событій, кои обнаружилъ Константинъ. Когда же они заговорили объ іерусалимскомъ королѣ, о католицизмѣ и перешли вдругъ на разговоръ о литературѣ, то Константинъ нашелъ, что собесѣдникъ его человѣкъ весьма образованный и симпатичный. Но на кладбищѣ Константинъ совершенно забылъ о нёмъ и, бросая горсть земли на крышку гроба короля, шепталъ:

— Спи съ миромъ, ты, едва ли не величайшій король въ мірѣ!

Съ мокрыхъ деревьевъ закапала вода на костюмъ Константина, закаркали вороны и засуетились обитатели Лисоваго Рынка, вспоминая покойнаго, а Константинъ продолжалъ:

— Ты видишь ли? Ты слышишь ли, какъ плачутъ деревья? Это—о тебѣ.

И по старой еще гимназической привычкѣ шепталъ Константинъ у холмика липкой сѣрой земли:

„И если бъ я чистое сердце имѣлъ,
Я самъ бы заплакалъ навзрыдъ".

Константинъ попрощался съ собесѣдникомъ своимъ и отошелъ отъ могилы.

— Послушайте, что это за типъ въ странномъ цилиндрѣ и нелѣпомъ костюмѣ?—услыхалъ онъ позади себя шопотъ.

— Какой-нибудь нео-д'Оревильи?

— Нѣтъ, кажется, просто чудакъ. Но мнѣ онъ понравился, —отвѣтилъ собесѣдникъ Константина.

Видѣнная имъ церемонія въ теченіе цѣлаго вечера не давала ему успокоиться, и напрасно старались развлечь его лакей и

поваръ въ одно и то же время Поликарпъ, старый и не мало выпивавшій вина въ свое время человѣкъ, играя на волынкѣ мотивы скабрезныхъ пѣсенокъ, и племянница Поликарпа восьмилѣтняя Анфиса своими наивными разспросами о томъ, кто живетъ на небѣ, на небѣ ли мать ея, и попадутъ ли она и графъ Константинъ на небо Господне? Эта Анфиса была единственной женщиной, занимавшей такъ или иначе Константина. Не найдя себѣ ни *содержанки,* ни любовницы, ни жены, которыя хоть сколько-нибудь удовлетворяли бы его взглядамъ на вещи, но познавъ, впрочемъ, въ молодости не мало женщинъ, Константинъ поставилъ надъ вопросомъ этимъ довольно жирную точку и, будучи человѣкомъ мало страстнымъ, обходился безъ «женской ласки». Увлекшись одно время исторіей Великаго Александра, стремился онъ найти въ душѣ своей откликъ мечтѣ объ Андрогинѣ, но нашелъ à la fin des fins, что онъ слишкомъ нормаленъ. Вообще Константинъ былъ человѣкомъ далеко не извращеннымъ. Въ душѣ его носились видѣнія и образы Манонъ, Билитисъ и венеціанскихъ гризетокъ, но всѣ переживанія реализовались или въ томности глазъ его синихъ, или въ порочной складкѣ красныхъ губъ, а иногда въ тѣняхъ подъ глазами. Его душѣ была чужда и иллюзорная смѣшная любовь въ одиночествѣ. Онъ считалъ её достояніемъ бѣдныхъ скромныхъ женщинъ. И улыбался сочувственно пушкинской Лидинькѣ и герою одного изъ стихотвореній Верлэна.

Въ вечерніе часы послѣ великихъ похоронъ Константинъ вышелъ на веранду. Небо прояснилось. Было свѣжо и пріятно. Блестѣли капли воды на осеннихъ розахъ и лиліяхъ. Константину вспоминалось чудное дѣтство и юношество, имѣніе Звенцицкихъ, его любовь къ кузинѣ Маріи. Онъ поглядѣлъ на павильоны Зачарованнаго Любовника и Обрѣтенной Надежды и, опираясь на палку, вышелъ въ садъ. О, солнце не ты ли свѣтило лютикамъ въ полѣ, твоимъ маленькимъ братьямъ лютикамъ? Ужели постарѣло и ты, близорукимъ, слѣпымъ стало, уставъ глядѣть на

красныя казармы, четыреугольные вагоны и некрасивые костюмы пьяныхъ извозчиковъ!..

Солнце ложилось спать. Амуры задернули красную шелковую занавѣску алькова, и оно, измаявшись за день, зажмурилось и уснуло. Спи же спокойно! Константинъ вытеръ платкомъ грязь съ лиліи. Воспоминаніе о Бурбонахъ заколыхалось, вздрогнуло и снова оцѣпенѣло. Когда-то сіявшая на знаменахъ и звавшая: „Подъ знамена! Подъ знамена! Монъ-жуа и Сенъ-Дени!“, она напоминала сейчасъ металлическіе цвѣты вѣнка, возложеннаго на могилу іерусалимскаго короля. Константинъ представилъ себѣ, какъ топтали знамена съ лиліями санкюлоты. Онъ мечталъ безъ гнѣва, безъ сожалѣнія,—съ тихой идіотичной грустью. Но въ тотъ моментъ, когда Константинъ нагнулся, чтобы вытереть другую лилію на клумбѣ, услыхалъ онъ несущійся изъ дали мотивъ, вѣрнѣе, подобіе мотива великаго гимна де Лиля. Казалось, стоустая гидра реветъ вдалекѣ.

— Что за навожденіе? Днемъ—похороны, вечеромъ—гимнъ марсельцевъ. А, право, интересно было бы узнать, чудится мнѣ это или въ дѣйствительности поютъ? — думалъ Константинъ. Пѣніе смолкло. Послышались крики, визгъ, плачъ дѣтей и топотъ апокалипсическаго коня... Константинъ взглянулъ на небо: оно было непріятнаго сѣро-краснаго цвѣта. Выпрямившись и обративъ взоры свои на темный дворецъ, Константинъ пошелъ въ комнаты, гдѣ обезпокоенный Поликарпъ увѣдомилъ его, что въ городѣ бунтуютъ, въ людей стрѣляютъ, „ломаютъ водопроводъ“ и разрушаютъ дома, и что завтра-де онъ боится итти за провизіей въ городъ. Константинъ успокоилъ его, что все это пройдетъ, и, зажегши свѣчи въ огромныхъ каріатидахъ-канделябрахъ, сѣлъ въ гостиной и заглядѣлся въ восхищеніи на великолѣпно сдѣланную копію съ „Лѣта“ Ланкре.

Въ гостиную вбѣжалъ песъ Гекторъ и, увидѣвъ по затуманеннымъ глазамъ Константина, что ѣсть будутъ не скоро, разлегся, храпя, на порогѣ комнаты.

II.

Нѣсколько пуль прожужжали и врѣзались въ дубовый шкафъ съ книгами, разбили стекла и потревожили Мариво и Лермонтова. По улицѣ пробѣжала толпа людей, съ блѣдными лицами. То неистовый экстазъ, то ужасъ слышался въ ихъ голосахъ. Портретъ гусара, писанный Ротари, взглянулъ сквозь сѣрыя окна и усмѣхнулся. Снова зажужжали пули, и на этотъ разъ одна изъ нихъ влетѣла въ кухню и разбила циферблатъ будильника, на которомъ былъ изображенъ амуръ съ лицомъ эмбріона.

Анфиса спряталась въ кладовой и голосила, вылъ Гекторъ, а Поликарпъ пробирался на четвереньках по комнатамъ, боясь погибнуть отъ шальной пули, пущенной глупымъ ружьемъ. Когда достигъ онъ такимъ образомъ спальной барина своего, то увидѣлъ, что Константинъ съ лицомъ побагровѣвшимъ лежитъ на постели и кричитъ:

— Впередъ!.. На фонарь его! На фонарь!

— Баринъ! Родной вы нашъ! Убиваютъ! — завопилъ Поликарпъ нечеловѣческимъ голосомъ. Константинъ вскочилъ съ постели и спросилъ изумленно:

— Да что ты будишь меня, чортъ ты эдакій?!

Дрожа отъ ужаса указалъ Поликарпъ искривленнымъ указательнымъ пальцемъ въ окно. Накинувъ халатъ, Константинъ подбѣжалъ къ окну и тоже задрожалъ. Вся мостовая улицы была залита кровью и забросана клочьями одежды, бумаги. У воротъ дворца лежало два тѣла: — женщина и мужчина, повидимому. Двѣ-три пули, разбивъ окно, пролетѣли надъ головою Константина. Онъ, блѣдный и гнѣвный, раскрылъ окно и увидалъ солдатъ съ лицами голодныхъ собакъ и офицера съ поглупѣвшей смѣшной физіономіей.

— Послушайте, господинъ офицеръ, съ какихъ это поръ стали стрѣлять въ окна и будить хозяевъ въ неурочный часъ? —обратился разсерженно Константинъ къ офицеру.

— Мы усмиряемъ,—отвѣтилъ офицеръ.—Да позвольте узнать, кто вы такой, прежде чѣмъ говорить съ вами... А въ случаѣ чего, обыщемъ вашъ домъ... Можетъ, и у васъ есть бомбы и... всякая сволочь.

— Во-первыхъ, господинъ поручикъ, я графъ Волковисскій, а, во-вторыхъ, будьте вѣжливѣе и лучше всего уходите отсюда скорѣе прочь!—сказалъ Константинъ и хлопнулъ окномъ, а несчастный Поликарпъ ползалъ по полу, рыдая и причитывая:

— И зачѣмъ вы обругали его? Убьютъ они насъ теперь, убьютъ!..

Поручикъ пробормоталъ сконфужено какія-то извиненія и ретировался со своимъ отрядомъ.

Поднявъ на ноги Поликарпа и успокоивъ Анфису и Гектора, отправился Константинъ со слугою своимъ за ворота посмотрѣть, что тамъ произошло? Мужчина былъ убитъ наповалъ: — рабочій лѣтъ сорока съ довольно умнымъ лицомъ. Женщина-же была легко ранена и лежала въ глубокомъ обморокѣ. Порѣшивши оставить здѣсь мертвеца, Константинъ и Поликарпъ внесли раненую во дворецъ. Константинъ запасся эѳиромъ, уксусомъ и сѣлъ подлѣ раненой, приводя ее въ чувство. Она открыла, наконецъ, глаза... Константинъ всегда говорилъ, что необыкновенныя лица теперь можно видѣть лишь на портретахъ, да изъ всѣхъ повседневныхъ лицъ зналъ онъ лицо необыкновенное у одного изысканнаго поэта. Но, взглянувъ мелькомъ на лицо этой женщины, онъ понялъ, что ошибся. У нея было, правда, несимпатичное, испорченное, нехорошее лицо, и ничуть не показалось оно Константину привлекательнымъ, но было въ немъ что-то изъ портретовъ, о коихъ Константинъ мечталъ. Цвѣтъ лица былъ землянистъ, носъ съ горбинкой, глаза большіе изумрудные, и вотъ они-то были портретны до нельзя. Губы же были слишкомъ тонки, а волосы грязны и слиплись отъ крови и глины. Одѣта была незнакомка въ безвкусный коричневый костюмъ, и талья была сдѣлана че-

резчуръ низко. Незнакомка молча улыбалась, молчалъ и Константинъ, разсматривая ее внимательно. Наконецъ, незнакомка зашептала:

— Душно мнѣ, баринъ!.. Кофточку мнѣ разстегните...

— Пейзанка!—подумалъ Константинъ и разстегнулъ три пуговицы ея кофты. Съ удивленіемъ обнаружилъ онъ, что подъ кофтой спрятана у нея какая-то картинка. Онъ вытащилъ чтобы посмотрѣть, что это, а раненая заохала:

— Охъ, не потеряй, баринъ! А то Семенъ убьетъ меня. Не потеряй!

Константинъ взглянулъ на картинку. На кусочкѣ холста стали передъ нимъ два брата—князья Рыковскіе. Константинъ зналъ этотъ портретъ. Эта миніатюра принадлежала кисти В., художника мало извѣстнаго, и украшала Публичную Галлерею города.

— Отличная копія,—подумалъ Константинъ.—Откуда же ты взяла эту картинку?—обратился онъ къ раненой.

— Семенъ далъ мнѣ... На, говоритъ, бѣги... Я взяла и побѣгла... А тутъ солдаты. Я бѣжать быстрѣе... Стрѣляли... И не помню, дальше что.

— Странно, очень странно, — пробормоталъ Константинъ, ничего не понявъ.

Къ обѣду раненая пришла въ себя окончательно, познакомилась съ Анфисой и Поликарпомъ. По всему видимому, была она вздорной городской дѣвицей, распѣвающей дуэтомъ «вѣтрену» съ какимъ-нибудь бульварнымъ дэнди въ канотье. Поликарпъ основательно возился съ ея взглядами на жизнь и выпытывалъ, и говорилъ съ нею ласково, разглядывая ее со всѣхъ сторонъ.

— И зачѣмъ Богъ лицо ей такое далъ?—резюмировалъ онъ свою экскурсію въ дебри психологіи.

Константинъ сидѣлъ въ столовой и любовался баловаными-прелестными личиками діоскуровъ. Вошелъ Поликарпъ и доло-

жилъ, что Дашу (такъ звали незнакомку) накормили обѣдомъ, уходить она въ городъ не хочетъ, что-же съ нею дѣлать?

— Оставимъ ее у себя,—сказалъ Константинъ,—а пока что, позови-ка ты ее ко мнѣ.

Даша вошла и бросилась къ нему, заплакавъ:

— Баринъ, не гони ты меня. Поймаютъ меня, портретъ отберутъ, въ участокъ поведутъ. Казаки плеткой бить будутъ. Семенъ убьетъ меня...

Константинъ успокоилъ ее живо, усадилъ на стулъ, и, разсматривая ея замысловатое лицо, услыхалъ отрывки изъ біографіи этой несчастной. Выяснилось, что живетъ она у своего сводного брата Семена, сторожа Публичной Галлереи. Мать ея, какъ ей передавали, была служанкой въ имѣніи какомъ-то, и оттуда мѣсяцъ каждый получаетъ Семенъ деньги на ея жизнь. Денегъ этихъ онъ ей не даетъ, а пропиваетъ ихъ всѣ. Два года назадъ онъ продалъ ея невинность старичку профессору Штейну за четвертной билетъ, а послѣ этого она, какъ выражается одинъ изъ сторожей галлереи, «пошла по канату».

Мѣсяцъ же назадъ былъ у нихъ въ квартирѣ какой-то баринъ, и долго они съ Семеномъ шушукались. А сегодня утромъ пришелъ къ ней Семенъ съ картинкой этой и приказалъ бѣжать въ Матвѣевскую рощу и барину, что у креста ждать ее будетъ, картинку передать. Вышла она на улицу—всюду солдаты, стрѣльба, народъ бѣжитъ. А какъ сюда добѣжала, такъ и не помнитъ совсѣмъ.

— Странная, ceterum censeo, исторія,—думалъ Константинъ.— Вотъ что, Даша, оставайся у меня. Здѣсь тебя никто не обидитъ. Развѣ, ты—кого. А портретъ этотъ я себѣ покуда возьму. А, какъ уходить будешь, отдамъ.

Даша снова заплакала и упала на колѣни, но Константинъ сказалъ сурово:

— Нѣтъ, ты это брось. Вставай и иди къ Поликарпу. Онъ

дастъ тебѣ работу какую-нибудь. Ну, хоть бисерные кошельки для жениха своего вяжи.

Даша ушла въ восторгѣ, а за нею побѣжалъ, заломивъ молодецки хвостъ налѣво, Гекторъ.

Взявъ въ столярной комнатѣ все необходимое, обрамилъ Константинъ произведеніе великолѣпное В. и повѣсилъ въ комнатѣ рядомъ съ будуаромъ. Его нимало не интересовала ни личность Семена сторожа, ни то, насколько «морально» совершаемое имъ присвоеніе прелестной миніатюры. Налюбовавшись вдоволь братьями-князьями, пошелъ онъ въ настроеніи очень спокойномъ въ библіотеку.

— Ну, что же?—сказалъ Константинъ,—сядемъ-ка мы за Жерара де-Нерваль. Вѣкъ Ришелье... Замокъ... Или снова за Дюма?

Онъ читалъ «Королеву Марго». Ему нравился Дюма, полумулатъ, полуфранцузъ, дѣтски героичный и забавный писатель. То, что высмѣивали критики—гомеричность Портоса, несоблюденіе историческій вѣрности, наивность, будто-бы бульварныя qui pro quo и романическія до безобразія положенія—вотъ это-то и влекло къ себѣ Константина. Онъ любилъ французовъ, ихъ языкъ, ихъ литературу, ихъ живопись и даже ихъ музыку, но не Масеннэ или Сэнъ-Санса, а старинную музыку и де Бюсси. Гюго былъ для него пророкомъ, Дюма трубадуромъ, а Золя—апокалипсисомъ. Бодлэръ примирялъ его съ жизнью, а Верлэнъ протягивалъ въ одной рукѣ молитвенникъ, а въ другой гривуазные милые романсы. Впрочемъ многіе другіе были далеко отъ него. Ему не нравились ни цвѣтныя буквы Рембо, ни ледяная суровость Маллармэ, ни литавры Верхарна. Равнодушно сходилъ онъ съ Метерлинкомъ въ пещеры смерти и всякій разъ неудомѣвалъ, чего же тутъ пугаться? Но онъ любилъ «бѣлыхъ павлиновъ» и еще, и еще эти взоры, милліоны, миріады этихъ взоровъ, молящихъ о сожалѣніи, а среди нихъ два глаза, два молящихъ глаза Мопассана. Мопассанъ былъ для него немного

Декамерономъ нашихъ дней, но, Боже, какой сумасшедшей тоской вѣяло отъ словъ «Боккачіо»! Константину казалось, что онъ сидитъ въ ресторанѣ на Лягушатникѣ съ кокоткой, и, вдругъ, какъ полоса яркаго свѣта, засіяли въ дали «пажъ и Коломбина, маркиза и Пьерро». Таковъ Мопассанъ... А Даша, а эта несчастная Даша... И вотъ сквозь туманъ подпетербургскихъ дачъ онъ видитъ лицо князя Мышкина. А тотъ, кто ждетъ сейчасъ «картинку», не Ѳеодоръ ли Павловичъ? Константинъ вскакиваетъ и бѣжитъ къ шкапу съ книгами. Онъ благославляетъ Бога, цѣлуетъ въ мысляхъ весь домъ свой, свои картины и вещи, и цвѣты, и домочадцевъ своихъ, за то, что есть Пушкинъ въ его библіотекѣ. Te Deum landamus!.. За то, что у него живутъ, о, онъ лелѣетъ ихъ такъ нѣжно, «драгая Делія», Леила и Лила, и Татьяна, и милая Лидинька. Цѣлую Ризы Твои... За то, что у меня есть гордецъ Печоринъ и княжна Мэри, раненная голубка...

Константинъ поспѣшно вынимаетъ книгу одну за другой. Гладитъ рукою страницы Чехова и «Очарованнаго Странника» Лѣскова, улыбается Грибоѣдову и съ улыбкой же хмуритъ брови, глядя на иллюстраціи къ «Мертвымъ Душамъ»... Но вдругъ...

— Tiens!—говоритъ онъ себѣ:—А почему бы мнѣ не разузнать, что за личность ждетъ Дашу въ Матвѣевской рощѣ?

Онъ зоветъ Поликарпа и приказываетъ, къ ужасу послѣдняго, подать ему цилиндръ, шинель и палку.

Матвѣевская роща была отъ дворца очень далеко и, чтобы попасть въ нее, надо было пройти черезъ весь городъ. Константинъ шелъ по безлюднымъ улицамъ города, встрѣчая на перекресткахъ улицъ солдатъ, которые имѣли огромное желаніе его обыскать съ головы до ногъ. Но Константинъ, дрожа при мысли, что эти лапища нечистыя касаться тѣла его будутъ, объяснялъ поручикамъ и прочимъ, что онъ де графъ и родственникъ ***скаго губернатора, каковымъ онъ и былъ въ дѣйствительности.

— Ваше Сіятельство...—услыхалъ онъ позади себя знакомый голосъ и, обернувшись, увидалъ околоточнаго, который приходилъ къ нему на Пасху съ поздравленіемъ. — Вы? Одни? Въ такое время? Вы не боитесь?

— Кого же мнѣ бояться прикажете? Не Васъ ли?—отвѣчалъ Константинъ насмѣшливо и спросилъ его, какъ бы поближе пройти къ Матвѣевской рощѣ. Вопросомъ симъ онъ, какъ обухомъ по головѣ, ударилъ околоточнаго, и послѣдній пробормоталъ:

— Но, Ваше Сіятельство?.. Тамъ же митингъ. Ужели же?..

— Я, право, не знаю, что Васъ такъ удивляетъ. Я ищу одного знакомаго тамъ,—холодно сказалъ Константинъ и узнавъ, какъ итти, быстро пошелъ впередъ.

Въ рощѣ онъ снова засталъ массу солдатъ и нѣсколько труповъ. И его затошнило, а колѣни скосила судорога. Тотчасъ же къ нему подбѣжалъ пожилой офицеръ и трое солдатъ.

— Вамъ что надо?—спросилъ офицеръ грубо.

— Во всякомъ случаѣ не Васъ и не той крови, которую Вы такъ глупо пролили,—сказалъ Константинъ по дѣтски дерзко.

— Арестовать его! Арестовать!—закричалъ офицеръ, но Константинъ вынулъ изъ кармана свою визитную карточку и подписалъ подъ фамиліей: «къ тому же родственникъ Ѳеодора Ѳеодоровича генерала Глѣбова».

—Гм...—сказалъ офицеръ и сразу перемѣнился,—что же, все-таки, Вамъ угодно, Ваше Сіятельство?

— Мнѣ необходимъ одинъ мой знакомый. Покажите мнѣ арестованныхъ.

Офицеръ покраснѣлъ и съ выраженіемъ такимъ, словно сдѣлалъ онъ непоправимую, непростительную глупость, произнесъ:

— Арестованныхъ, видите ли, нѣтъ. Есть лишь убитые.

Константинъ попросилъ показать убитыхъ. Ихъ было шесть, но Константинъ сразу узналъ того, кого ему было нужно. На немъ было сѣрое, сшитое по провинціальному, пальто и корич-

невый котелокъ. Въ рукѣ его, судорожно сжатой, былъ револьверъ.

— Это, Ваше Сіятельство, сумасшедшій какой-то. Солдаты, идіоты, не разобрали. Онъ вовсе не революціонеръ. Когда мы подошли и сказали: «руки вверхъ», онъ сталъ стрѣлять и кричать: «Ей Богу, Семенъ вретъ»...

— Да это былъ безумный,—сказалъ Константинъ печально. —Вы позволите мнѣ, капитанъ, посмотрѣть, что у него въ карманахъ?

Капитанъ заговорилъ было о томъ, что «безъ слѣдственныхъ властей нельзя», но потомъ согласился.

— Онисимъ Рыковскій... Дворянинъ,—прочелъ Константинъ въ паспортѣ.

— Благодарю Васъ, капитанъ,—сказалъ Константинъ и, дрожа всѣмъ тѣломъ, ушелъ изъ рощи прочь.

Не будучи романтикомъ по природѣ, Константинъ довольно просто рѣшилъ загадку: потомокъ хотѣлъ украсть портретъ своихъ предковъ. Желаніе только похвальное, и піэтетъ необыкновенный. Онъ вытеръ потъ со лба, думая о роковой смерти безумнаго Онисима, задумался надъ жизнью Дашиной и о судьбѣ ея прошедшей.

По улицамъ разъѣзжали люди съ метлой и головой собачьей въ душахъ, гудѣли каретки «Краснаго Креста» и полицейскіе автомобили. Въ концѣ площади виднѣлись неясныя очертанія старинныхъ башенъ. Константинъ прищурилъ глаза. Не Маратъ ли, не Маратъ ли въ образѣ великана проходитъ по улицамъ, оставляя за собою кровавый слѣдъ?.. Но въ концѣ площади чудилась гигантская тѣнь презрѣннаго Малюты...

Всѣ впечатлѣнія минувшихъ двухъ дней нахлынули, забурлили въ душѣ. Константинъ схватился за голову и побѣжалъ по улицамъ. Засвистѣли городовые, защелкали курки ружей, но Константинъ былъ уже у воротъ дворца своего. Онъ дернулъ за звонокъ съ такою силою, что оборвалъ его, и свихнулъ па-

лецъ на скрюченной рукѣ своей. Ворота ему открыла Даша, веселая вначалѣ, но потомъ горестная необыкновенно.

— Баринъ! Да что они сдѣлали съ Вами? Лица на Васъ нѣтъ... И руки въ крови...—сказала Даша.

— Нѣтъ, все хорошо,—отвѣтилъ Константинъ и велѣлъ приготовить себѣ ванну. Даша натаскала дровъ къ великой радости лѣнивца Поликарпа, и черезъ два часа Константинъ сидѣлъ и нѣжился въ ваннѣ. Въ душѣ его жили въ этотъ моментъ два «Константина»: одинъ Маратъ, другой Шарлотта. Маратъ—нѣженка, фантазеръ, жестокій ломака и причудникъ, а Шарлотта—мститель за все, за эти кровавыя пятна на мостовой, которыя видѣли глаза «Марата», за его идіотскій титулъ, за его дворецъ, за это затхлое гнѣздо отшельника, которому «чхать на всѣхъ»... Вотъ Шарлотта встаетъ, ищетъ въ ванной что нибудь въ родѣ кинжала, находитъ бритву и... Но онъ тутъ вспоминаетъ, что еще не разузналъ, что такое Даша, вспоминаетъ онъ и Солнце, и лютики, и «Делію драгую», и вотъ они всѣ вокругъ него. Его статуэтки вырываютъ ручонками своими бритву изъ рукъ его глупыхъ, и заплаканная Лила говоритъ: не смѣй!

Константинъ надушился, попудрился, одѣлъ чистое бѣлье, халатъ новый и туфли съ помпончиками.

— Нѣтъ,—думаетъ Константинъ,—поживемъ. И что за малодушіе? Это было бы слишкомъ современно.

Въ кабинетѣ своемъ засталъ онъ нежданно Анфису и Дашу. Анфиса зажгла свѣчку въ игрушечномъ домикѣ:—подарокъ Константина на Пасху. Онѣ испугались Константина и хотѣли скрыться, но онъ удержалъ ихъ и спросилъ, что онѣ дѣлали? Даша отвѣтила, что Анфиса разсказывала ей «божественную» сказку, очень интересную и трогательную. Константинъ попросилъ Дашу пересказать. Оказалось, сказку эту сочинилъ самъ Константинъ, да она была проста и не сложна.

Когда зажигаютъ эти свѣчи въ домикѣ, и часы «Коль сла-

венъ» играютъ, слетаются ангелы Божьи въ домикъ. И въ рукахъ у каждаго по ягодѣ крыжовника. Но лишь часы играть перестанутъ, ангелы уходятъ, а крыжовникомъ пахнетъ такъ хорошо.

Сказка была глупой, но передавая содержаніе ея въ выраженіяхъ самыхъ затѣйливыхъ, Даша растрогалась. Константинъ отослалъ Анфису спать. Онъ усадилъ Дашу на диванъ и сказалъ:

— Вотъ что, Даша. Признаюсь откровенно, проститутокъ я не люблю. И, смотри, ничѣмъ не смѣй показать, что-ты «такая». Если хоть разъ напьешься, выгоню вонъ. Жить съ тобою не буду, этимъ я не занимаюсь. Ну, а теперь поговоримъ. Скажи мнѣ, кто были твоя мать, отецъ, и что ты помнишь о своемъ дѣтствѣ?

Изъ разсказовъ Даши Константинъ уразумѣлъ приблизительно слѣдующее. Ни матери, ни отца она не помнила, а Семенъ говорилъ ей, что мать ея жива и обитаетъ въ деревнѣ. Въ городѣ этомъ она живетъ уже 18 лѣтъ, и проституціей занялась недавно. Изъ дѣтства своего она помнила слѣдующій эпизодъ. Константинъ понялъ этотъ эпизодъ такъ: въ городѣ, гдѣ родился Руссо («Русый», какъ говорила Даша), жила она недолго съ очень красивой дамой. По утрамъ къ нимъ приходилъ большой человѣкъ со скрипкой и цѣловалъ даму. Потомъ, незнакомецъ долго игралъ на скрипкѣ. Въ комнатѣ, гдѣ жили онѣ, было много портретовъ. Незнакомецъ иногда пугалъ даму: «а что если портреты оживутъ?» Но портреты не оживали. Константина плѣнилъ этотъ отрывокъ изъ фантастической повѣсти... Даша ушла, а Константинъ развалился на диванѣ, покуривая трубку. Нѣсколько минутъ шагалъ за окнами великанъ Малюта. Но вдругъ, но вдругъ пришла «драгая Делія». Онъ сжалъ ея руки дорогія, томныя, какъ мѣсяцъ Цвѣтень.

III.

Для Публичной Галлереи это былъ очень необыденный и тяжелый день. Утромъ въ корридоръ вбѣжалъ управляющій и приказалъ испуганному швейцару крѣпко накрѣпко запереть двери. Несмотря на ужасъ минутъ, швейцаръ высчиталъ, что потерять ему придется minimum рубля три «чаевыхъ» и съ глубокимъ вздохомъ заперъ двери. Управляющій велѣлъ созвать сторожей. На зовъ его откликнулись лишь трое, въ числѣ ихъ сторожъ Семенъ. Это былъ человѣчекъ небольшого роста съ крючкообразными сильными руками, съ лицомъ синимъ и съ маленькими сверлящими глазами, вѣрнѣе, глазомъ, ибо другой глазъ подбили сторожа за то, что въ «желѣзку» жульничать онъ былъ мастеръ. Пощипывая бороденку свою, подошелъ онъ къ управляющему и спросилъ сладко:

— Что угодно, Петръ Петровичъ? Не произошла ли какая нибудь, такъ сказать, катастрофа?

Въ отвѣтъ на это управляющій замахалъ руками и приказалъ сторожамъ слѣдить тщательно за порядкомъ и за картинами. Сторожа слушали тупо-внимательно, а Семенъ имѣлъ дерзость возразить, но снова очень сладко:

— Ахъ, Петръ Петровичъ, имъ-съ не картины-то нужны. И не мы съ вами. Развѣ пулеметъ побезпокоитъ, а остальное все по хорошему.

Управляющій погрозилъ кулакомъ, какъ призракъ Акакія Акакіевича, и скрылся въ безконечныхъ корридорахъ.

Семенъ отозвалъ одного изъ сторожей въ сторонку и зашепталъ искушающе:

— Макарчикъ? А, Макарчикъ? Дѣло у меня есть великое.

Лицо, именовавшееся Макарчиковъ, молодой свинообразный хохолъ, спросило:

— А чего жъ?

Семенъ повѣдалъ таинственно:

— Вчера во время суматохи стянулъ я у Бахмаковыхъ въ лавкѣ бутылку бенедикта. Эхъ, не поймешь-ты, пока не попробуешь. Возьми съ собою карты и кости и пойдемъ разопьемъ бутылочку въ «французскую».

«Французской» называли они залъ подражателей французовъ. Макарчикъ былъ малый сговорчивый и тотчасъ же согласился. Они сѣли на паркетъ, раскупорили бенедиктинъ. Семенъ бросилъ кости и выкрикнулъ: шесть и шесть! Но тутъ скоро произошло недоумѣніе, разстроившее ихъ игру. Впрочемъ, Семенъ уже успѣлъ выиграть полтинникъ у Макарчика и объяснить ему, что, въ сущности, происходитъ въ городѣ:

— Пришелъ бѣсъ. По деревнямъ и по городамъ прошелся. Рабочихъ смутилъ, городовыхъ смутилъ, околодковъ смутилъ. И все ему недовольно—офицеровъ и солдатъ смутилъ. И получилась, братъ ты мой, такая суматоха, что и самъ бѣсъ не разберетъ. А меня ему не смутить. Хрѣнъ съ масломъ! Я и въ деревнѣ его прогонять умѣлъ. Сядешь съ дѣвчонкой подъ сосны, а онъ подлецъ приходитъ. Злится, хвостомъ машетъ. Въ такихъ случаяхъ, Макарчикъ, глупая голова твоя, я въ воздухъ сѣры малость поддамъ. Зачихаетъ онъ и сгинетъ. Что, не вѣришь? Ха-ха... Не вѣритъ, дурында хохлацкая.

Но въ моментъ сей на улицахъ заработали винтовки, и отъ сотрясенія ли воздуха или отъ чего-либо другого упали подлѣ перепуганныхъ Семена и Макарчика три портрета—миніатюры. Къ пріятному запаху старыхъ красокъ и бенедиктина и къ мало пріятному аромату, который расходился во всѣ стороны отъ партнеровъ, примѣшался отчетливый и упорный запахъ духовъ, свѣжій ароматъ пудры и дорогого нюхательнаго табака.

— Семенъ! А, Семенъ!—зашепталъ Макарчикъ. Чуешь, какъ бісомъ завоняло?

Семенъ быстро собралъ карты, закупорилъ бенедиктинъ и возразилъ неувѣренно.

— Нѣтъ, Макарчикъ. Бѣсъ такъ не пахнетъ. А, впрочемъ,

братъ ты мой, удалиться отсюда не будетъ плохо... Вотъ повѣсимъ эти картинки и...

Семенъ закричалъ, хотя искренности въ его тонкомъ голоскѣ было мало.

— Макарчикъ! Макарчикъ! Украли картинку-то, малютку подъ истуканомъ бронзовымъ.

Макарчикъ привскочилъ отъ страха, убѣдившись въ вѣрности сказаннаго, развелъ руками и предложилъ немедленно покинуть «французскую».

— Нѣтъ, это не дѣло,—возразилъ Семенъ,—надо картинки развѣсить, а потомъ и бѣжимъ. Ты возьми вотъ этихъ дѣвочекъ, а я обезьяну эту.

Макарчикъ облапилъ два портрета, походившихъ другъ на друга чрезвычайно, женщинъ въ костюмахъ временъ Николая Павловича, а Семенъ несъ портретъ офицера Ланевскаго. Они взяли двѣ складныхъ лѣсенки и занялись водвореніемъ портретовъ на должныя мѣста, но въ моментъ этотъ снова застрѣляли на улицахъ. Лѣстницы вдругъ упали, и оба сторожа растянулись на паркетномъ полу. Тогда не сговариваясь и наскоро забравъ бенедиктинъ, кости и карты, улепетнули Семенъ и Макарчикъ изъ зала прочь. Семенъ, было, таинственно молчалъ, но когда Макарчикъ разсказалъ ему, что во время паденія своего почувствовалъ онъ, что кто-то дважды, не очень сильно, правда, ударилъ его по щекѣ, то и Семенъ сознался, что и его кто-то «по мордѣ саданулъ».

Предоставивъ событія естественному ходу, засѣли они въ архивной комнатѣ, допивая бенедиктинъ отъ Бахмаковыхъ и поигрывая въ кости. Они не остановились на бенедиктинѣ, и подобно взорамъ волковъ, коихъ какъ не корми, они въ лѣсъ глядятъ, направлены были опьянѣвшіе взоры ихъ на полуштофъ казенки подъ кроватью сторожа Кармыкина. Усвоивъ твердо сентенцію Прудона о собственности, игроки наши, подмигнувъ другъ другу, откупорили бутыль и выпили и водки, закусывая

сухарями солеными, которыхъ накралъ множество въ пивной три дня тому назадъ Макарчикъ. Дѣйствія сіи имѣли тѣ слѣдствія, что уши ихъ не слыхали ни выстрѣловъ, ни криковъ, ни свистковъ, ни даже отчаяннаго зова швейцара, который оралъ: «калавуръ! калавуръ!» Именовать стражу этимъ неологизмомъ швейцару пришлось тогда, когда мимо жирнаго носа его прошли двѣ дамы въ лиловыхъ старомодныхъ костюмахъ, а за ними нетвердой походкой—пожилой офицеръ. Не понимая, какъ попали они въ Галлерею, разъ двери были заперты, швейцаръ попросилъ очень вѣжливо господъ незнакомыхъ:

— Барыни... баринъ... сегодня никакъ нельзя въ Галлерею: все заперто, и сторожей нѣтъ. Ужъ пожалуйте завтра.

Одна изъ дамъ, блондинка съ открытымъ симпатичнымъ личикомъ и веснушечками на щекахъ, обратилась къ красивой брюнеткѣ съ лицомъ италіанскимъ.

— О чемъ говоритъ намъ, Алиса, старичокъ пресимпатичный этотъ? Не понимаю, ей Богу. Мы уходить собираемся, а онъ о Галлереѣ какой-то рѣчь ведетъ.

Брюнетка поморщилась и отвѣтила:

— Laisse...

Они направились къ выходу, но швейцаръ загородилъ имъ дорогу и объявилъ, что дверей не откроетъ, а позоветъ управляющаго Петра Петровича.

— Не понимаю, mesdames, что за охота вамъ съ осломъ возиться. Отворяй двери, скотина, а не то я тебя кулакомъ пришибу.

И пожилой офицеръ направилъ къ лицу швейцара свой огромный кулакъ. Впечатлѣніе отъ кулака этого было настолько сильно, что швейцаръ моментально распахнулъ двери. Загадочное тріо вышло на улицу, а швейцаръ упалъ на стулъ и закричалъ: «калавуръ!..»

— Дорогая Маша,—сказала Алиса тоскливо,—вотъ и вышли мы изъ дома этого скучнаго, но гдѣ намъ нашихъ дураковъ

Вадю и Володю отыскать? О, сколь давно я въ N не бывала. Да и N ли городъ этотъ?

Сестры поглядѣли на многоэтажные дома, узкіе переулки, замѣтили на перекресткѣ двухъ солдатъ, мокнущихъ подъ мелкимъ дождемъ, и запечалились. Спутникъ ихъ, офицеръ выглядѣлъ также весьма сумрачно и теребилъ разсѣянно свои бакены. Задумчивое состояніе это прогнала фигура браваго пристава полиціи, подскочившаго къ нимъ въ сопровожденіи свирѣпаго донского воина. Осмотрѣвъ незнакомыхъ людей, приставъ рѣшилъ, что это заблудившіеся провинціалы, и будучи человѣкомъ съ сердцемъ, рѣшилъ придти имъ на помощь.

— Кого вы ищете, господинъ офицеръ?—спросилъ приставъ и поднесъ руку къ козырьку.

Офицеръ, съ любопытствомъ разглядывая пристава и думая, что не только времена, но и формы мѣняются, отвѣтилъ:

— Надобны мнѣ, государь Вы мой милостивый, князь Рыковскіе. Соскучился по молодцамъ симъ смертельно.

Слова «князья Рыковскіе» произвели впечатлѣніе не только на пристава, но и на сестеръ въ лиловыхъ костюмахъ, которыя закивали красивыми головками своими въ маленькихъ шляпахъ, шепча:

— О, Боже, какое счастливое совпаденіе. И намъ надобны князья Рыковскіе, и намъ!

Приставъ недоумѣвалъ нѣсколько секундъ.

— Не знаю... князья Рыковскіе давно въ N не живутъ, а дворецъ свой на Литовскомъ шоссе лѣтъ много тому назадъ продали графамъ Волковисскимъ. Живетъ тамъ сейчасъ графъ Константинъ Аѳанасьевичъ. Ненормальный человѣкъ!

— Да...—пробормоталъ офицеръ задумчиво.—Хотѣлось бы мнѣ хоть Константина Аѳанасьевича повидать. Можетъ, знаетъ что про Рыковскихъ.

— И намъ, и намъ!—заговорили лиловыя барышни.

Офицеръ спросилъ у пристава, нѣтъ ли здѣсь поблизости

каретки или брички хотя бы. Приставъ улыбнулся и предложилъ любезно полицейскій автомобиль. Слово послѣднее незнакомокъ и незнакомца окончательно сбило съ толку, а когда къ крыльцу подкатилъ, воняя и шипя, автомобиль, то офицеръ пугливо улыбнулся и сказалъ:

— Эге, mesdames, да это почище клейнмихелевой чугунки. Ну, и дѣла, прости Господи!

Приставъ объяснилъ шофферу, куда слѣдуетъ ѣхать, откозыряли приставъ и офицеръ другъ другу, а Алиса съ Машей любезно улыбнулись приставу. Ѣхали они медленно и долго. Перспективы самыя безутѣшныя открывались ихъ наивнымъ глазамъ. Дома высокіе и до безобразія громадные, чахоточныя деревья, массу солдатъ и множество дрожекъ безъ сѣдоковъ видѣли ставшіе печальными ихъ глаза. По мостовой были проложены рельсы, но вагона ни одного не удалось имъ увидать.

— Я никогда не имѣлъ счастья быть въ Европѣ,—началъ causerie офицеръ,—но ежели это не N, а какой-нибудь Баденъ-Баденъ, то нечистый съ нимъ. Сожалѣть отнюдь не буду, что въ Европѣ не бывалъ.

Сентиментальная Маша готова была заплакать съ досады при видѣ этихъ жалкихъ улицъ.

— Ахъ, нѣтъ!—зашептала она,—нѣтъ, господинъ, и въ Баденъ-Баденѣ я ничего подобнаго не видала. Ужели все это намъ снится. Ахъ, лишь вчера я почитывала спокойно Ламартина, и вдругъ произошло что-то со мною, а что и сама не знаю.

Итальянка Алиса покусывала губки свои и тоже ничего не понимала. Офицеръ сидѣлъ, сердито насупившись, и желалъ хоть немного показать себя знатокомъ, но, когда Алиса, указывая на рядъ столбовъ съ проволокой на нихъ, спросила: «А что же это такое?», онъ сконфузился и весьма робко отвѣтилъ:

— А, право, сіе мнѣ неизвѣстно.

Сердца ихъ успокоились, когда автомобиль подъѣхалъ ко дворцу Константина. Они увидѣли дворецъ, рѣшетку рѣзную

забора, дивный паркъ, и лица ихъ озарила улыбка. Шофферъ-городовой, подмигивая, попросилъ было «на чай» у офицера, но послѣдній такъ многообѣщающе показалъ шофферу кулакъ свой, что тотъ мгновенно умчался назадъ. Офицеръ и барышни подошли къ воротамъ дворца. Полонъ всяческихъ предчувствій, поглядѣлъ офицеръ особеннымъ взоромъ на пугливыхъ барышень и съ силою потянулъ за кольцо звонка.

IV.

Уже три дня, три осеннихъ дождливыхъ дня прожила Даша у графа Константина. Съ любопытствомъ и радостію бродила она по огромнымъ комнатамъ, глядѣла на картины великолѣпныя въ золотыхъ рамкахъ, на цвѣтущіе олеандры и на фарфоровыя фигуры на полкахъ. Однажды, утромъ, когда спалъ еще Константинъ, пробралась она тайкомъ въ библіотеку и взяла первую попавшуюся книгу. Увы, то была Фіаметта Боккаччіо. Съ усиліемъ бо́льшимъ, чѣмъ у Петрушки гоголевскаго, старалась она разобрать маленькія буквы на толстой пріятной на ощупь бумагѣ. Въ концѣ-концовъ, не поняла Даша ничего, но на душѣ у нея необыкновенно хорошо стало. Главное ей понравилось названіе—Фіаметта. Она вспомнила, какъ, однажды, проходила она по ***ской, и изъ открытыхъ оконъ одного дома звучала скрипка и віолончель съ піанино. Она вспомнила это, повторяла устами блѣдными, какъ осенняя Аврора, имя прекрасное—Фіаметта, Фіаметта... Казалось ей, что жизнь ея только что началась, что она снова въ томъ чудномъ городѣ, гдѣ родился «Русый», и вотъ сейчасъ придетъ этотъ хорошій и добрый господинъ со скрипкой. Въ это время часы заиграли «Коль славенъ», и въ библіотеку вошелъ со щеткой Поликарпъ. Онъ изумился присутствію Даши здѣсь, но не разсердился, и это его добродушіе Дашу необыкновенно растрогало.

— Какой онъ добрый, какъ хорошо!—думала Даша, и вставалъ передъ нею образъ ея новаго сказочнаго барина. Мнилось ей, что все хорошо, и всѣ добры здѣсь такъ, даже статуэтки эти съ лицами недоносковъ, потому—что графъ не человѣкъ, а ангелъ. И она готова была побѣжать въ спальную Константина и съ благодарностію скотской цѣловать его съ помпончиками туфли у кровати.

Поликарпъ поглядѣлъ сквозь окно въ паркъ и сказалъ:

— А денекъ—опять дрянь!

Но Дашѣ до безумія хотѣлось, чтобы и день сегодня былъ солнечнымъ и добрымъ. Она подбѣжала къ окну и вглядывалась въ свинцовое полотно неба.

— Поликарпъ!—говорила она, указывая пальцемъ на просвѣтъ въ небѣ:—да, ей Богу, прояснится. И солнышко увидимъ. Правда, вѣдь? правда?

Преисполненный скептицизма, подметалъ Поликарпъ комнату и бесѣдовалъ съ Дашей объ ея жизни въ городѣ.

— А я, кажись, Даша, тебя въ пивной у Адама Ивановича видалъ. Или нѣтъ—тамъ барышенъ не бываетъ.

Даша отвѣтила, что она, правда, была тамъ недѣли три назадъ съ Семеномъ, и пивная эта ей очень понравилась. Обои—розовые, розовые, на стѣнахъ картинки висятъ—ангелы, ангелы и дѣвицы голыя. А въ углу музыкантъ на скрипкѣ играетъ, и герань на окошкахъ цвѣтетъ. Публики немного; за прилавкомъ Адамъ Ивановичъ старичокъ премилый, и котъ черный рядомъ съ нимъ... И если бы не Семенъ проклятый, все было бы хорошо.

Вспомнивъ вдругъ Семена и столь недавнія событія кошмарныя, кинулась Даша къ иконѣ въ углу комнаты. Надъ иконой висѣла на лентѣ восковая горлица. Даша молилась, некрасиво плача, и просила Бога сдѣлать ее такой голубкой чистой...

У Константина же во время молитвы этой пламенной было настроеніе жалкое и непріятное. Происходило ли это вслѣд-

ствіе треволненій минувшихъ дней или снова въ немъ заговорило сожалѣніе къ на двѣ трети прожитой жизни, но, такъ или иначе, Константинъ въ настроеніи былъ не веселомъ. Боже мой, до чего противенъ этотъ липкій, гнойный день. Какъ въ дѣтствѣ онъ любилъ цвѣты каштана, и свою лэди Винтеръ, какъ онъ называлъ кузину свою, у дерева съ обращеніемъ къ нему: «Ну идите же скорѣе, глупый faisan d'or!» Ахъ, чертъ возьми, не идти бы дальше, остановиться бы тутъ у каштана.

Константину казалось, что влюбленность его въ отцвѣтшія мгновенія хороша лишь sub specie aeternitatis, и посади его за столъ сейчасъ съ барышнями, читающими «Душеньку» или съ Онѣгинымъ, parbleu, и дѣвы, и Евгеній были бы нестерпимо банальны.

День обѣщалъ быть безнадежно унылымъ. Недавно, какъ была трогательна осень. Бабье лѣто окутало его золотою паутинкой, сшило изъ парчи тонкой покрывало на его душу омертвѣвшую. Желтѣли деревья, и листва пахла ладаномъ и дегтемъ. Гекторъ послѣ утѣхъ любви весенней и лѣтней сталъ особенно привязчивъ и несносенъ.

— Пошелъ вонъ отсюда, царь блохъ!—закричалъ Константинъ и вскочилъ съ кровати.

У него было такое душевное состояніе, когда не хочется ни мыться, ни бриться, и встаешь только потому, что и лежать ужасно противно. Константинъ открылъ форточку и приказалъ принести себѣ кофе.

Даша сегодня была ему противна.

— И чѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, могла заинтересовать эта падшая?—думалъ Константинъ, откусывая кусочекъ сахару. Константинъ подумалъ, что правъ былъ гаршинскій Безсоновъ, утверждая, что «онѣ не возращаются никогда». Его смущало лишь то, что лицо у Даши было уже слишкомъ не типично для «этихъ». Живи она вѣкъ тому назадъ, съ какой охотою

писали бы ея портретъ Виже Лебренъ и Ротари. Она была бы милой глупой барынькой, и когда знакомый цѣловалъ бы ей руку, жаждущая любви причудъ, протягивала бы она ему свой ротикъ.

Константинъ взглянулъ на изображеніе Михаила Архангела въ синей рамкѣ. Мучительно не вѣруя иногда и до глупости вѣря нерѣдко, онъ простеръ сонныя руки свои къ иконѣ и зашепталъ:

— Боже мой, ужели, правда, посылаешь мнѣ образы любимыхъ мною вѣковъ?

Но вслѣдъ за этимъ на него навалился все побѣждающій сплинъ. Онъ разлегся на постели, напѣвая вполголоса похабную пѣсенку, слышанную въ дни молодости въ ресторанѣ. Пѣсня эта была безсмысленна, нелѣпо цинична, и начиналась такъ:

Шелъ я съ переулка
Въ зеленый садъ,
Сустрѣлъ дѣвицу
Лѣнивый взглядъ.
Стой, сволочь, подожди!
Куда спѣшишь?
Быть можетъ, Вы хотите
Со мною постоять.

Къ обѣду онъ умылся, одѣлся и вышелъ въ столовую, заставъ тамъ Дашу, съ любопытствомъ разсматривающую альбомъ Salon de Paris за 1890 годъ. Константинъ вначалѣ разозлился на Дашу, закричалъ:

— Что ты тутъ голыхъ бабъ безпокоишь?—и вырвалъ у нея альбомъ. Но потомъ ему сразу стало до отчаянія стыдно, и онъ, чтобы чѣмъ-нибудь загладить свою ненужную грубость, оставилъ Дашу, къ великому удивленію и зависти Поликарпа и Анфисы, обѣдать съ собою. За обѣдомъ Константинъ, какъ и слѣдовало ожидать, сильно напился и разразился потокомъ самыхъ безсвязныхъ мыслей.

— Если бы ты была столь же умна,—говорилъ Константинъ,— какъ необычно умно и интересно твое лицо... А, впрочемъ, у Чехова Прозоровъ говоритъ Ѳерапонту: «Если бы ты не былъ глухъ, то я бы тебѣ ничего и не сказалъ». Вотъ ты говоришь, что горлицей святой любовалась, а сейчасъ я тебя за пикантными nues засталъ. Хотя что же? — продолжалъ Константинъ и—икнулъ. Если бы я былъ художникомъ, то спьяна когда-нибудь нарисовалъ бы алтарь или вообще нутро костела и n+1 голыхъ женщинъ. Не въ духѣ Ропса, конечно, были бы бабы, а въ духѣ тициановскомъ что-нибудь раздѣлалъ... А вотъ, что я тебѣ, Даша, скажу. Три дня ты у меня живешь и думаю я глядя на лицо твое mille huit cent et trois, что не было бы ничего невозможнаго въ томъ, ежели бы сейчасъ въ минуту эту оказался бы я современникомъ какого-нибудь Кюхельбекера и сидѣлъ бы съ нимъ за вистомъ avec monsieur le comte Звѣздичъ и Неизвѣстнымъ изъ «Маскарада». Тьфу, какъ я пьянъ!

Даша сидѣла на кончикѣ стула растерянная, недоумѣвающая, съ покраснѣвшимъ личикомъ. Кусокъ бисквита застрялъ въ горлѣ ея, лобъ морщила она сосредоточенно, но ни слова не понимала изъ Константиновыхъ тирадъ.

Константинъ подсѣлъ къ Дашѣ вплотную и, глядя на нее въ упоръ взоромъ безумнаго, спросилъ шопотомъ:

— А вѣришь ли, Даша, что ожить они могутъ? Они, милые мои, глупые мои, родные. Вѣришь ли? Вѣришь?

— Да! Да!—закричала истерически Даша и заплакала.—И въ ангеловъ съ крыжовникомъ въ домикѣ свѣтломъ вѣрю!... И въ горлицы оживленіе, что надъ иконой виситъ, вѣрю, баринъ, добрый, дорогой...

Когда Даша перестала хныкать, Константинъ сказалъ:

— Ну, успокойся. А сейчасъ разскажу я тебѣ свой утренній сонъ. Сонъ прескверный, Даша. Въ комнатѣ, гдѣ вмѣсто бордюра обойнаго понабили глазетъ, лежитъ на столѣ покойникъ. Лицо не знакомо мнѣ вовсе. Лежитъ онъ не въ гробу, а такъ, чертъ

знаетъ, въ чемъ, скорѣе всего въ футлярѣ отъ віолончели черномъ. Ну, естественно, пахнетъ туберозами и еще... понимаешь ли, я не могу передать, что это за запахъ... такъ пахнутъ украшенія изъ бронзы на дамскихъ ридикюляхъ и кошелькахъ. Одѣтъ оный покойникъ во все черное, но очень ужъ по старому. Вдругъ, откуда не возьмись *я*, тоже въ черномъ, и кузина моя. Входимъ и останавливаемся посрединѣ комнаты. Тутъ покойникъ вскакиваетъ и, схвативъ меня желѣзными руками... лицо у него блѣдное, напудренное... Такъ вотъ онъ схватываетъ меня и укладываетъ въ футляръ. А самъ ретируется съ кузиной моей. И я просыпаюсь, натурально.

Дашу разстроилъ сонъ этотъ, и она снова заплакала. Константинъ протеръ глаза, посмотрѣлъ на плачущую Дашу и пробрюзжавъ: «не реви! Въ жизнь свою ничего не видалъ противнѣе», пошелъ вздремнуть.

Проходя по коридору, онъ услыхалъ вдали незнакомые мужскіе голоса и подумалъ:

— Нѣтъ, напиваться положительно вредно. Ахъ, если я сойду съ ума, то и это будетъ до тошноты современно!

Онъ скоро заснулъ пьянымъ сномъ. Сіяла лампада предъ Михаиломъ Архангеломъ, и тиктакали пузатые часы на столѣ.

Даша вошла въ каморку Анфисы. Дѣвочка сладко спала, зажавъ въ рукахъ куклу съ добрымъ глупымъ личикомъ. На столѣ стоялъ въ рамкѣ ея новый хозяинъ въ лицейской формѣ, молодой и веселый, обсиженный негодными мухами. Даша тихонько взяла этотъ чудный портретъ и долго, долго глядѣла на него.

— Не прогоняй ты меня отъ себя,—думала Даша,—не прогоняй!

Ей стало жарко. Она разстегнула кофточку. И глядя то на портретъ, то на цѣлованныя чуждыми устами и оплеванныя дряблыя свои груди, она шептала горестно:

— И зачѣмъ же не былъ ты въ городѣ, гдѣ «Русый» родился. Взялъ бы ты меня тогда! Служанкой бы твоей была, ноги бы твои цѣловала!

V.

Даша стоитъ на колѣняхъ въ розовой церкви на Звонарной улицѣ, и колокола звонятъ наверху. Звонъ дѣлается все громче и настойчивѣе. Даша просыпается и слышитъ звонокъ у воротъ. Убѣдившись, что Поликарпъ ушелъ за провизіей въ ближайшую лавку, рѣшается Даша сама открыть двери.

— Скажи, милая, здѣсь ли живетъ Константинъ Аѳанасьевичъ Волковисскій?—обращается къ Дашѣ пожилой военный, рядомъ съ которымъ стоятъ двѣ испуганныя барышни, одѣтыя одинаково. Даша положительно не знала, что отвѣтить офицеру, но, рѣшивъ, что это какіе-нибудь хорошіе знакомые Константина, пріѣхавшіе издалека, отвѣтила:

— Пожалуйте съ!

Она провела гостей по лѣстницѣ вверхъ, въ залъ самый замѣчательный во дворцѣ этомъ. Посрединѣ зала былъ устроенъ фонтанъ не хуже версальскихъ водометовъ, на стѣнахъ висѣли портреты, картины и огромные глупо и мило раскрашенные лубки, иллюстрирующіе эпизоды всяческіе изъ Перро, Гауфа, 1001 ночи и другихъ сказокъ. Даша чуть не закричала отъ ужаса, введя гостей въ залъ. Въ креслѣ сидѣлъ и покуривалъ трубочку бѣлокурый гусаръ въ синемъ доломанѣ, а невдалекѣ отъ него сидѣлъ въ позѣ напыщенно-мрачной другой гусаръ, потемнѣе волосами и лицомъ. Она недоумѣвала, почему Константинъ не говорилъ ей ничего о томъ, что живетъ онъ не одинъ во дворцѣ.

— Владимиръ!—закричала Марія, бросившись къ бѣлокурому.

— О, Мэри! Ужели Вы, Вы? Какъ я соскучился, какъ я соскучился!

Другой же гусаръ, именовавшійся Вадимомъ, нимало не измѣнилъ своей позы и привѣтствовалъ новоприбывшихъ холодно:

— Здравствуйте, здравствуйте, monsieur et mesdemoiselles.

Даша побѣжала будить Константина, вся покраснѣвшая и сбитая съ толку, бѣдняжка.

Алиса посмотрѣла съ завистью на воркующихъ Владимира и Марію, провела рукою по щекѣ своей, залитой внезапнымъ румянцемъ, и присѣла въ кресло. Вадимъ всталъ и подошелъ къ ея рукѣ.

Офицеръ вспотѣлъ отъ удовольствія, что видитъ онъ снова дѣтей друга дѣтства своего, и обратился къ Вадиму съ нѣжными разспросами.

— Ахъ, Павелъ Сергѣевичъ!—отвѣчалъ Вадимъ на всѣ вопросы офицера.—Сколь горько и неосновательно существованіе мое. Я, какъ голландецъ нѣкій, летаю по морю житейскому и до сихъ поръ не вижу смысла ни въ чемъ рѣшительно.

— Мерлихлюндія самая безосновательная, другъ мой—отвѣтствовалъ офицеръ.—Ты брось эти аглицкія философствованія и посмотри, какъ хороша m-lle Алиса...

— Андреевна—скромно сказала Алиса.

— Было бы смѣшно,—продолжалъ Вадимъ, хмуря брови,—спорить мнѣ объ этомъ съ Вами, Павелъ Сергѣичъ. Вы видите предъ собою первую, которой моя дѣтская нѣжность принадлежала. Но, увы, «Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье», моя любовь прекрасная и чистая—не было ли это доказательствомъ лишнимъ того, что я въ чувствахъ своихъ не болѣе, какъ обанкротившійся Ротшильдъ.

Въ разговоръ этотъ небезинтересный вмѣшались Владимиръ и Марія.

— Милёнокъ глупый мой,—сказала Марія, играя рукою Владимира,—ваша разочарованность и холодное отчаяніе смѣшатъ меня положительно. Держу пари, что слѣдующей фразой Вашей

будетъ: «Я пресыщенъ былъ плодами зрѣлыми и сочными, а скороспѣлые вызывали во мнѣ мучительную тошноту».

— Браво, Marie! — улыбнулся Владимиръ, — ты великолѣпно помнишь его слова и не менѣе великолѣпно передразниваешь сего непутеваго байрониста.

— Однако же, дѣти мои милыя, какъ ни пріятна бесѣда обо всемъ этомъ, но долженъ я задать вамъ вопросъ, меня немного смущающій: какъ вы, Владимиръ и Вадимъ, попали сюда? —спросилъ офицеръ, насыпая себѣ въ трубку ароматнаго табаку изъ шкатулочки, стоящей на этажеркѣ. Вадимъ и Владимиръ переглянулись, и въ одинъ голосъ отвѣтили, что смущаться-де нечего: гостятъ они у своего родственника. Офицера удивляло, что такъ долго не выходитъ къ нимъ родственникъ сей, но тому были причины, о которыхъ скажемъ мы скоро.

Алиса посмотрѣла пристально на Вадима.

— Неужели же? Неужели?—шепнула она ему,—ни одного милаго слова мнѣ, ни поцѣлуя?

— О, къ чему? — отвѣтствовалъ Вадимъ, — холодные, какъ лёдъ, поцѣлуи безтрепетныхъ устъ. Они пробудятъ лишь горькое сожалѣніе.

Алиса быстро вскочила съ кресла и, гордо выпрямившись, сказала:

— Вы не подумайте, что я у Васъ прошу милостыни... Мнѣ стыдно и больно за Васъ.

Алиса отошла отъ Вадима, который завелъ съ Павломъ Сергѣевичемъ разговоръ о полковыхъ пирушкахъ и экспедиціи въ тридцатомъ году, и взоръ ея упалъ на картинку изъ «голубой птички». Ей вспомнилась эта многолюбимая ею сказка и, въ особенности, это прелестное простое двустишье:

Птичка, неба голубѣй,
Прилети ко мнѣ скорѣй!

Увы, ее тревожила не чародѣйка злая, а герой сказки, принцъ милый Вадимъ.

Боже мой, какъ онъ измѣнился, какъ безвозвратно потерянъ для нея онъ! Три года назадъ убилъ онъ на дуэли поручика Петрычева, который безъ намѣренія, нечаянно вполнѣ, задержалъ въ рукѣ своей руку Алисы болѣе, чѣмъ на полминуты. Мятежная душа! Онъ плакалъ о немъ однажды въ лѣсу, хотя онъ никому и никогда не говоритъ объ этомъ обо всемъ. Но Алиса случайно видѣла, какъ плакалъ онъ.

Алиса наблюдаетъ за Владимиромъ и Маріей. Ахъ, вотъ они— молоды, счастливы, безпретенціозны необыкновенно. Марія напѣваетъ ему мотивъ фанданго, который она такъ любитъ, и руки ея позволяютъ больше, чѣмъ допустимо сіе при зрителяхъ. Алиса настораживается. Кто-то подходитъ къ дверямъ залы. Двери раскрываются, и входитъ Константинъ, раздушенный, бритый, напомаженный и одѣтый безукоризненно...

Константинъ былъ не на шутку пораженъ, когда Даша разбудила его и повѣдала о прибытіи незнакомыхъ барышенъ и офицера. Не менѣе поразила его и сказанная съ упрекомъ фраза Даши: «А я думада, баринъ, что вы одни въ домѣ во всемъ». Полагая, что къ нему внезапно пріѣхалъ кто-нибудь изъ родственниковъ, онъ перебралъ въ умѣ всѣхъ родичей своихъ, но не могъ сообразить, что за родственники у него женскаго пола. Кузина Марія давно замужемъ за прокуроромъ Левитовскимъ, обрюзгла, поглупѣла, и барышней отнюдь ее назвать нельзя. Милитаризмъ былъ чуждъ графамъ Волковисскимъ: уже полвѣка у нихъ не было офицеровъ родственниковъ. Константинъ приказалъ Дашѣ приготовить кофе на 4 персоны и быстро сталъ приводить себя въ порядокъ.

— Баринъ,—сказала Даша,—Вы ошиблись, вѣрно: кофей надо для шестерыхъ приготовить.

— Не подумаешь ли ты, Даша,— отвѣтилъ Константинъ съ улыбкой, расчесывая волосы золотымъ гребнемъ,—что я приглашу на чашку кофе тебя и Поликарпа?

Даша покраснѣла и надулась. Въ словахъ Константина она

увидѣла досаду. Неужели же онъ раскаивается, что обѣдалъ съ нею вмѣстѣ за однимъ столомъ?

— Не то,—отвѣтила она сухо.—Но Васъ, господъ, будетъ шестеро.

И она перечла:

— Вы, барышни двѣ, офицеръ старый, да два молодыхъ въ мундирахъ синихъ.

Константинъ заволновался и уронилъ на полъ флаконъ съ Floramye.

— Что за ерунду несешь?—крикнулъ онъ.—А откуда же еще два офицера взялись? что за бредъ?

И Константинъ чуть не заплакалъ отъ досадливаго недоумѣнія, когда услыхалъ истерическій визгъ Даши и увидѣлъ, что она уходитъ прочь со словами:

— Стыдно Вамъ, баринъ, надо мною смѣяться. Прогоните, а не смѣйтесь надо мною!

— Гм...—шепталъ себѣ Константинъ.—Все это нуждается въ ликвидаціи генеральной. Однако, я не ожидалъ никакихъ дивертиссментовъ въ эти кошмарные дни... Офицеры въ синихъ мундирахъ, говоритъ она. Не въ доломанахъ ли? А...

Константинъ задрожалъ, и вдругъ по стеченію мыслей вспомнились ему «Разбойники» Гофмана:

— Если почтеннымъ Виллибальду и Гартману пришлось увидать семейку Мооровъ въ жизни, то почему бы и мнѣ не увидать какихъ-нибудь Рыковскихъ. Я, конечно, не знаю, въ чемъ же здѣсь трагедія или драма... Однако...

Онъ поспѣшно удалился изъ комнаты въ сосѣдній залъ. Обвелъ глазами мертвыя стѣны, мертвые портреты. Миніатюрнаго изображенія діоскуровъ-гусаровъ недоставало.

Константинъ вздрогнулъ, съежился, но не надолго. Онъ былъ слишкомъ скептикъ и недовѣрчивъ. Все, что было чудеснаго до сихъ поръ, было лишь на страницахъ книгъ и въ его го-

ловѣ, но отнюдь не въявь. Константинъ разрѣшилъ загадку далеко не фантастической резолюціей:

— Ахъ, всѣ эти проститутки á la Даша вѣдь и воровки къ тому же. Она стянула картину и передала своему проходимцу Семену. Зачѣмъ ей было красть свою же вещь? Понятно: не хотѣлось уходить отсюда, а боялась меня разсердить, попросивъ оный портретъ честно. Ну, ладно, ладно, выяснимъ мы эту штуку. А пока—молчаніе и наблюденіе.

Но потомъ кровь прилила къ лицу его, сердце затанцевало, загорѣлись глаза.

— Боже мой! А вдругъ, вдругъ...—зашепталъ онъ яркими устами,—это то, о чемъ мечталъ я всегда. Что нибудь сверхъ тусклаго моего modus'a vivendi.

Однако, наполовину вѣря въ возможность невѣроятнаго событія, наполовину нѣтъ, вернулся онъ въ спальню, одѣлся, подушился и вышелъ къ своимъ чудеснымъ гостямъ.

Онъ представился имъ: графъ Волковисскій, и всѣ они, не исключая и Вадима, который быстро поднялся и подошелъ къ группѣ ошалѣвшихъ людей, сильно сконфузились, а старый офицеръ и Владимиръ забормотали извиненія:

— Извините... Извините... И какъ это вышло глупо, что мы къ незнакомому вовсе человѣку попали и обезпокоили его сильно.

— О, что за пустяки! Вы у меня въ гостяхъ, господа, въ эти нелѣпые ужасные дни. Садитесь... Садитесь, mesdemoiselles. И Вы, и Вы,—обратился Константинъ къ Рыковскимъ, которыхъ онъ сразу узналъ.

Бесѣда ихъ приняла характеръ комичный. Алиса, Марія, офицеръ и весельчакъ Владимиръ наперебой разспрашивали Константина о какихъ-то Клавдіяхъ Петровнахъ, о Звонцевыхъ, о Бебутовыхъ, объ имѣніи Каплицына. Константинъ ничего не понималъ. Выражались они всѣ, правда, по-русски, но помимо того, что ихъ манера выражаться была странна, они говорили

о лицахъ и событіяхъ, о коихъ Константинъ не имѣлъ рѣшительно никакого понятія. Онъ твердо убѣжденъ былъ, что люди эти безусловно вѣка минувшаго, а на то, снится ему это или нѣтъ, ему было плевать. Но для того, чтобы causerie сія представляла для него интересъ, Константинъ долженъ былъ бы перевоплотиться и стать товарищемъ Лермонтова по Университету, по меньшей мѣрѣ. А такъ какъ это возможнымъ не представлялось, то Константинъ обратился къ собранію неожиданному со слѣдующими словами:

— Господа! Не почтите меня невѣжей, а я скажу Вамъ вотъ что. Я никого и ничего не знаю изъ всего того, что Вы говорили сейчасъ.

Тогда вступился Вадимъ. Онъ подошелъ къ Константину вплотную и сказалъ сумрачно:

— Иными словами, Вы хотите, чтобы мы заткнули себѣ глотки. Это не невѣжливость, а желаніе самоуспокоенія.

И, звякнувъ шпорами, Вадимъ повернулся къ Константину спиной и сталъ насвистывать что-то.

Константину Вадимъ не нравился. Ужъ слишкомъ трафаретны, по-семинарски смѣшны были его демонизмъ, его темно синіе глаза, бѣлыя руки, не дававшія отдыху груди, и плотно сжатыя тонкія губы. «Онъ—un peu de Печоринъ»,—подумалъ Константинъ и продолжалъ:

— Итакъ, не придавая значенія милому замѣчанію демонизированнаго Вадима (à propos, какое трагическое имя!) я скажу все же: поговоримъ и впредь будемъ говорить о чемъ-нибудь отвлеченномъ. То-есть я не хочу сказать—идеальномъ, не существующемъ, но я бы просилъ васъ, ради Бога, безъ дядей безъ тетушекъ, имѣній и анекдотовъ о Мари Бебутовой, Опенкиной etc.

Въ это время вошла Даша и доложила, что кофе поданъ. Константинъ поклонился и пригласилъ гостей на чашку кофе.

За кофе всѣ новоприбывшіе обнаружили такую сонливую неразговорчивость, что Константинъ, подумавъ, предложилъ гостямъ отдохнуть «съ дороги». Тѣ сразу согласились, и Константинъ размѣстилъ гостей такъ: старика съ Владимиромъ, Вадима одного, сестеръ отдѣльно въ двухъ крошечныхъ будуарахъ.

VI.

Во дворцѣ Константина было тихо и спокойно. Издыхающія отъ наступающей осени мухи жужжали и, какъ фантастическія птицы, носились предъ тусклыми глазами портретовъ. За окнами въ саду и тихо, и ласково. Розы роняютъ лепестки, чеховскія «милыя осеннія розы».

Анфиса ровно ничего не понимала въ усложнившейся жизни дворца. Появились, зашумѣли люди какіе-то, красивые и нарядные, а вотъ и опять тихо стало, и барина не видать. Маленькая, юркая, съ глазами испуганной кошки, Анфиса жила во дворцѣ своей особенной, ни отъ чего независящей жизнью. Города она боялась, а послѣ выстрѣловъ недавнихъ и еще болѣе, во дворецъ же влюблена была. И въ каждый уголокъ комнаты: карнизъ у потолка, дверную бронзовую ручку—львиную пасть, въ глиняныхъ людей странныхъ и въ шумные часы съ музыкой влюблена была Анфиса. Несказанное впечатлѣніе, производимое дворцомъ на Анфису, дополняли необыкновенные разсказы Константина. Этотъ высокій бритый пахучій господинъ съ большими глазами, въ которые долго смотрѣть нельзя было, въ длинные вечера скучные звалъ её къ себѣ и неизмѣнно говорилъ ей, гладя ей растрепанные волосы:

— А ты все растешь и растешь.

За этой безотносительной фразой слѣдовалъ неизмѣнный вопросъ Анфисы:

— Баринъ, Константинъ Аѳанасьевичъ! А почему то? Почему это?

И она спрашивала его, почему на часахъ трубачи каждый часъ трубятъ, почему у «дяди» на этажеркѣ въ золотой рамочкѣ лицо такое печальное? Константинъ всякій свой отвѣтъ одѣвалъ иногда въ комическій, иногда въ грустный костюмъ сказки, сплошь и рядомъ безо всякой фабулы, сказки, напоминающей миніатюрныя яркія бездѣлушки. Недавно онъ болталъ съ ней въ небольшой комнатѣ наверху. Ей нравился тамъ фонарикъ, спускающійся съ потолка на серебряной цѣпочкѣ, горѣвшій сиреневымъ свѣтомъ. Константинъ разсказалъ ей исторію фонарика этого. Дѣдъ его былъ человѣкомъ смѣшнымъ и страстно любилъ восковыя свѣчки разноцвѣтныя, лампіоны, фонари. На Рождество старикъ запрется гдѣ-нибудь въ комнатѣ, елку туда маленькую притащивши, зажжетъ свѣчи и Христа славитъ. На Крещеніе какъ-то спасъ онъ дѣвочку господскую одну: она подъ лошадей чуть не попала. И вотъ родители дѣвочки этой, не вѣдая вовсе, какъ дѣдушка фонари и свѣчи любитъ, фонарикъ этотъ ему подарили. А фонарикъ-то этотъ не простой. Онъ горѣлъ, горѣлъ всю жизнь дѣдушки, а какъ дѣдушка умеръ,—погасъ. Теперь же его одной спичкой не зажжешь, иногда всю коробку спалишь, а не зажжешь: не хочетъ, каналья, безъ дѣдушки горѣть!

У Анфисы появилось желаніе подняться наверхъ и фонарикъ поглядѣть. Она пробирается на цыпочкахъ, подходитъ къ комнатѣ, дергаетъ за ручку, но увы, дверь заперта.

— Что тамъ такое?—думаетъ она, и, хитро подмигнувъ, шепчетъ: — Не дѣдушка-ли?

Она глядитъ въ щелку двери. Въ комнатѣ на диванчикѣ въ одной рубашкѣ изъ полотна тонкаго лежитъ Алиса. Ея прекрасные глаза открыты. Анфиса удивлена необыкновенно, что барышня незнакомая сама съ собою разговариваетъ.

— Ахъ, еще болѣе потускнѣли глаза его, шепчетъ Алиса,— его тонкій станъ сгорбился, согнулся, какъ стебель нарцисса, согбенный отъ дыханія вѣтра. О, Боже! Что съ нами приклю-

чилось? Какая долгая туманная жизнь пронеслась, и что ждетъ впереди насъ?

Анфиса видитъ, что слезы текутъ по персиковымъ щекамъ барышни, и ей самой страшно жаль барышню. Алиса вздыхаетъ глубоко, потомъ, къ неудовольствію Анфисы, зѣваетъ и вскакиваетъ поспѣшно съ дивана. На лицо ея ложится тѣнь безпокойства. Она шаритъ по всѣмъ угламъ, ящикамъ и полочкамъ, но нигдѣ не находитъ того, что ей нужно. На гвоздикѣ виситъ старый пыльный плащъ дѣдушки Константина. Алиса накидываетъ его на бѣлую рубашку свою съ кружевами. Дверь заскрипѣла, и Анфиса, задрожавъ отъ волненія, кинулась, было, бѣжать, но Алиса остановила ее.

— Стой, дѣвушка, остановись!

Анфиса остановилась и опустила глаза внизъ.

— Дѣвушка милая,—обратилась къ ней Алиса,—не поможешь ли ты мнѣ?

И Алиса объяснила испуганной Анфисѣ, что ей надобно до крайности хотя немного пудры и помады губной. Тогда Анфиса улыбнулась и захлопала въ ладоши.

— Сейчасъ, барышня, сейчасъ, милая!—воскликнула Анфиса,—я принесу вамъ.

И она побѣжала внизъ къ Константину, который сидѣлъ, задумавшись, въ своей комнатѣ и курилъ трубку.

Все случившееся мнилось Константину какой-то трактирной грезой. Именно «трактирной». Во дни своей недавней молодости любилъ онъ въ пьяномъ до тошноты состояніи зажмурить глаза и «поглазѣть въ прошлое». Гармонія играетъ вовсе не подходящій вальсъ «Дунайскія волны», половой подаетъ въ чайныхъ чашкахъ водку, товарищъ его, Санька, загадываетъ «кавказскія» загадки, а онъ, Константинъ, глаза зажмурилъ, и на устахъ похабныя слова, а передъ глазами проходятъ вереницей «минувшіе». Ему вспомнился Жераръ де Нерваль и стихи его о вѣкѣ Ришелье, прелестнѣй мотивовъ Вебера и Россини. Прибывшіе

гости не казались, правда, ему особенно очаровательными. По крайней мѣрѣ, въ грезахъ «трактирныхъ» они были куда лучше. Офицеръ—запупѣвшій старичокъ, добрый, но неумный и тусклый. Владиміръ — куда же хуже собутыльниковъ его бывшихъ. Вадимъ — лубочное изданіе Печорина. А вотъ Алиса, Алиса...

Герои читанныхъ имъ романовъ холодно и какъ будто для статистики соединялись съ женщинами различныхъ породъ и націй. Ему припомнилось это, и стало скучно. Ужели же и онъ остановился сейчасъ на имени этомъ только потому, что Алиса являлась новымъ чѣмъ-то въ жизни его? Глаза у нея красивые, шея бѣлая, руки Росетти и станъ великолѣпный. Она не говоритъ, а поетъ, и это-то и показалось ему отчасти прелестнымъ, отчасти нуднымъ.

— Вѣдь это столь же смѣшно у нея выходитъ, — подумалъ онъ,—какъ у артистки Колюсъ. Возможно, что у Алисы искренно, а у той пакостно. А?

Въ моментъ этотъ въ комнату вошла Анфиса и робко сообщила о затрудненіяхъ барышни изъ «дѣдушкиной комнаты» Константинъ тотчасъ же отсыпалъ въ фарфоровую пудреницу пахучей пудры, а за симъ позвалъ Поликарпа и приказалъ ему озаботиться о водѣ въ умывальникахъ, о полотенцахъ, о пудрѣ и объ одеколонѣ. Косметическое направленіе мыслей его, вылившись въ воспоминаніе о бодлэровомъ «флаконѣ» прервалось, и онъ снова началъ думать объ Алисѣ.

Скотски смѣлой и безсмысленной была мысль сейчасъ же отправиться къ ней и взять у этой прекрасной женщины все, что можетъ, вообще, дать прекрасная женщина.

— Если она—фантомъ, призракъ, то сіе вовсе не такъ аморально. Если же нѣтъ, то это будетъ презабавно, и, возможно, въ стилѣ эпохи,—полагалъ Константинъ.

Разсуждая все въ томъ же направленіи, онъ дошелъ, въ концѣ концовъ, до нелѣпыхъ фантастическихъ антрепризъ,

цѣлью коихъ являлись утѣхи любви его. Константинъ цинически усмѣхнулся и сказалъ:

— Гм... А недурно было бы показать этому фокс-терьеру Вадиму, что онъ отсталъ чертовски въ дѣлахъ сихъ. И даже безъ всякаго насилія, безъ самомалѣйшаго насилія надъ милой Алисой. Написать, напримѣръ, на бумажкѣ: «Алиса, полюби меня», бумажку сжечь и пепелъ съѣсть.

Но Константину до боли вдругъ сдѣлалось стыдно. Ахъ, какъ онъ молилъ, какъ лелѣялъ мысль о «минувшихъ»! И вотъ, когда они пришли съ нему такъ неожиданно, онъ, пошлякъ, сидитъ за manicur' омъ и разсуждаетъ не умнѣе, чѣмъ «цивилизованный» шофферъ или герой современнаго отвратительнаго романа, черепаха съ павіаньими повадками! Константину вспомнился гюисмансовъ Дюрталь и неожиданный романъ его съ инкубомъ-шарлатанкой.

— Боже мой! Ужели и меня ждетъ разочарованіе и тошнота? Но нѣтъ! Та, вѣдь, была теперешняя!

Константинъ одѣлся весьма изысканно, надушилъ по странной привычкѣ яркія свои губы, и поднялся наверхъ, желая провѣдать, не надобно ли чего пріѣзжимъ?

По коридору навстрѣчу ему шла Алиса, чудные глазки которой были заплаканы, но это дѣлало ее еще привлекательнѣе и томнѣе. Константинъ поспѣшно подошелъ къ ней и началъ рѣчь свою необычно:

— Мопассанъ говоритъ: кто молодъ, пробужденіе того прекрасно. И я счастье имѣю видѣть это на васъ, mademoiselle.

Алиса кокетливо улыбнулась, но возразила, что господина Мопассана она, къ стыду своему, никогда не читала, а о себѣ скажетъ, что она ни полминуточки не спала. Константинъ нашелся только сказать: «Напрасно...». Дальнѣйшій разговоръ не клеился абсолютно, и, что бы хоть что-нибудь сказать, Константинъ предложилъ сойти внизъ, присѣсть въ стеклянной галлереѣ и поглядѣть на осеннее умирающее солнце. Предложеніе это бы-

ло сказано уже какимъ-то виноватымъ голосомъ, что не ускользнуло отъ вниманія Алисы, и она кинула на Константина первый *сознательный* взглядъ женщины. Глядѣла она на Константина секунды четыре, и, вдругъ, опустила глаза внизъ и покраснѣла... Ахъ, эти мимолетные милые взгляды, которые длятся такъ недолго, и такъ много вносятъ въ душу смятеній.

Глубокопосаженные насмѣшливые глаза, прямой лобъ, густые волосы, и порочная, но какая-то жалобная складка яркихъ губъ, все лицо это, внезапно робкое и трогательное, произвело на Алису впечатлѣніе сильное. Лицо Вадима походило на красивый мраморный утесъ, но, Боже мой, какъ оно не просто, какъ лицедѣйски не просто...

— Сойдемте внизъ. Я охотно погляжу на «умирающее солнце»—тихо отвѣчала Алиса.

А солнце, дѣйствительно, умирало. И умирали и розы, и желтое убранство деревъ, и мраморныя статуи музъ и богинь въ паркѣ. Невидимые жрецы небесные раздернули занавѣсъ, и вотъ оно показалось міру печальное и умирающее съ улыбкой чахоточной старой дѣвы.

— Неправда ли, когда глядишь на это солнце, чего-то безконечно, мучительно жаль?—обратился Константинъ къ Алисѣ, при чемъ ему стало стыдно, что говоритъ онъ трафаретно пошло.

— Ужели Вы такъ романтичны?—отвѣчала ему Алиса.—Вы неправы, Константинъ Аѳанасьевичъ. Иногда—до мучительности жаль, иногда—до мучительности прекрасно. Или въ это Вы не вѣрите?

Разговоръ завязывался, и Константинъ, боясь упустить дьявола болтливости, кончикъ хвоста котораго онъ уже поймалъ, заговорилъ о скукѣ жизни, о «наивныхъ черепахахъ», которыя считаютъ жизнь нашу не презрѣнной, о тупости и пошлости человѣчества en gros, а заключилъ тираду свою тѣмъ, что единственнымъ дивертисментомъ его жизни были женщины, но,

увы, сіе развлеченіе не можетъ состояться за недостаткомъ актеровъ.

Алисѣ, непонявшей очень многаго изъ рѣчи Константина, хотя онъ аргументировалъ рѣчь свою ad hominem, многіе парадоксы и сентенціи понравились, и, вновь сравнивъ Константина съ Вадимомъ, она начинала почитать себя скверно зрячей.

— Ахъ, Боже мой, вѣдь есть же умнѣе, и экстравагантнѣе люди, а я страдала столь отъ его холодности, увѣренная, что обрѣла рѣдкость,—думала Алиса.

Въ то время, какъ проводила она параллель эту, Константинъ какъ-то дернулся весь вдругъ и рѣшилъ сказать ей сердито и грубо:

— Вотъ что, mademoiselle. Довольно намъ играть въ прятки. Долженъ я вамъ сказать слѣдующее. Вы, подобно фарсовой Ніобеѣ, въ моихъ разговорахъ бельмесъ, да и я въ Вашихъ. Короче говоря, по Гамсуну: что за разговоры въ такой поздній часъ на софѣ? Лежать смирно, безъ глупостей! Да здравствуетъ страна и Король!

Но Константинъ передумалъ, конечно. «Все-таки, до чего я современенъ!»—сердился онъ на себя.—Онъ схватилъ руку Алисы, полонъ непонятнаго ей раскаянія и сталъ осыпать ее поцѣлуями. Затѣмъ, произошелъ рядъ событій, которыя сбили всѣхъ съ толку и наполнили дворецъ криками удивленія, негодованія и ужаса.

Авантюры послѣднихъ дней разстроили Дашу положительно. Во-первыхъ, ее изумляли не мало костюмы и куафюры гостей, во-вторыхъ, ихъ лица были ей не совсѣмъ незнакомы. Лежа на кровати въ своей комнатѣ и поглядывая на разноцвѣтную розетку на потолкѣ, Даша силилась вспомнить, гдѣ она видѣла гостей Константина. Припомнилось одно: подобные костюмы она видала на маскарадѣ въ Коммерческомъ Собраніи, гдѣ она была со старичкомъ профессоромъ Штейномъ, циничнымъ рыжимъ евреемъ. Однако, лица тѣхъ господъ, которые были

на маскарадѣ въ сихъ костюмахъ, отнюдь не были похожи на лица загадочныхъ гостей. Невольно вспомнилась ей ея жизнь плохо оплачиваемой куртизанки, и, сопоставляя оную съ теперешней, Даша истерически всхлипнула. На столѣ подлѣ нея стояло блюдо съ водой, по которой плавали игрушечные парафиновые лебеди—забава Анфисы. Константинъ разсказывалъ Анфисѣ какъ-то, что въ дѣтствѣ любилось ему глядѣть на безжизненныхъ лебедей. Онъ гладилъ ихъ ручонкой, и, казалось, оживали лебеди бѣлые, взмахивали крыльями и улетали вмѣстѣ съ нимъ въ сказочныя страны.

— Ахъ, Господи! И откуда беретъ онъ сказки такія прекрасныя. Вотъ бы мнѣ поучиться! — думала Даша. И ей въ полудремотѣ грезилась Фіаметта. Она была въ такомъ же костюмѣ, какъ и темная барышня гостья. Она хмурила брови и о чемъ-то сердито просила барина Константина.

Когда Даша была маленькой дѣвочкой, въ деревнѣ, любила она картинку: — это былъ, всего навсего, скверный портретъ Потемкина Таврическаго. Но Дашѣ такимъ представлялся ея могучій милый женихъ. Пробѣгая въ мысляхъ минувшія мечты о женихѣ, она ухватилась за безумную мысль: «Вѣдь женихъ-то мой на барина Константина походилъ необыкновенно». И она судорожными руками схватила портретъ Константина, и цѣловала его насмѣшливо-печальное лицо.

Даша сѣла за зеркало, попудрилась пудрой «Лепестокъ Розы» и побрызгала на свои красивые волосы сквернымъ одеколономъ. Вглядываясь въ черты еще неувядшаго, когда-то прекраснаго лица своего, она кокетливо улыбнулась и, шепнувъ: «Я еще не такъ ужъ плоха», вышла провѣдать, что дѣлается во дворцѣ.

Въ столовой она встрѣтила Поликарпа, у котораго былъ видъ придворнаго повара: напыщенный и суетливый.

— Ну, вотъ и дождались гостей, слава Богу,—обратился Поликарпъ къ Дашѣ;--одна бѣда—провизіи мало и вина не такъ ужъ много.

На столѣ стояли уже тарелки, приборы и все прочее, и даже букеты розъ въ огромныхъ вазахъ.

Въ углу столовой висѣло золоченое католическое Распятіе, и у подножія Распятія стоялъ бронзовый подсвѣчникъ. Поликарпъ зналъ вкусы своего барина: семь восковыхъ свѣчей были зажжены. Даша машинально взяла въ руки молитвенникъ въ переплетѣ бархатномъ и прочла: «Чертогъ Твой вижду, Спасе Мой, украшенный»...

О, Боже мой, какъ это хорошо! И она видѣла себя дѣвочкой, и помнила сквозь туманъ печальныхъ лѣтъ своихъ католическую процессію, которую пришлось ей видѣть какъ-то въ дѣтствѣ. «Чертогъ Твой вижду... украшенный...» Да, да! Какъ много яхонтовъ и смарагдовъ въ золотыхъ его стѣнахъ. У яшмовыхъ колоннъ ждутъ дѣвы Чуднаго Жениха!.. «Но одежды не имамъ»... Ахъ, да! Одежды—нѣтъ. Или ее сорвали съ нея и, истоптавъ, сожгли? О, какъ ярко горятъ торжественныя вѣнчальныя свѣчи! А, можетъ быть, въ такой одеждѣ, какую темная пріѣзжая барышня носитъ, и можно войти въ Домъ Господенъ? Она силится вспомнить, какъ это все было. Ей грезится такъ: впереди идетъ въ бѣлыхъ ризахъ съ пламеннымъ лицомъ ксендзъ съ чашею въ рукахъ... Но что за знакомыя черты лица его чуднаго? Да вѣдь, это—Константинъ, Константинъ!

— Послушай, Даша,—обратился къ ней Поликарпъ,—чѣмъ зѣвать тутъ, сходила бы лучше и посмотрѣла, что дѣлаетъ баринъ, и не проснулись ли гости.

Даша вздрогнула и покорно поплелась по направленію къ галлереѣ.

Глазамъ ея представилось зрѣлище, сильно ее поразившее. Блѣдная и томная, закинувъ ввысь свои прекрасные глаза, сидѣла въ креслахъ пріѣзжая барышня, а Константинъ, Константинъ цѣловалъ ея сладостно-гибкія руки... Тогда Даша вдругъ почувствовала, что она знаетъ, и знаетъ хорошо эту барышню,

что она ее видала часто, часто, видала эти волосы, эти брови и эти бѣлыя руки, сгибающіяся, какъ вѣтви ивы, и чудовищно странной и роковой показалась она ей. Лицо Даши приняло выраженіе непріятно-истеричное, и взвизгивая и размахивая руками, кинулась она къ Константину.

— Баринъ... Баринъ... Голубчикъ! Не цѣлуйте ее! Она *нездѣшняя, нездѣшняя*! Несчастіе! Несчастіе!

И прежде чѣмъ Константинъ успѣлъ дать себѣ отчетъ въ случившемся и, особенно, объяснить, что хотѣла Даша выразить словомъ «нездѣшняя», все вниманіе и мысли его были отвлечены новымъ страннымъ обстоятельствомъ.

На улицѣ толпа ревѣла, и сквозь ревъ пробивался мотивъ «Марсельезы». Затѣмъ прозвучалъ сигналъ горниста, и явственно былъ слышенъ лошадиный топотъ. Обстоятельство это было много страшнѣе, чѣмъ выходка Даши, и ошеломленные Даша, Алиса и Константинъ кинулись въ залъ, чтобы посмотрѣть, что дѣлается на улицѣ. Изъ комнатъ своихъ выскочили испуганные не мало Марія и Владимиръ съ офицеромъ старымъ и послѣдовали за Константиномъ и другими, провожаемые насмѣшливыми словами Вадима, который кричалъ:

— Если будетъ что-нибудь интересное, сообщите мнѣ!

Константинъ раздвинулъ занавѣсъ и открылъ окно. На улицѣ, однако, было вовсе небезынтересно. Валялись раненые и убитые, а подлѣ нихъ стояла рота солдатъ и командиръ ея съ помощникомъ. На лицахъ офицеровъ лежала печать ожесточеннаго состраданія. Неподалеку виднѣлся удаляющійся отрядъ кавалеристовъ.

Старикъ офицеръ, блѣдный, смущенный странною формой солдатъ и офицеровъ, перекрестился и спросилъ робко командира роты:

— За что вы разстрѣляли ихъ, капитанъ?

Офицеръ удивленно посмотрѣлъ на старика и отвѣтилъ сухо:

— Они противъ царя бунтуютъ.

Тогда старикъ комично выпрямился и, простирая свою руку къ небу, воскликнулъ:

— Да какъ смѣютъ они? Да здравствуетъ Императоръ Николай Павловичъ!

— Офицеръ нахмурился и закричалъ: «что такое?», но другой офицеръ взялъ его за руку и сказалъ негромко:

— Оставь его. Это, навѣрное, сумасшедшій. Ихъ такъ много теперь.

Константинъ захлопнулъ окно и задернулъ занавѣсъ. Онъ оглядѣлся вокругъ. Марія рыдала на груди у Владимира, старикъ, опершись рукою о лобъ, сидѣлъ у стола и шепталъ въ ужасѣ:

— Да, что же съ нами приключилось? Что приключилось?

Даша убѣжала прочь и въ полуобморокѣ упала на постель въ своей комнатѣ. Одна лишь Алиса была спокойна сравнительно и, глядя на Константина милымъ грустнымъ взоромъ, спрашивала его:

— Неужели же все это намъ не снится, Константинъ Аѳанасьевичъ, милый, дорогой?

Константинъ схватился за голову. Нѣтъ, довольно, довольно. Все это надо кончить. Или онъ сойдетъ съ ума. Но что имъ сказать, что? Сказать, что они призраки? Нѣтъ, нѣтъ, развѣ призракъ Алиса? О, какъ жизненны, какъ чудно теплы ея руки? Но какъ же быть? Ахъ, къ черту эти метафизическія изысканія! Онъ скажетъ имъ прямо все...

Константинъ обратился къ оцепенѣвшимъ гостямъ своимъ:

— Ради Бога, господа, успокойтесь, ради Бога, успокойтесь и выслушайте меня. Увы, все-таки вамъ придется выслушивать вещи нелѣпыя, чудовищныя, но вѣрьте мнѣ. Вѣры, вѣры побольше вѣры! И въ вѣрѣ вы обрѣтете свой относительный покой... Дѣло въ томъ... Ну, какъ бы это начать, — замялся Константинъ.—Ну, вотъ есть такая сказка. Одинъ мальчикъ выпилъ какого-то диковиннаго зелья и заснулъ. Онъ спалъ

лѣтъ 100, и когда проснулся, то его ждали всякія непонятныя ему штуки. Естественно, онъ сошелъ съ ума и умеръ, но объ этомъ ничего не говорится въ сказкѣ... Такъ вотъ что, дорогіе мои гости, пусть это чушь, пусть это идіотская сказка, но вы спали, по меньшей мѣрѣ, лѣтъ 60... Отнеситесь же ко всему происходящему спокойно.

Однако, спокойно къ этому отнеслись не всѣ. Офицеръ, старый вояка, много видѣвшій, вѣрно, ужасовъ въ жизни своей, мысль о снѣ воспринялъ вовсе не спокойно, и сталъ сразу человѣкомъ явно умалишеннымъ. Онъ то хохоталъ старческимъ добродушнымъ смѣхомъ, приговаривая: «И что за притча такая? Ха-ха-ха! И что за притча такая? Эхъ, дѣтушки милые, а гдѣ же моя трубка?», то хмурилъ густыя брови сѣдыя и говорилъ Константину:

— А солдатики-то ваши совсѣмъ... — и шопотомъ доканчивалъ фразу.

Марія, конечно, упала въ обморокъ. Приводили ее въ чувство Владимиръ съ тупымъ выраженіемъ глазъ и прибѣжавшая на крики Маріи Анфиса. Алиса же тихонько сказала Константину:

— Ужели я проспала 60 лѣтъ? А я себя чувствую такой молодой и такъ жить хочу.

Константинъ поклонился ей и отвѣтилъ:

— Я словъ не нахожу, чтобы выразить, сколь вы прелестны.

Отнеся съ Владимиромъ испуганную Марію въ ея комнату и заткнувъ ротъ старика хорошей трубкой, онъ послалъ Алису къ Вадиму, прося ее, какъ можно поосторожнѣе, сообщить все происшедшее, а самъ отправился въ кабинетъ и первый разъ за послѣднія 6—7 лѣтъ глубоко задумался.

Константину вспомнилось, какъ возмущался товарищъ его Науровъ, что въ нѣкоторыхъ идіотскихъ романахъ любовь начинается такъ глупо: какая-нибудь Матильда производитъ на графа Альморали впечатлѣніе «съ перваго же раза».

— Да, «съ перваго же раза», повторяя эту глупую фразу. Ахъ, но можно ли любить призракъ? Впрочемъ, Данте любилъ Беатриче, Аратовъ—Клару. Но вѣдь Данте не галлюцинантъ, и я не сошелъ съ ума, какъ Аратовъ.

А, впрочемъ, рѣшительно все бываетъ, и онъ знаетъ это лучше, чѣмъ кто-либо. Алиса являлась для него не столько женщиной, сколько прелестнымъ призракомъ, воплотившимъ любимую старину. Эта любовь, воспламенѣвшая такъ внезапно, не была неожиданной, однако: презрѣніе къ существующей жизни росло, но въ сердцѣ пламенѣли чувства. Но, желая выяснить поведеніе Даши, онъ нажалъ сонетку.

Пришла заплаканная Даша и бросилась предъ нимъ на колѣни, кривя въ жалобной улыбкѣ свои уста. Константинъ живо ее поднялъ съ колѣнъ и промолвилъ:

— Да, брось, ради Бога, ревѣть. Разскажи-ка лучше мнѣ, что это за ерунду ты кричала, когда мы сидѣли съ барышнею въ галлереѣ?

Даша весьма несвязно говорила о какихъ-то портретахъ въ публичной галлереѣ, о «дурномъ глазѣ», а кончила слезами. Константинъ ничего не понялъ изъ ея рѣчи. Онъ осмотрѣлъ Дашу внимательнѣе, чѣмъ когда-либо. Ея лицо, блѣдное и исхудавшее, напомнило ему лицо его матери, умершей еще очень молодой отъ родовъ. Сходство это не казалось ему знаменательнымъ, вѣрнѣе, онъ не вѣрилъ въ существованіе этого сходства и объяснилъ его лишь своимъ «восхищеннымъ» зрѣніемъ. «Мои глаза видятъ не такъ, какъ всегда», полагалъ Константинъ, вспоминая андерсеновскаго Кая и «Элексиръ Сатаны» Гофмана. Онъ погладилъ Дашу по головѣ и отпустилъ съ миромъ.

Ахъ, въ комнатѣ все попрежнему. Тотъ же коверъ съ вытканными на немъ львами Делякруа, въ углу гипсовый гномъ изъ палисадника, настолько ветхій, что Константинъ не велитъ никому къ нему прикасаться. Но сегодня онъ измѣняетъ своимъ привычкамъ. Онъ подходитъ къ гному и касается его поме-

ранцевой руки. «Ну, затанцуй же, затанцуй! Ты видишь, какъ я радуюсь. Хотя, увы: si je danse, si je pleure ce n'est que pour rire, какъ говорится въ пѣсенкѣ одной. А старикъ сошелъ съ ума. Бѣдняга не вынесъ такой сумятицы. А, въ сущности, старику гораздо легче, чѣмъ ему. Окно, открыть окно! Пусть врывается чистый милый осенній воздухъ въ эти комнаты. Ахъ, куда же дѣвался этотъ несуразый Поликарпъ? Обѣдать, мы имъ устроимъ галантный, чудный обѣдъ. Будутъ ворковать и за столомъ невинные глупые Марія и Владимиръ, будетъ демонизировать Вадимъ, нести безсвязную ахинею старикъ и щурить томные глаза на золотыхъ амуровъ люстры Алиса».

Константинъ вошелъ въ столовую въ сопровожденіи всѣхъ своихъ гостей. Алиса и Даша суетились у консоля, на которомъ стояли закуски.

— Милостивый Государь!—обратился Вадимъ къ Константину,—правда ли, что, подобно Данту сошедшему во адъ, попалъ и я въ жизнь нѣсколько инфернальную.

— Pardon, m-r Вадимъ. Сейчасъ. Садитесь, господа!—отвѣтилъ Константинъ и прибавилъ, обращаясь къ Вадиму:—не инфернальную, а пустую и неинтересную внѣ стѣнъ дома сего. И, если вы хотите, то можете смѣло забыть о томъ, что живете не въ свое время, и я вамъ охотно буду корреспондировать.

Вадимъ промолчалъ и обозрѣвалъ удивляющихся мало знакомымъ имъ яствамъ Марію и Владимира, изрѣдка съ чувствомъ сожалѣнія поглядывая на безумнаго старичка, Алисѣ же сказалъ, выпивая солидной величины бокалъ шабли:

— А васъ не удивляетъ сія кунсткамерная жизнь, милая Алиса?

— Нисколько, mon petit Byron,—отвѣтствовала Алиса,—но не скрою, что все сіе кажется мнѣ сильно занимательнымъ и сказочнымъ, а я такъ люблю сказки!

Поликарпъ, неосвѣдомленный о біографіи гостей, обходилъ флегматично столъ съ огромнымъ серебрянымъ блюдомъ, на ко-

торомъ покоился жирный пахучій гусь съ яблоками. Онъ былъ радъ и доволенъ, что противное одиночество Константина, наконецъ, нарушено, и его очаровывали всѣ гости, а въ особенности этотъ веселый старикъ, который пилъ такъ много и уже началъ пѣть фривольныя пѣсенки, въ родѣ начинающейся такъ:

Пріѣзжали гусарики
Машу щекотали,
Желѣзною сабелькою
Юбку поднимали.

Пѣсенка эта разсмѣшила всѣхъ, но Константинъ шопотомъ попросилъ Дашу не давать старику больше пить.

Душѣ Поликарпа было непонятно лишь то, что курчавый офицеръ и румяная барышня такъ откровенно цѣлуются и милуются.

Вотъ уже подали кофе, ликеры и бисквитъ.

Услышавъ пряный запахъ бенедиктина, старикъ встрепенулся и захныкалъ, какъ маленькій ребенокъ.

— Милые, чудные, мнѣ дайти рюмашечку хоть одну... Мнѣ...

Поликарпъ проворно поставилъ наполненную ароматнымъ напиткомъ рюмку передъ обрадованнымъ старикомъ.

Даша слѣдила все время за Константиномъ. Ее раздражало, что баринъ молчитъ все и глядитъ лишь на Алису, а на прочихъ никакого вниманія не обращаетъ. Вадимъ Дашѣ не нравился. Онъ напоминалъ ей одного офицера изъ кутящей компаніи, съ которой она проводила время въ загородномъ шантанѣ. Офицеръ этомъ былъ угрюмъ и неразговорчивъ и ни на одинъ смѣшливый вопросъ Даши не отвѣчалъ, а когда она нахально сѣла ему на колѣни, онъ ударилъ ее салфеткой пощекѣ...

По предложенію Вадима начались запоздалые тосты.

Первымъ поднялся Константинъ. Его бѣлая рука, держащая бокалъ, дрожала и глаза сіяли, какъ вѣнчальныя свѣчи у Распятія въ углу.

— Боже мой, за здоровье кого же могу поднять я бокалъ,

какъ не за моихъ гостей! Вы пришли ко мнѣ издалека, мои милые, прекрасные гости, радостью и счастьемъ наполнили сердце мое. О, кто бы Вы ни были, призраки ли, дѣйствительно ли существующіе люди, я люблю Васъ, я благословляю Васъ. Да здравствуютъ мои прекрасные гости!

Восторженную рѣчь Константина прервалъ нахмурившійся Вадимъ, который, направивъ взоръ свой на Ecce Homo въ черной рамѣ, промолвилъ.

— Къ чему сіи сентименты, скверно дѣйствующіе на пищевареніе? Ваша радость говоритъ лишь о Вашей молодости. Гости же Ваши рѣшительно не при чемъ, ибо волею судьбы, коварной плясавицы, принесены они сюда и, не знаю, какъ всѣ прочіе, но я нахожу, что чертовски буду скучать въ стѣнахъ этого дворца, ибо не могу сказать, чтобы я любилъ сказки.

Алиса и Марія заволновались, боясь, что между Константиномъ и Вадимомъ произойдетъ ссора, но Константинъ, уже слегка подвыпившій и зарумянившійся, отнесся къ словамъ Вадима со страннымъ благодушіемъ. Онъ заговорилъ въ дружески веселомъ тонѣ о томъ, что афоризмы Вадима ему не новы, что онъ читалъ Лермонтова и увлекался Печоринымъ когда-то, говорилъ онъ и объ элегической разочарованности поэта и говорилъ это такъ просто, улыбаясь и подливая демоническому собесѣднику своему бенедиктина, что Вадимъ замѣтно сконфузился и, въ концѣ концовъ, сталъ самъ сентиментальничать. Разслабленно-пьянымъ голосомъ попросилъ онъ Владимира пропѣть одинъ романсъ, а Константинъ принесъ гитару и живо сымпровизировалъ аккомпанементъ къ сему романсу.

Владимиръ пѣлъ, глядя на размечтавшуюся Марію.

— Марія, милая, взгляни
Заря горитъ и потухаетъ.
Кто знаетъ, Мэри, ахъ, кто знаетъ,
Несчастны иль счастливы дни
До новыхъ зорь насъ ожидаютъ?

Такъ будемъ ждать пурпурныхъ зорь
И нектаръ милыхъ вожделѣній
Мы выпьемъ, чужды сожалѣній,
До новыхъ зорь, пурпурныхъ зорь...

Романсъ былъ пропѣтъ чудесно, и все было бы хорошо, и осеннія розы въ паркѣ, и багровая заря, если бы не выходка безумнаго старика. Промычавъ въ униссонъ съ Владимиромъ мотивъ романса, онъ вдругъ началъ прежнее:

Пріѣхали гусарики
Машу щекотали,
Острою сабелькою
Юбку поднимали.

Далѣе произошли событія мало примѣчательныя и послѣ чая, послѣ полонеза, исполненнаго Константиномъ на рояли, всѣ отправились спать.

VII.

Тянулись дни милаго бабьяго лѣта.

Вокругъ дворца было безлюдно и спокойно, а въ паркѣ въ Павильонѣ Зачарованнаго Любовника лежалъ на столикѣ все тотъ же забытый альбомъ. Въ запущенныхъ клумбахъ сверкали анютины глазки, прелестные желто-синіе глаза и длинныя зеленыя ихъ рѣсницы. Червонцы разсыпали недвижныя деревья на дорожки парка, и гіацинтовые волосы Константина покрыли червонцы. Онъ отдался всецѣло нахлынувшему настроенію, странному сплетенію мотивовъ пушкинской осени и бодлеровской «Осенней пѣсни».

И, рисуя образъ бодлеровской женщины съ ея чудными бѣлыми колѣнями, онъ думалъ, что Алиса и должна быть этой женщиной съ зелеными глазами.

Эти три-четыре дня послѣ жестокихъ событій протекали спокойно необыкновенно. И Константину все это очень нрави-

лось. Хотѣлось отдыха. Увы, энергическія бунтующія переживанія онъ отдавалъ въ удѣлъ футболистамъ и биржевымъ игрокамъ, свои же чувства погружалъ онъ въ сладостную покойную лѣнь.

Но Даша вела себя послѣднее время не такъ, какъ бы это Константину желалось.

Прежде всего она два раза куда-то отлучалась изъ дворца, возвращалась поздно и съ узелкомъ въ рукахъ. Ему неизвѣстно было, что находилось въ узелкахъ этихъ, но онъ скоро узналъ: она перемѣнила свой костюмъ. Вмѣсто грубыхъ тканей, она одѣлась въ лиловое и, что было удивительно, со вкусомъ сдѣланное, платье, отдѣланное бѣлыми кружевами, сорта, впрочемъ, неважнаго. Лиловый цвѣтъ костюма ея и бѣлыя кружева поразили Константина, ибо и у Алисы платье было сиреневое и отдѣлано кружевами. Сегодня же, проходя поздно ночью черезъ столовую, увидѣлъ онъ Дашу на колѣняхъ у иконы. Онъ обратился къ ней, сконфуженный, что помѣшалъ ей молиться.

— Что ты такъ поздно здѣсь?

Но Даша не отвѣтила ни слова.

Вѣнчальныя свѣчи горѣли у Распятья и пахло ароматнымъ масломъ (Константинъ не любилъ запаха обыкновеннаго лампаднаго масла). И было чудовищно странно, что въ глазахъ колѣнопреклоненной Даши свѣтилась еще ярче безумная ревнивая страсть.

Константинъ вздрогнулъ...

Когда пять лѣтъ назадъ онъ былъ идіотически влюбленъ въ итальянку Равинетти, ему нравилось передъ тѣмъ, какъ отправиться въ ея пахнущій одеколономъ номеръ гостиницы, глядѣть на себя въ зеркало. Блѣдное лицо, хранящее слѣды недавнихъ извращенныхъ утѣхъ любви, глядѣло на него изъ таинственнаго овала зеркала. Въ глазахъ свѣтилась страсть. Ахъ, какъ похожи они на Дашины... Онъ присѣлъ подлѣ Даши и потомъ ироническимъ голосомъ сказалъ.

— Ну, полно... Въ моемъ присутствіи неумно стоять на колѣняхъ. И къ тому же уже поздно. Иди, пожалуйста, спать!

Даша вскочила и нахмурилась.

— А Вы, Константинъ Аѳанасьевичъ, вѣрно идете снова къ барышнѣ наверхъ, какъ и вчера... — сказала она, ревниво усмѣхаясь

— Ты, что же, шпіонишь за мной, что ли?—спросилъ Константинъ сердито.

Тогда Даша заплакала и призналась, что вчера она стояла подлѣ дверей барышниной комнаты, подслушивала все и рыдала.

Константина, однако, это не сердило болѣе.

Ахъ, вѣдь видѣли же все и слышали все прекрасные добродушные пенаты; и двери разсказали окнамъ, а окна милому парку объ экстравагатной ночи любви. И не была ли и эта, быть можетъ, призрачная женщина однимъ изъ пенатовъ, ставшаго сказочнымъ дворца? Во всякомъ случаѣ, вчера событіе произошло чрезвычайно неожиданное.

Предоставивъ Маріи и Владимиру наслаждаться ихъ любовью, Вадима ошеломивъ томомъ прекраснаго Апухтина (надо сказать, что Вадиму стихи очень понравились, въ особенности же о черныхъ мысляхъ) и посмотрѣвъ, не окончательно ли сошелъ съ ума старикъ, Константинъ отправился къ Алисѣ наверхъ.

Алиса чего-то цѣлый день не показывалась, а обѣдъ просила Анфису подать въ ея горницу.

Константинъ разбирался въ своихъ мысляхъ. Увы, влюбленный стократъ въ Манонъ Леско, бернджонсову Маргретъ и въ героинь Декамерона, Константинъ послѣдніе годы, насилуя и терзая себя всячески, старался пережить всамдѣлишную влюбленность. Современныя женщины его раздражали. Пейзанки казались ему донельзя грязными, и утѣшать сердце пасторалью ему не пришлось, ибо вѣдь и у Буше это не пейзанки. Отъ нечистоплотныхъ по природѣ своей женщинъ онъ требовалъ осо-

бой чистоты. Его познакомили на балу у Олегиныхъ съ Нелли Беръ, очаровательной и красивой женщиной. Одно мгновеніе она ему нравилась, но увидѣвъ на рукѣ, чуть выше кисти, еле замѣтное пятнышко, онъ нашелъ ее до обыденности отвратительной. Ему было непонятно органически, какъ могли нѣкоторые его знакомые, люди отнюдь не безвкусные и нерѣдко эксцентрическія натуры, увлекаться и даже затѣвать продолжительную связь съ гнусной и скверной расой, именуемой демимонденками. Еще противнѣе казались ему принципіальныя разсужденія нѣкоторыхъ «наивныхъ черепахъ» о какомъ-либо возрожденіи этихъ тварей.

— «Онѣ не возвращаются никогда» — вспоминалъ онъ фразу Безсонова много разъ и былъ увѣренъ болѣе, чѣмъ въ существованіи своемъ Декартъ, что ихъ Standard of Life — это стать хозяйкой публичнаго дома или тупой и сытой содержанкой какого-нибудь идіота.

И вотъ, направляясь сейчасъ къ Алисѣ, которой Рокъ предписалъ быть его возлюбленной, размышлялъ онъ, что, собственно говоря, съ нимъ? Ахъ, онъ влюбленъ, и къ чорту разсужденія! Она была вчера въ сиреневой вуали въ паркѣ. О, эти поцѣлуи! «O, les premiers baisers à travers la voilette». И можетъ быть потому, что Алиса была призрачна, она казалась ему чистой въ самомъ прямомъ смыслѣ, ибо объ иномъ скучно и неинтересно было думать: были порочны ея уста и извращенная нѣга таилась въ гибкихъ, бѣлыхъ, слишкомъ бѣлыхъ рукахъ.

Постучавъ въ дверь, Константинъ вошелъ къ Алисѣ.

Полураздѣтая лежала она на диванѣ и поглядѣла на Константина привѣтливо.

— Я принесъ Вамъ бѣлыхъ лилій,
Бѣлыхъ лилій и вѣтвей,
Съ ними Вамъ принесъ я сердце
Лилій дѣвственныхъ нѣжнѣй,—

шепнулъ Константинъ. А уже черезъ нѣсколько минутъ онъ

покрывалъ поцѣлуями ея ноги. Онѣ пахли мускусомъ и фіалками.

— Tiens — думалъ онъ, въ то время, какъ Алиса гладила рукой его волосы. — Вѣдь на кладбищѣ пахнетъ мускусомъ, и фіалками несетъ отъ истеричекъ... Ахъ, къ чорту, къ чорту эту проклятую современную разсудочность.

— Прости меня, Алиса,—сказалъ Константинъ—я оскорбилъ тебя жестоко въ мысляхъ. И если я умру, ты помни, что я оскорбилъ тебя, и не пролей ни одной слезы.

— Аладинъ мой грустный извѣки—улыбалась Алиса—увѣрена, что въ мысляхъ оскорбилъ ты не меня, а себя. Ну, къ чему же философія эта? Цѣлуй меня, мучай, балуй меня.

И отъ поцѣлуевъ Константина порозовѣли ея ноги, ея «милыя порочныя ноги».

Отдаваясь, она шептала ему безпрестанно.

— Любишь ли? Любишь ли? Аладинъ мой прекрасный, Аладинъ мой грустный извѣки!..

Это было вчера... Константинъ проснулся сегодня часовъ въ 12 и почувствовалъ скуку и отвращеніе, какъ и всегда, но, вспомнивъ обаяніе прошедшей ночи, вспомнивъ запахъ, дурманящій запахъ мускуса, восковыя, да, да, восковыя, но странно теплыя и струящія ароматъ, а не потныя и глупыя, ноги Алисы, ея земляничныя губы и сладостно порочныя руки ея, онъ кинулся бѣгомъ въ садъ, перецѣловалъ всѣ изжаленныя ранними утренниками розы и лиліи, и первый разъ за эти 5, 6 лѣтъ, зашелъ въ павильонъ Зачарованнаго Любовника. Въ этомъ павильонѣ застрѣлился его дядя, лѣтъ пять тому назадъ и, конечно, изъ-за женщины, изъ-за обыкновенной тупой женщины. Необыкновенное запустѣніе было внутри. Бархатъ овальнаго дивана выцвѣлъ и прогнилъ, воробьи оставили послѣ себя мало приличный слѣдъ, а у столика кто-то сломалъ ножку, и онъ накренился на бокъ, словно пытаясь сбросить съ себя тяжесть небольшого грязнаго открытаго альбома. Сгорая

отъ любопытства, Константинъ прочелъ на первой страницѣ стихи, написанныя тонкимъ почеркомъ дяди. За стихами шелъ дневникъ дяди, въ которомъ говорилось о какомъ-то незаконнорожденномъ ребенкѣ, о какомъ-то преступленіи передъ милымъ грустнымъ ребенкомъ.

Бережно взялъ Константинъ этотъ грязный альбомъ и, негодуя на свою глупую нелюбовь къ павильону Зачарованнаго Любовника, пошелъ въ аппартаменты, а послѣ обѣда со всей компаніей гостей, кромѣ Алисы, углубился въ чтеніе дядиныхъ сентенцій и мемуаровъ, изрѣдка вздрагивая отъ чудившагося запаха мускуса и фіалокъ. Чтеніе его прервалъ приходъ Вадима.

— Константинъ Аѳанасьевичъ, обратился къ нему Вадимъ,— Вѣрьте мнѣ, чудятся мнѣ васильки всюду, куда ни гляну? о, милый Апухтинъ! Онъ и печаль и ужасъ!

Константинъ успокоилъ Вадима, сказавъ, что никакъ не ожидалъ отъ него такой чувствительности, и чтобы развлечь его немного, продекламировалъ ему два три стихотворенія Козьмы Пруткова. И потому ли, что маститый Кузьма былъ тоже призракомъ, но стихи эти Вадима разсмѣшили.

Рѣшивъ отъ Вадима отвязаться, ибо уже наступалъ вечеръ, и его тянуло къ Алисѣ страшно, далъ онъ ему совѣтъ отыскать и прочитать «Трёхъ мушкетеровъ» Дюма. Ночью обрызгавъ себя всего Floramye и надѣвъ на себя легкій бѣлый костюмъ, отправился онъ къ Алисѣ, а, проходя черезъ столовую, увидѣлъ Дашу на колѣняхъ стоящую, о чемъ уже ранѣе было сказано.

— Однако, Даша, чѣмъ ты, собственно говоря, антиресуешься, какъ говоритъ Сашка, мой другъ,—сказалъ Константинъ весело.

Но такъ какъ въ отвѣтъ на это снова закапали наскучившія слёзы, Константинъ махнулъ рукою и, оставивъ Дашу у пламени мерцающихъ свѣчъ, блѣдныхъ, какъ робкая невѣста, онъ отправился на rendez -vous съ Алисой. Въ глу-

бинѣ корридора, наверху, увидѣлъ онъ фигуру съ лампіономъ въ рукѣ и тотчасъ же призналъ въ ней Алису. Въ немъ заговорила давно уснувшая ревность, и онъ готовъ былъ кинуться за ней, но руки его печально опустились, глаза потускнѣли и онъ пробормоталъ безнадежно.

— Ахъ, стоитъ ли? подожду и высмотрю.

Алиса, въ одной рубашкѣ, съ лицомъ, жаждущихъ ласкъ безумныхъ, постучала въ дверь комнаты Вадима. Дверь открывается. Алиса бросается на шею Вадима, и снова закрывается тяжелая дубовая дверь.

— И такъ, finita... мимолетная любовь лопнула, какъ самый скверный пузырь; призракъ оказался самой обыденной, нимфоманически настроенной женщиной.

Холодное отчаяніе овладѣло Константиномъ.

— Идіотъ, идіотъ,—шепталъ онъ себѣ, кусая ногти.—Зачѣмъ ты затѣялъ всю эту чушь?—И ему захотѣлось взять метлу и вышвырнуть изъ спокойнаго до сихъ поръ дворца своего старикашку и двѣ парочки «зачарованныхъ любовниковъ».

Несмотря на то, что всѣ перипетіи этой трагикомедіи начались съ тѣхъ поръ, какъ появилась Даша, онъ не чувствовалъ къ ней ни капли злобы, наоборотъ, его влекло къ ней что-то милое и родное.

Случившаяся измѣна Алисы, безуміе старика и растерянность психопатическаго Вадима казались ему возмездіемъ.

— Мерзавецъ, мерзавецъ! Такъ много было крови, а ты валялъ дурака съ розами и кокеткой прошлаго вѣка!

Мысли били его по лицу, пощечина сыпалась за пощечиной. Благородное лицо Фукье Тенвиля предстало передъ нимъ, его кровавыя губы раскрываются, и въ лицо Константина летитъ плевокъ... И предъ нимъ проходили, какъ въ банальной картинѣ передъ художникомъ, видѣнія прошлаго. Его ресторанная жизнь, его связи, его трусость, да, трусость, ибо одиночество, не есть ли это признаніе своей слабости?

— Подумаешь, анахронистъ, демонистъ—думалъ онъ, брезгливо усмѣхаясь,—и только одно воспоминаніе свѣжо и божественно. Оно вѣнокъ неувядаемый. Это все его дѣтство. Ахъ ужели же это только въ дорогихъ, всегда дорогихъ сердцу романахъ бываетъ такъ, что жизнь — трагедія. О хотя бы! хоть разъ, хоть разъ! Нѣтъ, онъ не ломалъ, онъ не взрывалъ, а тѣмъ болѣе и не строилъ. Онъ не незаконный сынъ, какъ Достоевскаго Долгоруковъ, онъ не безумный Перъ ибсеновскій, кстати, единственный не раздражающій герой Ибсена, онъ не Артуръ изъ великаго произведенія Войничъ, предъ которымъ «прошли всѣ волны и бури». Онъ паршивецъ, самый безынтересный русскій дуракъ... О, скорѣе, скорѣе, прочь отсюда. Ото всѣхъ со всею его дворнею купно. Пусть эта идіотически фантастическая комедія разыграется безъ него, онъ не актеръ и терпѣть не можетъ актеровъ. Какъ они безынтересны, какъ они отвратительны. У всѣхъ у нихъ женственныя лица сутенеровъ и женственныя тѣлодвиженія половыхъ преступниковъ. Скоты! Здороваясь съ женщиною, они задерживаютъ ея руку въ своей рукѣ дольше, чѣмъ это дѣлаютъ даже пьяные, и бросаютъ на нихъ, отдающій уборной и парикмахерской, скверный «мутно-нѣжный взглядъ». О, нѣтъ, онъ не актеръ и изо всей этой породы не ненавидитъ лишь одного Нерона.

Но черезъ полчаса апатія навалилась на него, выражаясь по Бодлэру, съ тяжестью 20-ти атмосферъ. Онъ еле добрелъ до своей кровати и заснулъ самымъ обыкновеннымъ спокойнымъ сномъ.

VIII.

Константинъ твердо рѣшилъ не показываться къ своимъ гостямъ, а вечеромъ и просто отъ нихъ уѣхать. Какъ герой мопассановскаго Hors-là, бѣжалъ онъ отъ своихъ недавно милыхъ гостей. Но желанію послѣднему осуществиться не удалось. Часамъ

къ 12 въ его комнату пришелъ Поликарпъ, событія послѣднихъ дней которому наскучили не менѣе, чѣмъ барину, и сказалъ, что явился сторожъ Публичной Галлереи по дѣлу весьма важному и, что увидѣвъ его, Даша заперлась въ уборной и заплакала.

Видя въ этомъ ауспиціи свойства самаго неблагопріятнаго, Константинъ приказалъ ввести къ себѣ сторожа.

Вошедшій былъ, съ перваго же взгляда Константина, несомнѣннымъ porte malheur'омъ.

Маленькіе прожигающіе глаза глядѣли то на Константина, то на причудницъ въ костюмахъ тріанонскихъ пастушекъ въ бронзовой рамѣ.

— Что угодно?—спросилъ Константинъ.

Семенъ, теребя въ рукахъ шапку, отвѣтилъ, конфузясь.

— Дѣло, Ваше Сіятельство, щекотливое. И не домашнее отнюдь.

Константинъ великолѣпно зналъ о цѣли его прихода и промолвилъ:

— А, что за чушь? Насчетъ картины, ладно! сколько?

Но Семенъ все такъ же смущенно теребилъ шапку и повторялъ.

— Не только въ смыслѣ картины. Дѣло, Ваше Сіятельство, семейное. И желалъ бы имѣть бесѣду внѣ дома.

Константинъ, которому чертовски надоѣли всѣ недавнія тайны и сказки, настаивалъ на разговорѣ здѣсь, въ сей комнатѣ, но Семенъ упорствовалъ, и упорство это, сколь оно Константина ни раздражало, показалось послѣднему à la fin des fins значительнымъ. Они стали сговариваться о мѣстѣ свиданія. Всѣ рестораціи (Константинъ другихъ мѣстъ свиданія не зналъ) были закрыты по случаю тревожныхъ дней, и это усложняло дѣло. Константинъ задумался.

— Ахъ, да!—вспомнилъ, онъ—Приходите часамъ къ 10 вечера въ Литературный Клубъ и вызовите графа Волковисскаго. Знаете, гдѣ это?

Семенъ поклонился и вышелъ.

Затѣмъ потекли событія такъ, какъ будто бы ничего не произошло. Константинъ пилъ кофе, читалъ книги, занялся manicur'омъ.

Передъ обѣдомъ онъ читалъ «Записки вдовца» Верлэна и жалѣлъ, «что у него нѣть дочери». О гостяхъ своихъ онъ никого не разспрашивалъ, и только прибѣжавшая съ воплями и мольбою «не прогонять» Даша сказала, что всѣ почему-то заперлись по своимъ горницамъ и никого, кромѣ старика, распѣвающаго пѣсни, не слышно.

Вечеромъ Константинъ одѣлся понаряднѣе, сказалъ Поликарпу, чтобы тотъ извинился передъ гостями: онъ ужинать дома не будетъ. Поликарпъ замѣтилъ, загадочно усмѣхнувшись, что гости сегодня, вѣрно, ужинать не будутъ, ибо за обѣдомъ они ѣли мало и вообще выглядѣли скучно.

Константинъ вошелъ въ переднюю Литературнаго Клуба. Швейцары его узнали и спрашивали одинъ за другимъ.

— Ваше Сіятельство... Отчего долго у насъ не были? А теперь въ такое время пришли... Вѣдь публики нѣтъ совсѣмъ.

Константинъ спросилъ швейцара, свободна ли ложа въ глубинѣ большого зала, и получивъ отвѣтъ утвердительный, сказалъ, что если придетъ нѣкій Семенъ, такъ чтобы швейцаръ тайкомъ проводилъ его къ нему.

— Боже мой! Здѣсь все попрежнему.

А вѣдь, здѣсь, здѣсь онъ ткнулся головою объ стѣну.

Пріѣхавъ изъ провинціальнаго городка, онъ попалъ сюда однажды. Предъ нимъ били фонтаны литературной славы, говорилось такъ много, такъ много было дерзкихъ улыбокъ, затѣйливыхъ костюмовъ казавшихся обаятельными дамъ и, въ концѣ концовъ, такъ много амикошонства, мелкой зависти и сквернаго неумнаго разврата.

Сейчасъ въ залѣ никого почти не было.

Вдалекѣ за столикомъ сидѣли Михѣевъ, Арбалетовъ и Кортикъ съ двумя дамами. Константинъ ихъ отлично зналъ: два поэта и беллетристъ.

Константинъ скрылъ лицо свое за зеленой бархатной портьерою и разсматривалъ давно знакомыя, давно презрѣнныя лица. Впрочемъ, Михѣевъ ему, въ глубинѣ души, не былъ противенъ. Это былъ маленькій лысый человѣчекъ, напоминающій какой-то кинематографическій персонажъ, съ постояннымъ матернымъ ругательствомъ на устахъ, женоненавистникъ, недурной поэтъ, а главное очень скромный въ своихъ поэтическихъ экскурсахъ. У Арбалетова было замѣчательное лицо, гдѣ глаза волка соединились съ милой улыбкой дѣвочки. Онъ былъ морфинистомъ, а злые шутники увѣряли, что онъ вспрыскиваетъ шприцъ-правацемъ воду.

Кортикъ былъ просто глупый человѣкъ, но такъ какъ онъ былъ зятемъ Михѣева, то его стихи печатали, хотя иногда и отказывали за неимѣніемъ мѣста.

Они всѣ сейчасъ сидѣли, нарушая непріятную тишину раззолоченнаго до ненужности зала, бесѣдуя о революціи, объ анархизмѣ, о какихъ-то новыхъ, невѣдомыхъ Константину, герояхъ, пили здоровье «товарищей».

Константинъ мало понималъ ихъ восторги, слово же «товарищъ» отнюдь не показалось ему красивымъ.

Константинъ раскрылъ окно. Вечеръ не по осеннему былъ теплымъ. Умирающія липы тянули къ лицу Константина свои изогнутыя руки, разубранныя въ убогій багрянецъ, и милы были сегодня верлэновскіе георгины, жадно берегущіе лепестки и ожидающіе видѣть еще разъ, еще одинъ только часъ ихъ крестную мать и мать-прародительницу — Солнце. Эти липы и георгины примиряли Константина съ жизнью, — ахъ, одни лишь они,—не странно ль? Окутанный золотою паутинкой бабьяго лѣта, онъ сидѣлъ въ полузабытьи.

— Чикъ-чирикъ! Заравствуйте, здравствуйте — зашумѣли воробьи — А мы были на могилѣ Торвальдсена, гдѣ цвѣтутъ розы и принесли Вамъ мысль о смерти. Вы ее боитесь или нѣтъ?

Ахъ, да не смерть, не смерть. «Драгая Делія» приходитъ въ прозрачномъ платьѣ. Ужель она?

— Аладинъ, мой грустный—отвѣчаетъ Алиса его мысли.

— Ахъ, прочь! Я думаю, измѣна призрака жесточе измѣны простой женщины,—мыслитъ Константинъ.

Липы вздрогнули и покрыли кровью песокъ и георгины.

Вдали на площади затопалъ Конь, и попадали люди. Арбалетовъ и его компанія встаютъ и подходятъ къ Константину съ бокалами.

— Ваше здоровье, товарищъ Константинъ! Ваше здоровье, стриндбергіанецъ! Хо-ха-ха!

И изъ яркихъ устъ Михѣева вылетаютъ по адресу Константина матерныя слова на всѣхъ языкахъ, даже на венгерскомъ.

Съ потолка падаетъ золоченая люстра и пугаетъ зашумѣвшую компанію. Какъ deux ex machina снисходитъ Леила, прекрасная Леила.

— Я тѣнь зову, я жду Леилы, и вотъ она пришла, выпрыгнула изъ милой старой книжки. Да, да, если у колѣнъ чьихъ и склониться, такъ развѣ у твоихъ, божественная, милая!..

Вошелъ лакей, а сзади него шелъ, спотыкаясь, Семенъ, одѣтый, впрочемъ, довольно прилично. Константинъ встрепенулся, предложилъ Семену присѣсть и заказалъ ужинъ съ водкой и бутылку медока.

Семенъ началъ длинный и странный разсказъ.

— Десять лѣтъ, Ваше сіятельство, на исповѣди я не былъ. А теперь исповѣдаюсь Вамъ, какъ предъ попомъ. Замучили меня проклятые портреты!—Онъ продолжалъ, не глядя на вздрогнувшаго Константина.—Дѣло главное не въ портретахъ, объ этомъ скажу впослѣдствіи. А сначала о грѣхѣ. А, можетъ быть, это не грѣхъ вовсе. И лучше, что такъ — продолжалъ бредить Семенъ, выпивая третью рюмку англійской горькой,—не понимаете? Сейчасъ объясненіе послѣдуетъ. Много лѣтъ назадъ ко мнѣ пріѣхала моя сестра изъ Бирилева... Чего дрожите, Ваше Сіятель-

ство? Имѣніе дяди Вашего Адріана! Пріѣхала съ ней дѣвочка для опредѣленія въ какой-то сиротскій институтъ, а я никуда не опредѣлилъ. Деньги отъ господина Рыковскаго получалъ, да онъ умеръ теперь... А она, проклятая, занялась блудомъ... И я ее продавалъ.

Семенъ внезапно отупѣлъ, глаза помутнѣли и носъ какъ-то вытянулся.

Константинъ слушалъ, онъ былъ весь слухъ.

— Ха-ха—говорилъ Семенъ далѣе,—или притворяетесь, Ваше Сіятельство, что не понимаете. Дашка, что живетъ у Васъ, Ваша двоюродная сестричка, кузена, какъ у Васъ, говорятъ.

Теперь пришла очередь и Константину быть ошеломленнымъ. Онъ вылилъ вино на скатерть нечаянно и вѣки его сомкнулись...

— Кузина! Кузина... Боже мой! Вотъ вино, которое я вылилъ, въ немъ вся моя прошлая грѣховность. И вотъ я преломляю хлѣбъ, ибо я не смѣлъ ѣсть его. Восемнадцать лѣтъ она была такъ недалеко, такъ близко. Блѣдная дѣвочка съ кропечными руками, липкими отъ конфетъ. Всю жизнь свою ей, все для нея, какъ называется одинъ старинный вальсъ... Нѣтъ, нѣтъ! «Онѣ не возвращаются никогда». И она снова станетъ современной скучной Лаисой. А эти призраки, призраки?.. Кошмаръ!— и онъ обратился къ Семену на «ты»:

— А что же скажешь ты, несчастный, о портретахъ?

— Жить не даютъ—отвѣчалъ Семенъ сумрачно и опустивъ голову на грудь.—Висѣлъ у насъ портретъ двухъ родственниковъ Вашихъ—я укралъ, вините меня. Былъ портретъ офицера и двухъ барышенъ, ушли изъ рамы днемъ. А я, Ваше Сіятельство, жить не могу. Изъ галлереи гнать хотѣли... Ну, я взялъ и на Васъ донесъ.

— На меня, несчастный идіотъ? Кому?—закричалъ Константинъ, схвативъ его за шиворотъ.

— На Васъ!—забормоталъ, хрипя, Семенъ и забился въ пья-

ной истерикѣ. Прибѣжали испуганные лакеи и опьянѣвшіе литераторы. Арбалетовъ, узнавъ Константина, кинулся къ нему, протягивая руки:

— Графъ... Какъ давно... Что здѣсь произошло?

Константинъ холодно поклонился, бросилъ на столъ до смѣшного крупную ассигнацію, и исчезъ, не объяснивъ никому ничего.

Какое жаркое, не по осеннему жаркое утро! Ахъ, на колѣни! На колѣни всѣ—фарфоровыя лэди, гипсовые гномы и ты, глиняный Донъ-Жуанъ со сломанной шпагою.

Да исправится молитва моя,
Яко кадило предъ тобою...
Воздѣяніе руку моею
Жертва...

Утренняя жертва безумца!—О, что сдѣлалъ ты, безумецъ, съ юностью краткою! Какъ сладко пробужденіе въ такое утро. И сегодня солнце не похоже на старую бабушку въ сѣткѣ изъ золотыхъ паутинокъ. Розовые амуры открыли занавѣсъ. Сначала пролетѣла надъ міромъ дорогая Аврора, звеня мѣдными тарелками. Но вотъ и возсталъ Великій Геліосъ, и амуры шалятъ у фонтановъ, нѣжась и изнемогая. Въ комнатѣ пахнетъ ароматнымъ мыломъ, и въ открытое окно осмѣлились розы, недавно, увы, такія униженныя, послать свой привѣтъ. А Даша еще, вѣрно, спитъ, и ей снится ея грѣшная мать и загадочный музыкантъ изъ Женевы. Онъ ее разбудитъ тихонько, скажетъ нѣсколько словъ Поликарпу, а ей ни словечка. Шумный звѣрь-локомотивъ умчитъ ихъ отсюда. И они поѣдутъ въ Женеву. Кто знаетъ, можетъ быть, легко вернуть назадъ всѣ умчавшіяся минуты, и вся ушедшая ея жизнь была колесомъ, которое повернется назадъ, желанное Wiederkehr! Они уѣдутъ сегодня же прочь отсюда, отъ разлагающихся труповъ! Ахъ, много страда-

ній, много печали, и такъ мало любви. Онъ отдастъ ей оскверненные лепестки своей жизни. Еще вчера онъ жалѣлъ, что у него нѣтъ дочери... И онъ снова вспомнилъ Верлэна и воображаемый портретъ его милой дочери. Сейчасъ, сейчасъ... Еще одна минута, одинъ часъ прежней жизни. Константинъ высунулся въ окно. Подъ окровавленными деревьями сервированъ кофе. Двѣ парочки и безумный старикъ о чемъ-то весело болтаютъ и въ душахъ ихъ пѣснь утру. Ладно, ладно, но сегодня онъ уѣдетъ и оставитъ ихъ однихъ...

О, Боже, какъ радостенъ свѣтъ утра, какъ радостенъ свѣтъ свѣчей предъ твоимъ Чертогомъ. «Чертогъ Твой вижду, Спасе мой, украшенный, но одежды не имамъ». Нѣтъ! Нѣтъ! Но онъ изъ чудныхъ золотыхъ паутинокъ соткетъ платье для Даши.

Она стоитъ на колѣняхъ и протягиваетъ къ нему свои цѣлованныя много и грязно руки. Ахъ, все это фатальная трилогія. Кошмарный адъ—Семенъ, ея паденіе, вся ея жизнь. И онъ будетъ ея вожатымъ. Онъ поведетъ ея въ Чистилище Счастливое, онъ вырветъ ее отсюда... О, милые ангелы Рая съ голубыми розами въ рукахъ...

Константинъ вдругъ насторожился.

На востокѣ заалѣла заря и вынырнулъ, потряхивая гривой бѣлой, легендарный конь, неся на себѣ огненнаго всадника...

— Ужели гроза?—подумалъ Константинъ,—быть не можетъ.

Но его недоумѣніе быстро разрѣшилось. Скрипнули ворота, и въ паркѣ появился полицейскій офицеръ въ сопровожденіи безусаго армейца и нѣсколькихъ городовыхъ и солдатъ.

Константинъ не слыхалъ, о чемъ они говорятъ, но видѣлъ испуганныя лица дѣвъ и нахмурившіяся—Вадима и Владимира. Онъ услыхалъ лишь два слова «картина» и «обыскъ», но чувствуя, что сейчасъ случится что-нибудь ужасное, онъ взялъ и быстро спряталъ въ карманъ браунингъ. Онъ бѣгомъ побѣжалъ внизъ, сбивъ съ ногъ Поликарпа, несущаго бисквиты. Приближаясь, онъ слышалъ визгъ и ругань.

— Къ черту или я буду стрѣлять!—кричалъ Вадимъ, и вслѣдъ за этимъ раздались выстрѣлы.

Косматый блѣдный конь заметался по парку, топча и сжигая милыя осеннія розы.

— Перестаньте! Перестаньте!—кричалъ Константинъ, но видя, что какой-то солдатъ цѣлится въ него, онъ отскочилъ въ сторону и выхватилъ браунингъ изъ кармана...

Вся пошлость, вся мерзость жизни, ужасы войны и смертной казни, придавили его мозгъ тяжелой гирей. Глаза застлалъ туманъ. Золотой свѣтящейся ниткой промелькнула мысль: «Даша»...

Константинъ, не отдавая отчета ни въ чемъ и уже не видя своихъ призраковъ гостей, цѣлился въ мундиръ офицера, не взглянувъ въ лицо его.

Въ этомъ мундирѣ онъ видѣлъ причину всей гадости и скуки.

— Опять ты здѣсь, дьяволъ? Будь же проклятъ, растерзанъ!—и онъ выстрѣлилъ разъ, другой...

Огненный всадникъ махнулъ мечомъ, и, воскликнувъ «Даша, о милая моя сестра!» Константинъ палъ убитымъ.

А она, рыдая, билась у ногъ его, и уста ея поблѣднѣвшія касались стократъ кроваваго песка...

Офицеры чувствовали себя весьма сконфуженными.

На дорожкѣ лежали убитый графъ Волковисскій и рыдающая дама подлѣ него.

Никакихъ «военныхъ», никакихъ иныхъ дамъ не было вовсе.

И, увидя все случившееся, разметалъ волосы свои по небу Илія, и старческія горькія слезы оросили землю.

БОРИСЪ САДОВСКОЙ.

ИГОРЕВЪ СОКОЛЬНИКЪ.

РАЗСКАЗЪ.

I.

Вступилъ Игорь князь въ золотое стремя и поѣхалъ по чистому полю. Солнце ему тьмой заступило путь. Поднялъ Игорь взоры къ небесамъ и видитъ: черной тѣнью покрылась его дружина.

— Братья,—воскликнулъ Игорь:—лучше изрублену быть, чѣмъ томиться въ чужой неволѣ! Хочу я копье изломить вь половецкой степи, шеломомъ напиться Дону.

— Недоброе, княже, вѣщаетъ солнце,—молвилъ Волосожаръ, жезлоносецъ и пестунъ князя.

Князь Игорь былъ статенъ и молодъ, съ черной бородой, съ соколиными очами и носомъ. Задумавшись или въ гнѣвѣ, хмурилъ онъ низкій лобъ, и тогда межъ сдвинутыхъ узко стрѣльчатыхъ бровей его будто звѣзда лучилась. Бѣлый горбоносый конь выступалъ подъ нимъ плавно, какъ бѣлый лебедь; пѣнилъ узорныя удила, колотилъ среброкованнымъ копытомъ, заливался свирѣльнымъ ржаньемъ. На княжьемъ сѣдлѣ арчакъ и высокія кленовыя луки оправлены были въ серебро и украшены волоченымъ златомъ; чепракъ атласный лазоревый, въ яхонтовыхъ искрахъ, стлался низко, шурша по травѣ наборомъ кистей и бляхъ. Сверхъ чешуйчатой, изъ каленыхъ колецъ, кольчуги, съ лѣваго плеча у Игоря спускалось синее, на маковой подкладкѣ, княжое корзно; ожерелье бурмицкихъ зеренъ обвивало загорѣлую шею.

Конь-о-конь съ Игоремъ, стремя въ стремя, торопилъ черногриваго жеребца Буй-туръ Всеволодъ, стольный князь Курскій. Его латинскій шеломъ, раскалясь на солнцѣ, посвѣчивалъ золотымъ вѣнцомъ; нетерпѣливо обводилъ Всеволодъ степныя дали орлинымъ взоромъ, и то вытаскивалъ, то вновь опускалъ въ червчатыя ножны харалужный мечъ. Надъ князьями багрянымъ облакомъ рѣялъ широкій стягъ. Везли его двое сѣдыхъ дружинниковъ; за ними на-рысяхъ поспѣвали княжичъ Владиміръ и старый Волосожаръ.

Поодаль стройными легкими рядами верховые дружинники скакали рѣзво. Тотъ щеголялъ тонко-скованной изъ мелкихъ колецъ рубашкой; на томъ зеркалился мѣдный колонтарь изъ прорѣзныхъ досокъ; на иномъ чернѣла смоленая лыковая бронь; тотъ закрывался съ головой краснымъ огромнымъ щитомъ изъ дубленой кожи. У иныхъ кметей въ торока ввязаны были гусли, свирѣли, домры. Кони ржали, бряцали мечи, щиты, кинжалы и полумѣсяцы копій; искрились шлемы; звучали пѣсни и смѣхъ.

Пестрымъ вокругъ океаномъ, необозримымъ цвѣтистымъ моремъ лилась-разливалась степная ширь, и шумѣли кони, волнуя грудью траву. Качались на стебляхъ глаза-цвѣты, пурпурные, мурамные, жаркіе, янтарные, пепельно-голубые; змѣился подъ ласками Стрибожьяго внука темно-лиловый бурьянъ; надъ сухими яругами червонѣли высоко конскаго щавеля красно-зеленыя стрѣлы. Перепелиный бой, тихіе посвисты соловьевъ, переклички гусей и утокъ перебивались взрывами и фырканьемъ стрепетовъ; пестрые удоды, распушая хохлы, кричали въ самыя уши всадникамъ; немолчно пѣли стрекозы и коромыслы трещали. Порою синій заросшій холмъ выбѣгалъ, кланяясь на пути; скалился, бѣлѣя, съ копейной сулицы лошадиный черепъ надъ позабытой могилой.

Къ вечеру собралась по оврагамъ и балкамъ сѣдая мгла; грозясь, туманы занялись отъ степныхъ удолій; въ трепетѣ синія зарницы заполыхали гнѣвно Ночь разбудила птицъ; сви-

стомъ ихъ буря согнала въ стаи. Вѣщій Дивъ, ярясь, раскинулъ четыре черныхъ крыла, дѣва Обида на лебедяхъ понесла тревогу къ вечернему Дону. Взвылъ Дивъ: кичетъ съ вершины дерева, вѣсти шлетъ землѣ незнаемой, велитъ слушать морю Черному, Волгѣ, Сурожу, Посулію и тебѣ, Тму-Тараканскій истуканъ. До утра мчалась степью половецкою Игорева дружина. Выли на нее изъ туманныхъ овраговъ волки; орлы провожали рати клекотомъ, сзывая на пиръ шакаловъ, и лисицы брехали на багряные щиты. Переступила рубежъ русская земля!

Задумался Буй-туръ Всеволодъ, гладитъ кудрявую бороду, прикусилъ граненый яхонтъ-жуковину на пальцѣ: рѣзана на камнѣ косматая турья голова; она же грозитъ, рогатая, съ золотого шелома.

— Гдѣ жъ Егорій?—спросилъ князь Игорь и, бряцая, подъѣхалъ къ нему Егорій, юный сокольникъ князевъ.

Атласный опашень на Егоріѣ аксамитнымъ узоромъ заткали струйчатыя травы, виноградныя кисти и аканѳовые листы; изъ-подъ шапки крапивнаго цвѣта съ алтабаснымъ верхомъ кудри золотистыми ручьями пролились голубоокому юношѣ на розовое лицо. На шитой перчаткѣ у Егорія взвѣвалъ и покрикивалъ рѣзко бѣлый, съ шафранными лапами, острокрылый кречетъ; у сѣдла покачивался сбоку черной кости, творенымъ золотомъ расписанный лукъ; въ ивовый мягко плетеный колчанъ тугими пучками набились стрѣлы.

— Время поискать тебѣ добычи,—сказалъ сокольнику Игорь.

Змѣйными излуками межъ дикихъ лощинъ степная рѣчка сребрилась; туда полетѣлъ Егорій. Зычный свистъ всполошилъ въ камышахъ стадо тяжелыхъ утокъ. Сокольникъ спустилъ зашипѣвшаго злобно кречета и натянулъ лукъ. Безъ промаху шибалъ добычу ловецъ крылатый и, свистя, били безъ промаху пернатыя стрѣлы. Груда дичины запестрѣла у ногъ охотника.

Егорій оглядѣлъ волновое цвѣтное море. Не видать было Игорева полка. Легкое небо понемногу темнѣло. Воронъ карк-

нулъ вдали, ему отозвался другой, четвертый, десятый; хрипло граяли вѣщіе, просили горячей крови. Стаи черныхъ птицъ зашумѣли на краю небесъ; къ закату тянули вороны извилистой вереницей. Такъ низко мчались они, задѣвая траву крылами, что Егорію видны было ясно разинутые отъ жара щетинистые носы, блестящіе глаза и поджатые цѣпко когти. Передовые отряды скрывались ужъ на закатѣ, когда, волнуясь, едва выступалъ съ востока широко-раскидистый крикливый хвостъ.

Егорій все смотрѣлъ, и сердце его заныло. Съ ярыми воплями взвились зловѣщіе къ нисходившему въ травы солнцу, облакомъ чернымъ густо заволокли они кровавый закатъ. На багряномъ солнечномъ кругѣ, надъ пожаромъ зари, тѣнями плясали тысячи черныхъ клюововъ, хвостовъ и крыльевъ. Смолкли вороны, а со степи отвѣтилъ имъ новый кликъ странный и гулкій. Взвываньями испуганныхъ лебедей скрипѣли чьи-то колеса, свистъ тревожно хохоталъ и ржали безумно кони. То половцы утекали всѣмъ станомъ отъ Игоревыхъ дружинъ.

Испуганный буйными криками и скрипомъ вражьихъ телѣгъ, конь Егорія хрустнулъ удилами, приложилъ къ затылку острыя уши и понесся, какъ вихрь. Тщетно хотѣлъ сдержать безумнаго жеребца молодой сокольникъ. Храпя, летѣлъ легконогій аргамакъ половецкой степью, роняя съ поводьевъ пѣну; остановился, наконецъ, но долго еще, дрожащій, тревожно косилъ воспаленнымъ окомъ и прядалъ ушьми. Солнце легло уже въ цвѣты и вся степь курилась.

Егорій изнеможенный хотѣлъ идти и не могъ. Усталость ему оковала ноги. Онъ заснулъ.

II.

Съ заранія утромъ едва отыскалъ Егорій поле вчерашней битвы. Душистая, звенѣвшая сладкими пчелами и золотыми жуками, медовая трава, смятая, перелсманная, дымилась кровью. Изрѣзанные желѣзомъ копытъ, увядшіе цвѣты кой-гдѣ припо-

дымали съ трудомъ раненыя головки, и красныя ягоды земляники отъ крови казались еще краснѣй. Черными грудами вздымались тѣла. Стрѣлы торчали изъ пронзенныхъ глазъ и висковъ, изъ пробитыхъ грудей; далеко валялись раскепанные шеломы и раздробленные щиты. Вороны, взмахивая надъ почернѣвшимъ полемъ, ссорились и кричали; выдирали толстыми клювами очи мертвыхъ, терзали сердце и печень, и въ утренней тишинѣ поблекшіе цвѣты дышали тяжелымъ тлѣньемъ.

Тамъ, ближе къ чащамъ свѣжихъ высокихъ травъ, не взбороненныхъ кованымъ копытомъ, гдѣ, исчезая, уходила смертная новь, гдѣ бѣлыя бабочки, шелестя сахаристыми крылами, припадали къ пламеннымъ зарослямъ цвѣтовъ, гдѣ щебетали птицы, тамъ шевельнулся бурьянъ и раздался гортанный голосъ. Подъѣхавъ, сокольникъ увидѣлъ окровавленнаго половчанина, желтолицаго, съ козьей бородой; черныя остроугольныя брови осѣняли ему пылающіе глаза. Стиснутые, подъ жесткими усами, ярко бѣлѣли зубы. Лежа въ травѣ, раненый врагъ глядѣлъ прямо въ глаза Егорію: такъ смотритъ на охотника подбитый стрѣлою ястребъ.

Знаками Егорій ободрилъ половчанина и перевязалъ ему рану. Изъ отрывистыхъ его рѣчей и гордыхъ движеній сокольникъ понялъ, что раненый ворогъ знатнаго роду и что имя ему Кончакъ.

Егорій и Кончакъ обошли вдвоемъ черную жатву смерти. Потемнѣлыя лужи за ночь застывшей крови теперь, подъ лучами полдня, таяли душнымъ паромъ. Дышать становилось тяжелѣй. Распухшіе отъ жары трупы вздрагивали и пучились, какъ живые; у одного мертвеца сползали щеки съ костей, другому рубиновые жуки облѣпили носъ и ротъ, надъ тѣмъ, роями гудя, вились золотыя мухи. Воронъ, съ усиліемъ, царапая когтями восковой мертвый лобъ, глубоко запускалъ клювъ въ глазныя черныя дыры и жралъ, давясь отъ жадности бѣлымъ мозгомъ. Егорій пустилъ стрѣлу; убитая птица сникла, встопорщенными крыльями закрывъ мертвецу расклеванное лицо.

Конь заржалъ; изъ яркаго моря румяныхъ кашекъ, гдѣ посвистывали вперебой соловьи, вынырнулъ съ отвѣтнымъ ржаньемъ буланый иноходецъ; звеня бубенцами и ласкаясь, подбѣжалъ онъ къ половчанину. Кончакъ вскочилъ въ легкое войлочное сѣдло, и быстро оба всадника утонули въ цвѣтномъ раздольи.

Не часъ и не два переплывали путники радужныя волны травы и серебристаго ковыля озера; не одинъ зеленый заливъ живого могучаго потопа, шурша, пробѣгали кони, причаливали къ островамъ влажнаго бурьяна и исчезали опять. Ухо томилъ, усыпляя, безконечно-гулкій стрекозиный звонъ; въ солнечныхъ струяхъ съ веселымъ голканьемъ купались, кувыркались и плавали бѣлохвостые бурые орлы и клектали надъ головами у всадниковъ, будто смѣялись надъ ними. Послѣ полудня вся степь стала одинъ цвѣтъ, одинъ звукъ, одинъ часъ; время надъ нею остановилось.

Солнце склонялось уже къ половинѣ пути и, почуявъ прохладу, кони зафыркали, подымая жаркія морды. Близко сверкнуло озеро; за нимъ тѣснился заросшій холмъ. Когда всадники, освѣживъ коней, пріостановились на взгорьѣ, глазамъ ихъ открылась необозримая величавая ширь.

Море степное, волнуясь тихо, едва замѣтно, уходило въ несослѣдимый, недоступный глазамъ просторъ. Не было степи конца и не видѣлось степи краю. Ближе струились въ празелени травы переливы радужныхъ, какъ павлиньи перья, цвѣтовъ и красокъ: лазоревый, темно-синій, лиловый, лилово-розовый, черно-золотой, жемчужный, палевый, соломенный, сѣро-горячій, лимонный, бѣлый. Далѣе цвѣтныя пятна расплывались, линяя, синѣли и червонѣли, какъ въ туманѣ, а на зардѣвшемъ краю небесъ, куда готовилось сойти огневое солнце, ровной, нѣжной и ясной полосой голубѣла чистая зелень, свѣтлая и прозрачная, какъ морская даль.

Сбоку щетинился высокій дубовый лѣсъ. Лѣсъ въ степи! изумился ему Егорій. Развѣсистые, съ рѣдкими сучьями, дубы

уныло торчали на опушкѣ; загадочной и зловѣщей мерещилась мертвая тишина деревъ. Ни одна вѣтка не двигалась въ лѣсу; густолиственныя вершины спали. Вечернее стрекотанье въ лугахъ лилось между тѣмъ безъ перерыва; солнце вращалось свѣтло-малиновымъ кругомъ. Егорій положилъ ночевать въ лѣсу и тронулъ было коня, но косматая рука половчанина ухватила натянутые поводья. Отъ явнаго ужаса побѣлѣли желтыя скулы Кончака; козлиная борода тряслась. Глухо бормоталъ онъ, указывалъ грозно на сумрачную дубраву, не пускалъ отъ себя Егорія. Бѣду пророчилъ угловатый взоръ, но чѣмъ шибче у Егорія колотилось сердце, тѣмъ пламеннѣй любопытная отвага разгоралась въ его душѣ. Его тянуло въ глубокій угрюмый лѣсъ и онъ вскачь поднялъ коня со взгорья. Кончакъ остался на вершинѣ холма. Изъ сырой лощины Егорій, оборотившись, видѣлъ его недвижнаго, какъ прикованнаго къ сѣдлу. Уже недалеко отъ опушки слышалъ Егорій, какъ гикнулъ Кончакъ; вотъ конь его, летя, проколыхалъ шумно росистыя луговины и скоро Игоревъ сокольникъ увидѣлъ за собой суроваго половчанина, на скаку припавшаго къ конской гривѣ.

III.

Отъ опушки прямо въ лѣсъ вела утоптанная тропинка, но человѣчьихъ слѣдовъ на ней не встрѣчалъ Егорій: однѣ звѣриныя лапы и копыта оттиснуты были явственно на черномъ лѣсномъ пути. Начали попадаться кости: турій блестящій черепъ съ загнутыми рогами, кабаній цѣльный костякъ, волчьи оскаленныя морды. Кой-гдѣ тлѣло, видно, недавно совсѣмъ околѣвшее звѣрье: медвѣди, зайцы, лоси, косули, лисицы, волки, хорьки. Чѣмъ далѣе уводила въ лѣсъ звѣриная темная тропинка, тѣмъ чаще конямъ преграждала дорогу падаль. Виднѣлись издыхающіе, готовые къ смерти звѣри: глухо стонали они, вращая невидящими очами. На вѣтвяхъ, уткнувъ носы подъ крыло, умирали птицы: ждали,

качаясь отъ старости, послѣдняго мига, матерые орлы, дряхлые лебеди, столѣтніе вороны, сѣдыя цапли. На руки Егорію упалъ съ дерева мертвый голубь, пустой легче пуха: такъ изсохъ онъ и изболѣлъ.

Звѣриный погостъ все ширился, открывая дорогу. Странное безуміе овладѣло сокольникомъ: онъ ѣхалъ, безсильный поворотить коня. Въ Кіевѣ, когда еще возрасталъ онъ отрокомъ въ златоверхомъ теремѣ князя Святослава, черный греческій попъ училъ его слову Божію и показывалъ, какъ ставить буквы на лощеной бумагѣ, какъ править ихъ золотомъ и киноварью, винограды выводить, лики, цвѣты и травы. Слыхалъ Егорій отъ наставника много чудесныхъ преданій и вспомнился ему теперь сказъ о звѣриномъ кладбищѣ. Сами погребаютъ себя звѣри и птицы въ дикомъ лѣсу, куда нога человѣчья не заходитъ, и одинъ тамъ живетъ, оберегая кости, бѣлый звѣриный царь.

Дубовые сучья крѣпко заплели надъ всадниками рогатую вязь тяжелымъ сводомъ. Стало темно, какъ ночью. Въ мертвой тишинѣ замерли, вставши, кони: впереди блеснули два яркіе чьи-то глаза.

Егорій не успѣлъ схватиться за мечъ: конь взвился подъ нимъ, и сокольникъ едва выскочилъ изъ сѣдла. Дико ржалъ конь: огромный звѣрь терзалъ ему горло; конская кровь, брызгая, обжигала щеки и лобъ Егорію. Кречетъ сорвался и съ крикомъ черкнулъ по небу. Видѣлъ Егорій, какъ звѣрь, бѣлѣя въ мѣсячномъ блескѣ, подмялъ половецкаго коня. Ужасъ тогда обуялъ сокольника: не помня себя, пустился онъ бѣжать; за нимъ половчанинъ. Оба, запыхавшись, выскочили на голубую поляну. Колючія заросли огородили ее кругомъ. Въ блѣдномъ сіяньи скачками догонялъ бѣглецовъ бѣлый звѣрь. Первымъ попался ему Кончакъ: треснулъ бритый затылокъ подъ хрустнувшими клыками и стихло хрипѣнье. Егорій бросился и вскочилъ на острый кустарникъ; схватясь за дубовый сукъ, раска-

чался на рукахъ и упалъ, обезсилѣвъ, въ прохладную мягкую глубину.

Въ ночной тишинѣ онъ вздохнулъ, наконецъ, свободно: здѣсь не найдетъ его бѣлый звѣриный царь. Оглядѣвшись, Игоревъ сокольникъ увидѣлъ себя на днѣ дупла. Это былъ сгнившій пень тысячелѣтняго, глубокаго, какъ колодецъ, дуба. Высоко надъ головой у Егорія хрупкое кружево ткали и молодились звѣзды; прозрачный, точенаго яхонта, тонкій серпъ осторожно прорѣзывалъ голубую небесную кисею. Ночь текла ясно, ровно; съ луговъ летѣлъ отдаленный гулъ, свистанье сусликовъ и совиные вздохи.

Скоро Егорій примѣтилъ подъ собою легкую сырость: на днѣ глубокаго дупла будто вода копилась. Онъ всталъ и провалился по колѣни: липко увязли ноги въ густой трясинѣ. Егорій ощупалъ дно: въ мякоти пахучей и прозрачной утонула его рука; пальцы слипались. Сокольникъ провалился въ медовое озеро; дикія пчелы годами роились здѣсь, какъ въ огромномъ ульѣ, и застывшая сверху янтарная кора скрывала подъ собой пропасть. Понемногу медовая пучина засасывала Егорія. Онъ уже по-поясъ ушелъ въ душистую глубь.

Егорій сложилъ на груди руки и сталъ молиться. Онъ призывалъ Ангела своего, звѣринаго пастыря, святого Егорія, свѣтло-храбраго; онъ просилъ Богородицу Пирогощую опустить къ нему бебряный рукавъ ея райской шубки; звалъ на помощь святыхъ угодниковъ, князей Бориса и Глѣба. Уже стоя по грудь въ сотовомъ меду, услыхалъ онъ средь жаркой молитвы надъ собою внезапный шорохъ: медвѣдь тяжело спускался въ дупло. Косматой лапой держась за сукъ и тыкаясь шерстистой спиной прямо въ лицо Егорію, звѣрь кусками выламывалъ золотистые полные соты. Смѣлая мысль вспала на умъ сокольнику. Крѣпко ухватился онъ за медвѣжью шерсть и крикнулъ что было силы. Медвѣдь рванулся съ ревомъ изъ дупла и вытащилъ за собой Егорія. Весь въ меду стоялъ сокольникъ Иго-

ревъ на опушкѣ подъ старой липой. Беззвучнымъ огненнымъ колесомъ вертѣлось надъ степью солнце; мухи, осы, шмели гудѣли кругомъ, чуя медъ; медвѣдь лизалъ сапоги Егорію и вился надъ нимъ съ радостнымъ звонкимъ крикомъ бѣлый любимецъ-кречетъ. Яснѣлъ бирюзовый день; высматривали съ неба орлы, журавли углами мчались, звеня, къ полудню, и вездѣ, куда ни хваталъ взоръ, пестрѣла, цвѣла, пѣла, шумѣла и колыхалась половецкая золотая степь.

ЛЮБОВЬ СТОЛИЦА.

НѢЖНАЯ КНЯЖНА.

СКАЗКА.

СКАЗКА

О НѢЖНОЙ КНЯЖНѢ

И

О КНЯЖИЧѢ СНѢГУРѢ.

Золотое было время,
Было царство, жило племя,
И тѣмъ царствомъ, не гнѣвясь,
Сѣдокудрый правилъ князь.
Правилъ мудро, не сурово,
Хоть и дряхлый, хоть и вдовый,
И была въ него точь-въ-точь
Молодая княжья дочь.
Волосъ дологъ, голосъ сладокъ,
Брови—выгнутѣе радугъ,
А душой ко всѣмъ нѣжна
Распрекрасная княжна.
Куличи печетъ такъ вкусно,
Вышиваетъ такъ искусно:
Города глядятъ со блюдъ,
Въ пяльцахъ розаны цвѣтутъ!
А начнетъ въ своей свѣтлицѣ
Класть поклоны, да молиться,
Обративъ на образа
Лучезарные глаза—

И не знать тогда народу
Ни войны, ни недороду,
И не сѣять, не сажать—
Только рожь златую жать.
Всѣ ее за то любили,
На пирахъ здоровье пили
И рѣшили: по отцѣ
Ей сіять въ его вѣнцѣ.
Князь же, дочь свою лелѣя,
Повелѣлъ всегда быть съ нею
Тремъ изъ дѣвицъ-златошвей,
Тремъ изъ старицъ-ворожей.
Быть посмѣнно, неотлучно,
Дѣлать все, что имъ сподручно,
Чтобъ, помилуй Богъ, княжна
Не случилася скушна.
День-деньской, сидя сутуло
У серебрянаго стула,
Пѣсни дѣвушки поютъ,
Платья новыя ей шьютъ.
Долго за-полночь старушки
Ставъ у шелковой подушки,
Старый сказываютъ сказъ,
Отгоняютъ вражій сглазъ.
А княжна едва ихъ слышитъ,
А княжна живетъ, чуть дышетъ—
Такъ нѣжна, ужъ такъ нѣжна,
Распрекрасная княжна!
Въ голубомъ она саянѣ,
Ножки въ розовомъ сафьянѣ,
Бѣлый жемчугъ—по глаза,
На перстахъ же—бирюза.

Заболтали здѣсь и тамъ ужъ:
—Охъ, княжнѣ пора бы замужъ!
А не то ея душа
Хоть для рая хороша.—
Князь прослышалъ, бровь насупилъ
И, созвавъ, какъ совъ изъ дупелъ,
Пучеглазыхъ умныхъ свахъ,
Рѣчь повелъ о женихахъ.
Но княжна, о томъ провѣдавъ,
Отъ чаевъ и отъ обѣдовъ
Отказалась—прилегла
И на три дня обмерла.
А какъ стала просыпаться,
Князь о томъ не заикаться
Предъ иконой далъ обѣтъ
И понесъ ей самъ обѣдъ.

Долго ль жили они миромъ
Другъ со дружкою и съ міромъ,
Только зимнею порой
Алой позднею зарей
Пожелалось разъ дѣвицамъ,
Какъ лазоревымъ синицамъ,
Навѣстить бѣленый садъ—
Серебреный виноградъ.
Тамъ княжна, какъ пухъ летая
Въ опашнѣ изъ горностая,
Стала снѣжный шаръ катать,
Пышный, нѣжный ей подъ-стать.
Тутъ подружки подсобили,
Брали, ставили, лѣпили—
И явился средь полянъ
Чудный, бѣлый истуканъ.

Онъ въ серебряномъ кафтанѣ,
Съ алымъ поясомъ на станѣ,
Въ лѣвомъ ухѣ—маргеритъ,
Въ сапожкахъ алмазъ горитъ.
На него дивились ели,
Звѣзды синія глазѣли,
Мѣсяцъ выбрался за лѣсъ
И на дерево залѣзъ.
А дѣвицы застыдились,
Рукавами заслонились.
Не пугалась лишь княжна:
Передъ идоломъ она
Подняла вдругъ покрывало
И его поцѣловала,
Розовѣя, какъ фата,
Прямо въ блѣдныя уста.
Диво дивное тутъ сталось—
Проступила въ снѣгѣ алость,
И изъ устъ отъ дѣвьихъ чаръ
Полетѣлъ вдругъ легкій паръ!
Вмигъ Снѣгуръ весь встрепенулся,
Потянулся, улыбнулся,
Трижды сладостно зѣвнулъ
И на Божій свѣтъ взглянулъ.
Былъ тотъ взоръ звѣзды искристѣй,
Меда яраго игристѣй,
На княжну одну онъ палъ—
И навѣкъ причаровалъ.
А когда подружки въ кучѣ
Убѣгли тропой скрипучей,
Прошептавши: чуръ насъ, чуръ!
Залюбился съ ней Снѣгуръ.

Цѣловалъ ее онъ нѣжно,
Обнималъ ее прилежно,
И, покорна, какъ жена,
Залюбилась съ нимъ княжна.

Вдругъ затмились звѣзды тучей:
Мчится по небу летучій,
Бѣлый сѣверный медвѣдь
И давай рычать, ревѣть!
А на немъ во тьмѣ бурана
Вѣдьма лютая Морана,
Не щадя костлявыхъ рукъ,
Плеткой хлещетъ *все* вокругъ.
Пошатнулись въ страхѣ ели,
Мѣсяцъ смотритъ еле-еле,
И влюбленныхъ среди нѣгъ
Засыпаетъ тяжкій снѣгъ.
Обняла Снѣгура вѣдьма:
Ну, лети скорѣй, медвѣдь мой!
Звѣрю стиснула бока
И умчалась въ облака.
И лежитъ одна въ сугробѣ,
Какъ въ парчой обитомъ гробѣ,
Бездыханна, холодна
Распрекрасная княжна.
Тамъ ее по алой шали
Слуги княжіе сыскали
И, поникнувъ головой,
Понесли къ отцу домой.
Князь, упавъ на руки рынды,
Отъ печали плакалъ инда,
Вырвалъ прядь сѣдыхъ кудрей
И сокликалъ лѣкарей.

У постели тѣ сидѣли,
Отъ раздумія сѣдѣли
И при свѣтѣ звѣздъ и зорь
Выгоняли злую хворь.
Пошептали, попоили,—
И, подвластна вѣщей силѣ,
Въ день, когда пришла весна,
Оживѣла и княжна.
Вновь пошла она къ приходу,
Показалася народу,
Грошикъ кинула слѣпцу,
Приласкалася къ отцу,
Одарила дѣвокъ, нянекъ,—
Кика, лента, яблокъ, пряникъ—
Было каждой, что кому,
По заслугѣ и уму.
Но тоска княжну томила:
Гдѣ-то княжичъ? Гдѣ-то милый?
На чужой онъ сторонѣ,
Онъ не помнитъ обо мнѣ.—
И точилась въ сердцѣ рана.

Вотъ однажды, вставши рано,
За ключи княжна взялась
И въ дорогу собралась.
Облеклась она съ опаской
Синей крашеной запаской,
Повязалася тайкомъ
Алымъ ситцевымъ платкомъ,
Прокралась пчелы невиднѣй
Мимо юныхъ гордыхъ гридней
И, неузнана никѣмъ,
Въ поле канула затѣмъ.

Вотъ идетъ она по полю.
Вкругъ: цвѣтовъ пахучихъ вволю—
Золотые любистки
Развиваютъ лепестки.
Какъ ступить она не знаетъ—
Все цвѣтокъ нога сминаетъ.
И, къ землѣ душой нѣжна,
Нагибалася княжна
И просила, и молила,
И, цѣлуя, говорила:
— Охъ, земля, моя земля!
Ѣстъ печаль меня, какъ тля,
А твои цвѣты прекрасны,
Какъ одинъ, желты и красны.
Ты прости, земля моя,
Приминаю лугъ твой я!—
Глядь-поглядь: предъ ней землянка,
Возлѣ женщинка-смуглянка,
Межъ руками колосъ третъ,
Зернь за пазуху кладетъ,
— Здравствуй, милая дѣвица!
Рада я къ тебѣ явиться.
Чтобъ за ласковость ко мнѣ
Наградить тебя вполнѣ.
Дамъ тебѣ я розанъ алый,
Не простой, а небывалый,
Что безъ корня, да растетъ,
Что безъ дождика цвѣтетъ.
Онъ вовѣки не завянетъ
И повсюду пахнуть станетъ,
У тебя-ль, краса, въ рукѣ,
На окнѣ иль на вѣнкѣ.—

Подала цвѣтокъ и скрылась—
Словно въ землю провалилась.
Поклонилась вновь княжна,
Вновь пустилась въ путь она,
А на даръ нѣтъ-нѣтъ да взглянетъ:
Розанъ—день и два—не вянетъ!

Вотъ княжна идетъ къ рѣкѣ.
Берега вокругъ въ пескѣ.
Льются струйки водяныя,
Серебристо-голубыя.
Какъ тутъ быть ей? Нѣтъ пути!
Бродъ не трудно бы найти,
Да ступить она не смѣетъ—
Возмутить струю жалѣетъ.
И, къ рѣкѣ душой нѣжна,
Наклонялася княжна
И просила, и молила,
Умываясь, говорила:
—Охъ рѣка, моя рѣка!
Пьетъ меня, какъ змѣй, тоска,
А твои струи всѣ чисты,
Голубы и серебристы.
Ты прости, рѣка моя,
Возмущаю плесъ твой я!—
Глядь-поглядь: предъ нею хатка,
Подлѣ женщинка-косматка
Подъ рукой ракушку бьетъ,
Жемчугъ за-воротъ кладетъ.
—Здравствуй, милая дѣвица!
Рада я къ тебѣ явиться,
Чтобъ за ласковость ко мнѣ
Наградить тебя вдвойнѣ.

Ты о словѣ не жалѣй-ка:
Тростниковою жалейкой
Отдарю я за простой—
Самогудной, не простой.
Хорошо она играетъ,
Всѣхъ за сердце забираетъ
И выводитъ тонко трель,
Какъ не выведетъ самъ Лель.—
Подала свирѣль и скрылась—
Словно въ воду опустилась.
Поклонилась вновь княжна,
Вновь пустилась въ путь она,
А на даръ не надивится:
Все свирѣль поетъ, какъ птица!

Вотъ идетъ она къ горѣ.
Небеса кругомъ въ зарѣ.
Розовы лучи сіяютъ,
На тропу коверъ бросаютъ.
А тропа пряма, вольна...
Что же стала вдругъ княжна?
Гдѣ ступить она крушится—
Затѣнить лучи страшится.
И къ зарѣ душой нѣжна
Обращалася княжна
И просила и молила,
Угрѣваясь, говорила:
—Охъ, заря, моя заря!
Жжетъ любовь мнѣ сердце зря.
А твои лучи пріятны,
Розовы, бѣлы, закатны,
Ты прости, заря моя,
Затѣняю свѣтъ твой я!—

Глядь предъ ней шатеръ устланый,
Рядомъ дѣвушка-свѣтлана
Ларчикъ на руку беретъ,
Въ полу яхонты кладетъ.
—Здравствуй, милая дѣвица!
Рада я къ тебѣ явиться,
Чтобъ за ласковость ко мнѣ
Отплатить тебѣ втройнѣ.
Вотъ возьми себѣ въ награду
Золоченую лампаду.
То—диковинка, мой свѣтъ,
И другой такой ужъ нѣтъ.
Для нея не надо масла,
Никогда она не гасла
И не сгаснетъ никогда,
Полыхая, какъ звѣзда.—
Подала ночникъ и скрылась—
Словно въ тучу схоронилась.
Поклонилась вновь княжна,
Вновь пустилась въ путь она,
Лишь порой дивясь, примѣтитъ:
Все лампада тихо свѣтитъ!

Долго-ль шла княжна впередъ,
Можетъ день, а можетъ годъ—
Только шла все далѣ, далѣ,
Впереди жъ синѣли дали.
Наконецъ, ужъ, какъ заборъ,
Всталъ предъ нею черный боръ.
А въ бору томъ чудный теремъ—
Счету нѣтъ оконцамъ, дверямъ!
На воротахъ пара совъ,
Охраняетъ змѣй засовъ,

На дверяхъ—рога все бычьи,
На оконцахъ—клювы птичьи,
Въ крышѣ—тьма вороньихъ гнѣздъ,
А надъ вышкой—конскій хвостъ.
Вкругъ—ни просѣкъ, ни прогалинъ,
Бѣлымъ снѣгомъ боръ заваленъ,
И не таетъ снѣгъ тотъ вѣкъ,
Не живетъ тутъ человѣкъ.
Но княжна идетъ безъ труса,
Снѣгъ мететъ косою русой.
Смотритъ: свѣсился сучокъ,
На сучкѣ томъ старичокъ—
Борода бѣлѣй кудели
Обвиваетъ сосны, ели.
Бьетъ она предъ нимъ челомъ,
Даритъ словомъ, какъ рублемъ:
— Здравствуй многія ты лѣта!
Чье, скажи, подворье это?—
Захихикалъ старый дѣдъ
И прошамкалъ ей въ отвѣтъ:
—Проживаетъ здѣсь Морана,
Дочь могучаго Бурана,
Муженекъ ея Снѣгуръ,
Съ ними—я, снѣговый чуръ.
Охъ, красавица! Охъ, дѣвка!
Коль не шутка, не издѣвка—
Понапрасну не храбрись,
А скорѣй домой вернись.—
Слышать то княжна не хочетъ:
Онъ ей съ другомъ встрѣчу прочитъ!
Подступила къ воротамъ,—
Змѣй шипитъ и свищетъ тамъ,
И трезвонитъ въ колокольца,
И въ златыя вьется кольца,

Чтобъ княжну не пропустить—
Побольнѣе укусить.
Но жалейка заиграла,
Змѣя сномъ заколдовала.
А княжна, отнявъ затворъ,
Пробралась межъ тѣмъ во дворъ.
Изъ дупла гнилой осины.
Вдругъ поднялся рой осиный
Закружился, зажужжалъ—
И ужъ копитъ ядъ у жалъ,
И серебряной иголкой
Норовитъ воткнуться колко,
Чтобъ княжну не пропустить—
Побольнѣе укусить.
Зацвѣла тутъ роза ало,
Осъ дремой зачаровала.
А княжна межъ тѣмъ смѣлѣй
Добралась и до сѣней.
Тьма вокругъ нея густая,
Черныхъ нетопырей стая
Вдругъ изъ всѣхъ угловъ спѣшитъ
И летаетъ, и пищитъ—
Тащитъ мѣдными когтями,
Ловитъ черными сѣтями.
Чтобъ княжну не пропустить—
Побольнѣе укусить.
Но лампада засвѣтила,
Гадовъ сномъ заворожила.

Входитъ въ горницу княжна.
Тамъ—Снѣгурова жена,
Неулыба и неряха,
Непечея и непряха,

Какъ медвѣдица, реветъ—
Колыбельную поетъ.
У нея въ ушахъ сосульки,
Передъ ней четыре люльки:
Въ каждой люлькѣ спитъ уродъ—
Песьи уши, щучій ротъ.
Бѣлымъ снѣгомъ лавка крыта,
Скатерть инеемъ расшита,
Сундуки всѣ изо льда,
Въ окнахъ изморозь-слюда.
Вотъ Морана съ пересмѣшкой
Говоритъ княжнѣ:—Не мѣшкай!
Здѣсь ты, сказывай, зачѣмъ?
А не то, тебя я съѣмъ.—
Мало ей княжна сказала,
Только розанъ показала,
Посулясь отдать его,
Коли мужа своего
Пуститъ та на часъ обѣда
Къ ней для ласковой бесѣды.
И Морана, льстясь на цвѣтъ,
«Да» ей молвила въ отвѣтъ.
А сама потомъ къ супругу,
Чтобъ не вспомнилъ онъ подругу,
Съ поцѣлуемъ въ очи льнетъ:
Стали очи—синій ледъ.

Вотъ дружки въ палатѣ низкой,
Золотая съ щами миска,
Рядъ серебряныхъ сулей,
Груда сладкихъ кренделей...
Освѣщаетъ тускло солнце
Сквозь узорное оконце

Темносиній сарафанъ
Да серебряный кафтанъ.
То княжна передъ Снѣгуромъ
Синеокимъ, бѣлокурымъ,
Блюдо съ лебедемъ несетъ,
Медъ душистый въ кубокъ льетъ.
Но Снѣгуръ къ ея обидѣ,
Ѣстъ и пьетъ, княжны не видя.
И задумалась княжна,
Подошла къ нему она
И сказала:—Милый княже!
Али я теперь не та же?
Ликъ мой розовъ и румянъ,
Какъ и прежде, безъ румянъ.
Глянь, прекраснѣй сталъ онъ даже!
И любовь моя все та же.—
Понапрасну часъ идетъ—
Другъ ее не признаетъ.

Къ вѣдьмѣ вновь княжна явилась
И жалейкою хвалилась,
Обѣщаясь подарить,
Если часъ одинъ побыть
Разрѣшитъ съ ней мужу въ банѣ,
Ту жалейку ей, Моранѣ.
И Морана ей въ отвѣтъ
«Да» промолвила, не «нѣтъ».
А сама потомъ къ супругу,
Чтобъ не вспомнилъ онъ подругу,
Съ поцѣлуемъ въ губы льнетъ:
Стали губы—алый ледъ.

Вотъ дружки—въ горячей банѣ.
Кипятокъ въ сребреномъ чанѣ,

Вырѣзной полокъ горой,
Вѣникъ свѣжій и сырой...
Озаряетъ вечеръ алый
Сквозь пушистое мочало
Станъ дѣвичій—побѣлѣй,
Молодецкій—посмуглѣй.
То княжна стоитъ предъ милымъ
И духмянымъ моетъ мыломъ,
И изъ шайки золотой
Обдаетъ его водой.
Но Снѣгуръ, ея не чуя,
Лишь становится подъ струи.
И смутилася княжна,
Обняла его она
И сказала: Милый друже!
Али сдѣлалась я хуже?
Грудь по-прежнему полна
Безъ сорочки изо льна.
Тронь, еще ужъ стала туже!
И любовь храню я ту же.—
Понапрасну часъ идетъ—
Другъ ея не признаетъ.

Къ вѣдьмѣ вновь княжна входила
И лампадою дивила,
Побожась разстаться съ ней,
Коль одну изъ всѣхъ ночей
Съ мужемъ та поспать дозволитъ,
А потомъ, пускай, заколетъ.
И Морана, льстясь на свѣтъ,
«Да» ей молвила въ отвѣтъ.
А сама потомъ къ супругу,
Чтобъ не вспомнилъ онъ подругу

Съ поцѣлуемъ въ перси льнетъ:
Стали перси—бѣлый ледъ.

Вотъ дружки—въ опочивальнѣ.
У стѣны тесовой дальней
Кипарисная кровать,
Вверхъ лебяжьихъ думокъ пять...
Обливаетъ мѣсяцъ бѣлый
Сквозь завѣсъ поголубѣлый
Темный снятый сарафанъ,
Свѣтлый скинутый кафтанъ.
То княжна пооправляла
Парчевыя одѣяла,
Взбила пышный пуховикъ —
И Снѣгуръ тамъ съ ней поникъ,
Но лежитъ, не обнимая,
Сномъ своимъ подругу мая.
И заплакала княжна.
Прилегла къ нему она
И сказала: милый! милый!
Пробудись, проснись, помилуй!
Я дала послѣднiй даръ.
Не сниму съ тебя я чаръ
И твоей не стану милой—
Утромъ ждетъ меня могила.—
Полилась ея слеза
По лицу, какъ бирюза,
Перси бѣлыя кропила,
Ледъ студеный растопила
И прожгла до сердца вдругъ—
И очнулся милый другъ!
Цѣловалъ княжну онъ нѣжно,
Обнималъ ее прилежно,

За любовь благодарилъ
И съ улыбкой говорилъ:
—Спалъ я долгіе, знать, вѣки...
Но теперь раскрылись вѣки.—
Не напрасно ночь идетъ—
Другъ подругу признаетъ.

Пробудившися поранѣ,
Молвилъ такъ Снѣгуръ Моранѣ:
— Ты жена моя была,
Но меня ты продала
За цвѣтокъ, что пахнулъ сладко,
За свирѣль да за лампадку.
А теперь моя жена—
Распрекрасная княжна,
Что давно меня любила,
За любовь свою купила.
Съ ней я ѣду въ ихній край,
Ты же, глупая, прощай!
Да покуда не позвали,
Посиди съ дѣтьми въ подвалѣ,
Не твори ты людямъ ковъ!—
И замкнулъ на сто замковъ.
Какъ Морана разорется,
А за нею всѣ уродцы:
— Розанъ тотъ, что былъ такъ алъ,
Въ кадь заброшенъ—онъ завялъ!
Замолчала та жалейка—
Вонъ лежитъ ужъ подъ скамейкой!
А лампадка та чадитъ...
Такъ обманывать, ей стыдъ!—

Разсердилась баба злая,
А Снѣгуръ, коней сѣдлая,

Взялъ цвѣтныя удила,
А княжна дары взяла,
Вмигъ они на ко́ней сѣли
И, быстрѣе карусели,
Изъ страны всегдашнихъ вьюгъ
Понеслись къ себѣ, на югъ.
Распустился розанъ алый
И жалейка заиграла,
И лампада вновь зажглась,
Лишь сокрылся боръ изъ глазъ.
Вотъ ужъ рѣчка голубая
Поздоровалася, бая.
Вотъ и алая заря,
Поклонилася, горя.
Вотъ и поле золотое,
Почеломкалось травою—
И въ хоромахъ, наконецъ,
Обнимаетъ ихъ отецъ.
Прежде сдѣлали вѣнчанье,
Послѣ пиръ—да—столованье,
Весь народъ кричалъ ура,
Пилъ отъ утра до утра.
До ночи плясали дѣвки
И вели свои запѣвки.
Я была тамъ, медъ пила,
Да въ рукавъ лишь залила.

Стрѣлица.

А. ТОПОРКОВЪ.

ГЕКАТА.

РАЗСКАЗЪ.

I.

Елена Владимировна Оболенская хорошо помнила, какъ это началось. Она спала, и ей снился диковинный сонъ. Будто она идетъ по заламъ древняго сказочнаго дворца. Каменныя плиты холодны и гулки. Сѣрыя стѣны. Тяжелыя арки. Грубый варварскій орнаментъ. По безконечнымъ переходамъ и лѣсницамъ она идетъ изъ одной залы въ другую. Вдругъ все измѣнилось. Сумрачный замокъ исчезъ. Она въ бѣломъ залѣ. Льется обильный свѣтъ, неизвѣстно откуда. Залъ очень большой, онъ кажется безконечнымъ. Просторно и свѣтло. Она хочетъ съ облегченіемъ вздохнуть. Вдругъ она видитъ: прямо на нее летитъ большая хищная птица, не то сова, не то ястребъ. Полетъ ея ровенъ. Крылья не взмахиваютъ. Залъ совершенно пустъ. Невыразимый страхъ пронизываетъ ее. Она хочетъ крикнуть и не можетъ. Большая птица летитъ прямо на нее. Сейчасъ она опуститъ свои когти ей на грудь...

Вся въ поту проснулась молодая женщина. Сквозь занавѣсы она видѣла свѣтъ холодной зеленой луны. Сонъ какъ будто еще продолжался. Страхъ наполнялъ все ея существо. Словно вотъ сейчасъ только что случилось что-то очень печальное. Елена Владимировна накинула легкое платье и, босая, пошла въ спальню мужа.

Въ спальнѣ никого не было. Ложе было не смято. Очевидно, мужъ ея Григорій Александровичъ Оболенскій, еще не ложился спать. Въ безпокойствѣ Елена Владимировна пошла по комнатамъ. Нигдѣ не было видно огня. Все было чрезвычайно тихо. На полу лежали зеленоватыя полосы луннаго свѣта,

проникающаго чрезъ большія окна. Чувствуя неопредѣленный трепетъ, молодая женщина отворила дверь на террасу и вышла на волю. Ночная свѣжесть охватила ее. Зябли нѣжныя ступни. Она прошла къ павильону, гдѣ любилъ работать въ одиночествѣ ея мужъ, иногда въ теченіе цѣлыхъ ночей. Она остановилась на влажныхъ отъ росы ступенькахъ, не рѣшаясь войти. Оглянулась. Высоко въ небѣ стояла полная луна. Ея свѣтъ проникалъ въ пространство неба. На землѣ струились ея мглистые лучи, и съ земли поднимались влажныя испаренія; словно курились кусты и травы. Было очень тихо. Только изрѣдка вскипала темная листва парка подъ набѣжавшимъ вѣтеркомъ. Вѣтви клонились и о чемъ-то шептали. Гдѣ-то далеко, далеко лаяли собаки. Эти ночные звуки еще болѣе углубляли чрезвычайную тишину. Страхъ молодой женщины множился. Трепетная она стояла на ступенькахъ и слушала.

Вдругъ она услышала топотъ лошади, гдѣ-то очень далеко. Потомъ звукъ подковъ сталъ какъ будто ближе. Близился невѣдомый всадникъ. Елена Владимировна замерла въ смутномъ ожиданіи. Черезъ нѣкоторое время на дворъ усадьбы въѣхалъ ея мужъ. Она видѣла его четкій силуэтъ. Благородный конь былъ весь въ мылѣ. Съ узды падала пѣна. Оболенскій подъѣхалъ къ конюшнѣ. Рѣзко окликнулъ спавшаго конюха. И вотъ онъ шелъ къ ней. Она видѣла его ясно въ лунномъ свѣтѣ. Онъ шелъ и жестикулировалъ, что-то говорилъ, словно спорилъ съ кѣмъ-то невидимымъ. Елена Владимировна хотѣла броситься къ нему, окликнуть и вдругъ прежній ужасъ, какъ во снѣ, охватилъ ее. Словно ея мужъ стоялъ за невѣдомой магической чертой. Онъ прошелъ почти рядомъ, не видя ее, продолжая возбужденно жестикулировать и съ кѣмъ-то говорить. Потомъ скрылся въ сумракѣ парка. Молодая женщина слабо вскрикнула и убѣжала по холодной мокрой травѣ въ домъ, бросилась на оставленное ложе. Закуталась съ головой въ одѣяло. Ее била частая дрожь.

Что это?—думала она.

Мысли ея смѣшивались. Она очнулась только подъ утро. При пробужденіи она почувствовала тяжесть во всѣхъ членахъ. Голова слабо кружилась. Она попробовала приподняться, но упала безсильно назадъ на подушки. Она ощупала свой лобъ, который былъ горячъ.

— Я больна,—подумала она.

Она закрыла глаза и попыталась заснуть. Сонъ не возвращался. Но бодрствованіе было часто прерываемо минутами полнаго забвенія. Потокъ сознанія прерывался и дробился: она почти тотчасъ забывала, о чемъ думала въ предыдущую минуту. Сознаніе времени было утрачено.

Въ комнату кто-то постучался. Неслышно отворилась дверь. Вошла горничная.

— Чтой-то вы, барыня, да никакъ больны? А я-то думала, до какого часу не встаютъ.

Елена Владимировна поморщилась: ей былъ непріятенъ чужой голосъ.

Открой занавѣсъ, сказала она.

Горничная отдернула шторы. На дворѣ былъ знойный день. Хлынули яркіе лучи солнца. Стало больно смотрѣть.

— Нѣтъ, задерни, приказала молодая женщина и отвернулась къ стѣнѣ.

Она смутно сознавала, что горничная о чемъ-то ее спрашиваетъ, наклоняется къ ней. Оболенская лежала неподвижно и старалась не замѣчать. Она чувствовала, что она вся сгораетъ отъ внутренняго жара. Горничная ушла.

Стало лучше. Чудились свѣтлыя, голубыя водныя пространства, лодка съ большими оранжевыми парусами. Чужая, незнакомая пѣсня рыбаковъ вдали, словно зовъ. Она вздрогнула. Повернулась. Въ свѣтломъ сумракѣ стоялъ ея мужъ и звалъ ее тихимъ голосомъ.

— Елена, Елена...

Она сдѣлала большое усиліе воли. Собрала всѣ свои силы. Зорко посмотрѣла на него.

— Неужели вчерашнее было только сномъ или бредомъ?—подумала она.

Григорій Оболенскій былъ высокій стройный мужчина, со скрытной холодностью въ обращеніи, крайне замкнутый. Его черные глаза почти всегда ровно смотрѣли на собесѣдника только гдѣ-то очень далеко горѣлъ въ нихъ свѣтъ, который никогда не выступалъ наружу.

Елена Владимировна знала его скрытность и потому, насколько могла, пристально посмотрѣла ему въ лицо. Онъ показался ей блѣднымъ. Нѣсколько взволнованнымъ голосомъ онъ спросилъ ее.

— Что съ тобой? Ты больна?

— Да, кажется, лихорадка.

Ей хотѣлось сейчасъ же спросить: ѣздилъ ли онъ куда-нибудь ночью. Но ее кто-то удерживалъ, не позволялъ говорить. Ей казалось, что это онъ не позволяетъ спрашивать. Почти враждебно глядѣла она на мужа. Ей было очень тяжело.

— Оставь меня одну,—почти простонала она,—я не могу.

Мужъ наклонился и поцѣловалъ ей руку, которую ей хотѣлось отдернуть и вышелъ. Когда она почувствовала себя одной, ея воля словно оборвалась, какъ слишкомъ туго натянутая струна. Передъ глазами пошли красные круги. Она лишилась чувствъ. Къ вечеру пріѣхалъ врачъ изъ земской больницы, за которымъ посылали коляску. Еленѣ Владимировнѣ онъ былъ непріятенъ: слишкомъ демократиченъ и вульгаренъ. Она ни за что не хотѣла позволить осмотрѣть себя. Наконецъ, уступила уговорамъ мужа. Обнаженіе передъ чужимъ мужчиной, притомъ еще внушающимъ омерзѣніе, было отвратительно, но она подчинилась. Докторъ нашелъ у нея лихорадку. Прописалъ порошки, понижающіе жаръ, и слабительное. Отъ послѣдняго она отказалась наотрѣзъ.

Когда, наконецъ, ее оставили въ покоѣ, она почувствовала себя нѣсколько лучше. Жаръ словно понизился. Мысли текли

свободно. Все пережитое, недавно столь чудесное, казалось естественнымъ. Она заболѣла еще вчера. Ночью ей приснился тяжелый сонъ. Она встала съ ложа, почти неодѣтая. Босая она прошла по холодной росѣ. На волѣ бредъ ея продолжался. Всѣ предметы казались необычайнымъ, внушающимъ ужасомъ. Что тутъ особеннаго, что Григорій Александровичъ поздно ночью катается верхомъ? Стоятъ такія чудныя лунныя ночи. Все такъ естественно. Но когда она сосредоточивала свою мысль на томъ, какъ ея мужъ прошелъ мимо нея, столь чужой ей, не видя ее, разговаривая съ самимъ собой, когда она представляла его фигуру, облитую луннымъ свѣтомъ, тысячу неуловимыхъ подробностей этой кошмарной ночи, опять возникалъ страхъ, и она вновь чувствовала, что случилось что-то непоправимое и роковое.

— Глупости,—подумала она,—это просто бредъ. Она позвонила. Спросила себѣ чаю и попросила позвать мужа.

Григорій Александровичъ тотчасъ пришелъ. Присѣлъ къ ней на постель. Такъ хорошо говорилъ. Былъ внимательный и нѣжный, какимъ онъ могъ быть. Звукъ его голоса баюкалъ ея усталую душу. Темный взглядъ словно гипнотизировалъ.

— Я устала,—тихо сказала она.

Оболенскій наклонился къ ней, поцѣловалъ въ лобъ и вышелъ почти неслышно.

— Какой онъ милый и хорошій,—подумала она—и почти тотчасъ заснула.

Глубокой ночью она проснулась, вся въ поту. Должно быть подѣйствовало лѣкарство. Прикосновеніе мокраго бѣлья было непріятно. Она перемѣнила сорочку. Дрожала, когда воздухъ касался ея обнаженныхъ плечъ. Чувствовала себя очень слабой. Опять виднѣлся лунный свѣтъ сквозь занавѣсы. Опять было очень тихо. Она прислушалась и ей почудился гдѣ-то очень далеко топотъ лошади, которая несется бѣшеной скачкой по твердой изнуренной зноемъ землѣ. Она упала на подушки и безсильно заплакала.

И такъ продолжалось каждый день. Утромъ она пробуждалась, изнеможденная, слабая, съ разбитымъ тѣломъ и душой. Приходилъ Григорій Александровичъ справиться о здоровьѣ. Его вѣжливое участіе почему-то было непріятно. Она тупила глаза, отвѣчала общими фразами на его разспросы, брезгливо морщила губы. Хотѣла все время задать столь мучавшій ее вопросъ и не могла. Что-то препятствовало. Дѣтская робость овладѣвала ей. Она досадовала. Отсылала прочь мужа, ссылаясь на слабость и желаніе отдохнуть. Цѣлый день она проводила въ постели, лежа вытянувшись на спинѣ въ состояніи близкомъ къ забытью или къ часто прерываемому сну. Мысли безсвязныя и капризныя возникали и исчезали прежде, чѣмъ она могла ихъ сознать. По временамъ она хотѣла очнуться, распорядиться о чемъ-то очень важномъ и нужномъ, въ слѣдующее мгновеніе забывала, въ сознаніи оставалось лишь скорбное чувство несправедливой обиды, нанесенной ей, столь слабой и больной.

Когда горничная приносила ей бульонъ или чай, она полусидя на ложѣ, безъ аппетита принимала пищу, разглядывала свою горничную, и свою комнату. Сознаніе реальной жизни возращалось, она вспоминала вещи знакомаго ей міра, словно изъ глубинъ мерцающихъ голубыхъ водъ, гдѣ плѣненная, она пребывала, она всплывала на поверхность и видѣла вновь солнце и небо и землю. Но это длилось такъ недолго: опять ее увлекалъ кто-то въ глубину волшебнаго затона.

Къ вечеру настроеніе поднималось. Она вставала. Обходила комнату. Глядѣла въ зеркало, которое отражало ея лицо, желтовато бѣлое, съ нездоровыми синими кругами подъ глазами, съ отяжелѣвшими вѣками. Голова слегка кружилась. Чтобы перемѣнить мѣсто она ложилась на кушетку и звала къ себѣ мужа. И онъ приходилъ, нѣжный и любящій, такъ говорилъ вкрадчиво, гипнотизирующимъ голосомъ простыя вещи. Ей хотѣлось плакать и жаловаться. Она внимала его голосу и звукъ его рѣчей успокаивалъ ее.

А ночью снова внезапное пробужденіе, вкрадчивые и тревожащіе лучи луны въ щеляхъ между занавѣсами, и гдѣ-то безконечно далеко топотъ быстрой лошади по изсушенной зноемъ землѣ. И опять прежній ужасъ.

Только на седьмой день ей стало лучше. Она проснулась утромъ и ощутила внезапно себя здоровой. Ей стало такъ хорошо, что она невольно засмѣялась. Въ эту ночь она не просыпалась. Прежніе страхи казались вздорными. Она сама одѣлась и вышла на террасу. Пріятно было прикосновеніе къ теплому дереву баллюстрады. Пріятно было смотрѣть на глубокую лазурь неба.

Григорій Александровичъ былъ прежній, ей знакомый, милый и любящій. Робость ея прошла. Все было попрежнему, все хорошо и счастливо.

Желая себя провѣрить, она зорко посмотрѣла на него, и ей показалось, что онъ сталъ блѣднѣе, что глаза глубже сидятъ въ орбитахъ.

— Я тебя измучила должно быть моей болѣзнью,—сказала она, ласково улыбаясь.

— Да я плохо спалъ эти ночи.

Она вздрогнула, шевельнула головой, словно желая прогнать надоѣдливую муху. Она чувствовала, какъ въ жилахъ ея здоровой волной разливается молодая кровь. Болѣзнь прошла.

II.

Три недѣли прошло съ выздоровленія Елены Владимировны. Нелѣпые страхи, мучившіе ее больную, готовы были почти совсѣмъ исчезнуть. Ей казалось, Григорій Александровичъ близокъ къ ней, какъ никогда. Никогда онъ не былъ такъ нѣженъ, внимателенъ и даже откровененъ. Въ темныя ночи, когда оба они глядѣли на звѣзды, съ какой-то покорностью и поклоненіемъ цѣловалъ ея руки, говорилъ слова любви съ внезапной пылкостью.

— Только съ тобой мнѣ хорошо. Люби, люби меня.

Подъ вліяніемъ новаго прилива страсти, Елена Владимировна чувствовала себя особенно счастливой, сильной и свободной. Она готова была послать вызовъ судьбѣ. Не страшны были чары и видѣнія ночей.

Такъ прошло три недѣли. Стоялъ жаркій іюльскій день. Елена Владимировна чувствовала себя хорошо. Въ ея душѣ звучали какія-то мелодіи, что-то пѣло и звало. Послѣ обѣда она сѣла за рояль и стала играть своихъ любимыхъ композиторовъ.

Такъ какъ она давно не играла, то пальцы ея нѣсколько не слушались. Мелодія клавишей нерѣдко расходилась съ мелодіей, которую пѣла ей ея душа. Было досадно и вмѣстѣ съ тѣмъ рождалось упрямое стремленіе преодолѣть трудности.

Мало-по-малу она забыла время и вся ушла въ любимые напѣвы, звуки доставляли ей почти физіологическую радость. Слегка щемило подъ ложечкой и мурашки пробѣгали по спинѣ. Хотѣлось еще и еще. Стихія музыки охватывала ея душу. Тысяча разъ игранныя, столь знакомыя мелодіи получали новую одушевленность и жизнь, дотолѣ невѣдомую. Отдѣльная нота вдругъ пронизывала сознаніе острымъ внезапнымъ наслажденіемъ, словно впервые сознаннымъ.

Чувства, знакомыя артистамъ, мучительно сладкія и таинственныя, охватили ее. Казалось она переступала черезъ нѣкую запрещенную людямъ грань.

— Довольно,—приказывала она безсильно самой себѣ.

Но душа ея хотѣла музыки, упоенія музыкой, ждала чужихъ заклинаній. И она снова отдавалась желанію забыться и не быть.

Листая нотную тетрадь, она дошла до траурныхъ мотивовъ, полныхъ предчувствій неожиданныхъ бѣдствій, плачей о невозможномъ. Душа томилась томленіемъ по необычайному. Въ сознаніе вошла острымъ лезвіемъ скорбь.

Концами разгоряченныхъ пальцевъ Елена Владимировна ощущала холодъ клавишей. Чуть слышно скрипнула педаль подъ ногой. Словно отъ сладкаго обмана очнулась она. Внезапно прекратила игру. Внимала глухимъ, замирающимъ рокотамъ струнъ.

Комната была залита свѣтомъ заката. На металлическихъ украшеніяхъ дверей и стѣнъ, на золотѣ рамъ горѣли властно багровые отсвѣты.

Необычайная тревога возникла въ душѣ. Защемило сердце. Молодая женщина приподнялась. Глаза ея, углубленныя дѣйствіемъ музыки, были темны. Гдѣ-то далеко въ нихъ мерцалъ и лучился свѣтъ: еще звучали въ душѣ только что сыгранныя мелодіи.

Вдругъ крышка рояля сорвалась изъ ея рукъ. Гулко и нестройно зазвучали струны. Елена Владимировна порывисто вздрогнула. Непонятный слѣпой ужасъ передъ чѣмъ-то необычайнымъ охватилъ её.

Она быстро пришла въ себя, прошлась по комнатѣ, заложивъ руки по мужски за спину, остановилась у раскрытаго окна. Медлила. Потомъ быстро вышла.

Опять, какъ въ ту кошмарную ночь, она искала своего мужа. Опять шла она изъ одной комнаты въ другую въ слѣпой тревогѣ. Но теперь это не было сномъ.

Изъ дома она прошла въ садъ. Деревья парка стояли неподвижныя. Ни одинъ листъ не колыхался. Вершины были освѣщены золотымъ сіяніемъ. Внизу влажныя тѣни лежали на желтомъ пескѣ дорожекъ. Высокіе, черные стволы старыхъ липъ были какъ траурныя колонны. Оболенская шла съ бьющимся сердцемъ, задыхаясь, шла по аллеямъ знакомаго парка, опустѣлаго и словно враждебнаго ей. Она обошла его кругомъ, спустилась къ рѣкѣ. Вышла изъ главной аллеи. Передъ ней разливался печальный свѣтъ зари, алые отсвѣты покрывали лепестки кустовъ, облака отражались глубоко въ неподвижной рѣкѣ.

Надъ далекой рощей около берега, она увидала низко большую луну, желтую, почти полную.

На скамейкѣ, около самой воды, скрытый кустами, сидѣлъ Григорій Александровичъ. Она подошла совсѣмъ близко, стала за его спиной, почти касалась его. Онъ не замѣчалъ. Сгорбленный, вытянувъ впередъ шею, онъ глядѣлъ въ воду, гдѣ отражалось слегка колеблемая поверхностью воды луна.

— Gregoir,—сказала тихо молодая женщина.

— Гриша,—окликнула она его сильнѣе.

Словно очнувшись отъ тяжкихъ и властныхъ грёзъ Григорій Александровичъ повернулъ къ ней свою голову. Глаза его были почти безумны. Онъ смотрѣлъ на нее, не видя.

— А... ты,—сказалъ онъ, наконецъ,—видимо съ большимъ трудомъ.

Лицо его было очень блѣдно. Концы губъ слабо дрожали. Оболенская не видала никогда еще своего мужа такимъ слабымъ и безсильнымъ. Она хотѣла ему крикнуть «опомнись, что съ тобой?» Но вмѣсто словъ изъ ея устъ вырвался слабый, безсвязный стонъ. Она закрыла голову руками, словно защищаясь отъ удара, отвернулась и быстро пошла прочь.

Что это, что?—думала она,—пытаясь очнуться отъ кошмара внезапно нахлынувшихъ, разорванныхъ чувствъ, предчувствій и круговоротовъ мысли. Напрасно она искала объясненій, перебирала прошлое и нигдѣ не находила отвѣта. Она чувствовала только, что ей грозитъ что-то страшное и злое, что вотъ-вотъ ворвется въ ея жизнь, скомкаетъ, уничтожитъ благополучіе ея и мужа.

Всегда ей былъ нѣсколько непонятенъ ея мужъ; несмотря на близость и любовь, они были все еще далеки другъ отъ друга, послѣднихъ словъ не было сказано между ними. Елена Владимировна прекрасно помнила то впечатлѣніе, которое онъ производилъ на нее во время ихъ первыхъ встрѣчъ. Отъ всѣхъ ея знакомыхъ Григорій Александровичъ отличался тѣмъ, что совер-

шенно, казалось, не цѣнилъ и не интересовался, чѣмъ интересовались люди ея окружающавшіе, словно его вниманіе было направлено на какія-то отдаленныя и скрытыя цѣли. Казалось, онъ нѣсколько тоскливо, но въ общемъ терпѣливо сноситъ тяготу дней, его высокая фигура лишь придавлена, но не согнута бременемъ жизни и ея страстями. Она хорошо помнила, что ей былъ тягостенъ его темный и ровный взглядъ, которымъ онъ иногда глядѣлъ на нее, словно оцѣнивая и взвѣшивая. Она думала, что онъ считаетъ ее за дурочку.

И она полюбила его романтически и неотступно, съ обожаніемъ, почти институточнымъ. Ей было очень досадно, что онъ это сразу замѣтилъ и принялъ, какъ должное. Между ними не было сказано и двухъ словъ о любви, всѣ уже считали ихъ за жениха и невѣсту.

Однажды, когда она гуляла вмѣстѣ съ Григоріемъ Александровичемъ, онъ заставилъ ее сѣсть на скамью, сложить на колѣняхъ руки, самъ сталъ на колѣняхъ передъ ней и цѣловалъ ей руки. Она покорно исполняла его волю. Нервный трепетъ пробѣгалъ по ней, когда онъ прикоснулся страстными губами къ ея рукамъ, потомъ поднялъ голову, мерцающими темными глазами посмотрѣлъ на нее и тихо произнесъ:

— Спасите меня.

Она не поняла его словъ, она только почувствовала, что онъ несчастенъ. Она никогда не пыталась догадываться и никогда его не разспрашивала.

На другой день, онъ пріѣхалъ къ нимъ просить у родителей ея руки. Они были обручены.

Теперь она хорошо сознавала, что даже въ наиболѣе интимныя минуты ея мужъ былъ чуждъ ей. Но, можетъ быть, благодаря этому она такъ его любила, любила и мучалась своей любовью.

Взволнованная и тревожная Елена Владимировна прошла въ павильонъ мужа и рѣшилась тамъ его ждать. Она сидѣла въ креслѣ

передъ письменнымъ столомъ, вновь и вновь вспоминала сцены своего бывшаго романа, темные неопредѣленные слухи, ходившіе когда-то про Григорія Александровича, теперь почти забытые. Она разсматривала его книги и бумаги, желая узнать, чѣмъ онъ теперь занятъ. Взглядъ ея скользнулъ по знакомымъ предметамъ: все прежнее, математика и статистика, государственное право и политическая экономія, мужскія скучныя занятія. Она оглядѣла и комнату, гдѣ мужъ ея былъ наединѣ съ самимъ собой. Это была очень большая, свѣтлая комната. Окна ея выходили въ садъ, мебели было мало. Каждая вещь стояла на своемъ мѣстѣ, строго, важно и спокойно. Такая и должна быть комната мужчины,—подумала она.

Тѣмъ не менѣе у нея было чувство, что здѣсь среди этихъ вещей есть какой-нибудь слѣдъ безумія, нѣкое проявленіе его. Она обошла всю комнату, внимательно разсматривая вещи, которыя должны были выдать тайну, которую таитъ душа ихъ хозяина.

Взглядъ ея упалъ на турецкій диванъ, надъ которымъ было развѣшано драгоцѣнное оружіе, старыя ружья, сабли, рапиры; среди нихъ въ сторонкѣ маленькій дамскій револьверъ. Темные слухи, когда-то ходившіе про Григорія Александровича, смутно вспомнились ей.

Она сняла револьверъ со стѣны, разомкнула его. Онъ былъ шестизарядный, одной пульки не хватало. Несомнѣнно, это былъ тотъ самый револьверъ, о которомъ ей какъ-то вскользь разсказывалъ Григорій Александровичъ. Теперь она вспомнила.

Это было незадолго до ихъ замужества. Въ ихъ уѣздѣ, недалеко отъ нихъ случилось несчастье: самоубійство одной барышни, Ксеніи, изъ родовитой семьи. Въ роду были случаи безумія. Про ея дѣдушку разсказывали, что онъ содержалъ цѣлый гаремъ дворовыхъ дѣвокъ, сѣкъ ихъ голыхъ на морозѣ, тѣшился истязаніями. Дворня убила его. Отецъ ея былъ не отъ міра сего. Не то меланхоликъ, не то святоша и мистикъ. Жилъ большею частью за границей. Скоро умеръ; Ксенія, наслѣдница его

крупнаго состоянія, жила одна съ дальней родственницей въ имѣніи.

Это была эмансипированная барышня, гордая и замкнутая. Рѣдко съ кѣмъ водила знакомство. Часто ѣздила за границу.

Елена Владимировна раза два ее видала. Высокая дѣвушка, миловидная, съ немного угловатыми манерами, но обладавшая прирожденной граціей. Лицо блѣдное. Пристальный взглядъ, очень скорбный, очень человѣчный. Въ то же время впечатлѣніе властной страстности. Что-то темное, скрытое и опасное было въ ней. Говорили, что Григорій Александровичъ за ней очень ухаживалъ. Часто ихъ видѣли вмѣстѣ на прогулкахъ верхомъ. Потомъ произошло это несчастіе. Ксенію нашли застрѣлившейся въ лѣсу мужики, ѣздившіе въ городъ. Въ кустахъ стояла привязанная, верховая лошадь. А рядомъ съ трупомъ валялся маленькій револьверъ, который Григорій Александровичъ выпросилъ себѣ на память, и который висѣлъ теперь на стѣнѣ среди прочаго оружія.

Больше ничего не знала Елена Владимировна. Больше ничего не разсказалъ ей ея мужъ. Таковы были и слухи, ходившіе тогда. Но теперь необычайная ревность и подозрѣнія мучили ее, любилъ ли ея мужъ таинственную Ксенію, что произошло передъ роковымъ концомъ, почему произошло самоубійство, зачѣмъ этотъ жестокій сувениръ?

Тутъ же, въ павильонѣ, она написала письмо одному бывшему своему поклоннику и другу ея мужа. Она просила его немедля пріѣхать. Сейчасъ же. Очень нужно.

Написавъ, она быстро встала, сама пошла на конюшню, вызвала кучера.

— Ты сейчасъ же отвезешь это письмо Орлову и вернешься назадъ съ отвѣтомъ.

Потомъ пошла къ себѣ.

Долго сидѣла въ одиночествѣ. Вечерній чай былъ допитъ, Григорій Александровичъ не пришелъ. Она ждала его.

— А можетъ быть, все разъяснится. Я спрошу его. Будетъ опять хорошо.

Было уже 12 часовъ ночи, когда она спустилась съ террасы. Было тихо и влажно. Надъ вершинами деревъ стояла царственная луна, неотразимая въ своемъ вліяніи. Елена Владимировна вышла въ свѣтлую полосу; закинувъ голову, глядѣла на луну, и луна покрыла ее серебрянымъ, мглистымъ своимъ покровомъ. Дивно ей стало. Все дневное отступало. Дѣйствительность исчезла. Страна призраковъ и духовъ открылась ей. Инымъ біеніемъ ощутила она пульсы жизни. Въ ея душѣ возникла великая рѣшимость, желаніе борьбы и невѣдомыхъ страстей.

Глухо застонала она, какъ стонутъ подъ вліяніемъ темныхъ кошмаровъ весеннихъ ночей. Словно звѣриные звуки вышли изъ устъ ея.

III.

Николай Сергѣевичъ Орловъ пріѣхалъ къ завтраку. Встрѣтились, какъ старые знакомые, просто и сердечно. Послѣ кофе, Елена Владимировна приказала запречь шарабанъ и предложила Орлову съ ней совершить маленькую прогулку. Правила она сама.

— Зачѣмъ вы меня звали?—спросилъ Николай Сергѣвичъ, когда они выѣхали изъ деревни. И тотъ кругъ скрытыхъ интересовъ и страстей, которымъ были связаны эти люди, внезапно обнаружился.

— Узнаете сейчасъ,—отвѣтила ему быстро Елена Владимировна и шибко погнала лошадь по дорогѣ.

Они пріѣхали въ лощину небольшой рѣчки, которая вилась среди холмовъ. Кругомъ былъ лѣсъ. На одной изъ полянъ у большого сѣраго камня оставила лошадь Елена Владимировна, и вышли изъ экипажа.

— Привяжите гдѣ-нибудь лошадь,—сказала она Орлову, не глядя на него.

И когда онъ сдѣлалъ приказанное, они повернула къ нему свое гордое лицо и сказала глухимъ голосомъ:

— Скажите мнѣ, что произошло здѣсь три года тому назадъ? Вы должны.

Она была очень блѣдна. Николай Сергѣевичъ потупился. Странная усмѣшка скривила его губы.

— Вы же сами знаете,—сказалъ онъ нехотя.

— Я знаю только, что здѣсь была найдена съ огнестрѣльной раной въ груди Ксенія Тростницкая. Рядомъ съ ней былъ найденъ револьверъ и притомъ ея револьверъ. Осѣдланный конь былъ привязанъ въ кустахъ. Она была странная дѣвушка. Поздно ночью любила ѣздить верхомъ по полямъ и лѣсу. Она никого не боялась. Дома у нее нашли записку съ просьбой похоронить ее тамъ, гдѣ ее найдутъ мертвой. Слѣдовательно, самоубійство было обдумано заранѣе. Этотъ камень лежитъ на ея могилѣ. Вотъ все, что я знаю.

Елена Владимировна замолчала и опять посмотрѣла на Орлова своимъ приказывающимъ взглядомъ.

— Только это?—спросилъ онъ ее. Что-то дрогнуло въ его лицѣ.

— Я слышала еще, что Григорій Александровичъ ухаживалъ до нашей свадьбы за Ксеньей. Онъ часто сопровождалъ ее на прогулкахъ верхомъ. Я это слышала мелькомъ. Я никогда не говорила объ этомъ съ Григоріемъ Александровичемъ. Слушать же отъ другихъ мнѣ было непріятно.

— Зачѣмъ же вы меня разспрашиваете?

— Теперь я должна знать.

Орловъ попрежнему стоялъ, потупившись, медленно вращалъ большой перстень на мизинцѣ. Елена Владимировна подошла къ нему почти вплотную. Глаза ея горѣли.

— Вы скажете.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ и въ упоръ поглядѣлъ ей въ глаза.

Оболенская отошла отъ него и послѣ нѣкотораго молчанія сказала.

— Вы когда-то клялись мнѣ въ вѣчной любви, Николай Сергѣевичъ. Вы мнѣ сказали одинъ разъ, что я могу потребовать у васъ всего, что я захочу, и вы исполните. Если вы любите меня, Николай Сергѣевичъ, сейчасъ, если вы не хотите, чтобы я считала васъ за лжеца, вы скажите.

— Я люблю васъ до сихъ поръ,—тихо произнесъ Орловъ.

— Такъ говорите.

— Но это непорядочно,—голосъ его дрожалъ.

— Говорить, я вамъ приказываю.

— Хорошо, извольте, все, что я знаю. Въ ту ночь, когда была найдена мертвой Ксенія Тростницкая, Григорій Александровичъ былъ у меня.

— У васъ?

— Да, онъ пришелъ очень поздно, часовъ въ 12, необычайное нѣсколько время. Но онъ дѣлалъ тоже вообще много странныхъ вещей. Къ тому же онъ, навѣрное, зналъ, что я не сплю. И еще онъ зналъ, что онъ непріятенъ мнѣ. Я хорошо помню этотъ вечеръ. Я шагалъ по моей террассѣ и смотрѣлъ на блѣдную полную луну на кроткихъ, блѣдныхъ небесахъ. Григорій Александровичъ появился какъ-то внезапно. Впрочемъ, можетъ быть, я былъ разсѣянъ. Руки его были очень горячія, а самъ онъ очень блѣденъ, блѣднѣе луны, и говорилъ онъ странно въ тотъ вечеръ и голосъ его дрожалъ. Я угощалъ его виномъ и онъ пилъ, но вино не пьянило его. Я глядѣлъ на него и не понималъ, что съ нимъ, зачѣмъ этотъ нервный смѣхъ и острые жуткіе глаза. Подъ утро онъ попросилъ разрѣшенія переночевать, говоря, что ему страшно итти одному лѣсомъ. Когда на другой день я проснулся, его уже не было. Постель была не смята. А потомъ я узналъ, что Ксенія убита.

— Убита?

Конечно, убита. Я зналъ прекрасно, что они любятъ другъ друга. Помните, я предупреждалъ васъ, за кого вы выходите замужъ, вѣдь вы были только ширмой или, простите меня,

лишь средствомъ избавленія отъ слишкомъ дурныхъ страстей. Вѣдь васъ онъ никогда не любилъ, а всегда любилъ вонъ ту, и онъ постучалъ костяшками пальцевъ о камень. Нелѣпъ былъ этотъ романъ и, должно быть, порядочно измытарила его Ксенія.

— Но почему вы думаете, что это онъ убилъ ее, вѣдь вы сами говорите, что они другъ друга любили.

— Вы знали эту дѣвушку? Нѣтъ? Романъ тутъ не могъ кончится бракосочетаніемъ и произведеніемъ потомства. Эта дѣвушка должна была или сама погибнуть или погубить его. На послѣднее я, по правдѣ сказать, и разсчитывалъ, потому и интересовался ихъ отношеніями.

— Но все это предположенія. Гдѣ факты?

— Факты? Извольте. За три дня до убійства, Григорій Александровичъ былъ у меня, тоже очень взволнованный, крайне нервный. Между прочимъ онъ вынулъ изъ кармана маленькій дамскій револьверъ, тотъ самый, который былъ найденъ подлѣ Ксеніи. Онъ спрашивалъ меня, красивъ ли онъ. Я догадался, что револьверъ дала ему Ксенія, чтобы онъ покончилъ съ собой. Видимо, въ ихъ любви насталъ кризисъ. Григорій Александровичъ вертѣлъ револьверъ въ рукахъ и говорилъ, что вотъ такая маленькая штука, а можетъ причинить большую непріятность. Помню, я спросилъ его: тебѣ дала его Ксенія. Онъ посмотрѣлъ на меня своимъ темнымъ скрытнымъ взглядомъ и, сказалъ: «да, Ксенія», потомъ усмѣхнулся. Я хорошо помню его усмѣшку. Оказалось, что онъ перехитрилъ ее, мертвой оказалась она, а не онъ.

— Вы, стало быть, имѣли прямую улику противъ Григорія Александровича, почему вы не показали противъ него?

— Потому что зналъ, что вы любите его, глухо отвѣтилъ Орловъ,

— Знаете, когда вы говорите, я чувствую почему-то правоту вашихъ словъ; мнѣ самой чудится, что здѣсь было совершено нѣкое преступленіе. Но, конечно, не доводы ваши убѣ-

ждаютъ меня. Что въ концѣ концовъ значитъ этотъ маленькій револьверъ, которымъ игралъ Григорій Александровичъ, и который потомъ черезъ три дня былъ найденъ возлѣ трупа; что значитъ, этотъ необычный визитъ къ вамъ роковой ночью. Можетъ быть, это только совпаденія, можетъ быть между ними есть нѣкая внутренняя связь. Не то важно. Въ вашихъ словахъ мнѣ непонятно самое главное, что привело ихъ къ этому печальному концу, каковъ бы онъ ни былъ, какова была эта любовь, столь необычайная по вашему мнѣнію. Кто эта странная дѣвушка. Я ее совершенно не знаю. Я видѣлъ ее раза два.

— Я самъ едва ли буду въ состояніи очертить вполнѣ ясно страсти и чувства этихъ двухъ необычайныхъ любовниковъ, сказалъ Орловъ.—Я постараюсь, насколько смогу, это сдѣлать. Нужно вамъ сказать, что я тогда велъ двойственную игру и внимательно слѣдилъ, какъ за Григоріемъ Александровичемъ, такъ и за Ксеніей. Мнѣ говорить это тяжело, но, можетъ быть, лучше признаться вамъ во всемъ когда-нибудь. Я любилъ васъ глубокой и безнадежной любовью, которая питается собственнымъ отчаяніемъ, становится изобрѣтательной, хитрой и почти преступной. Моимъ соперникомъ былъ вашъ мужъ, который, какъ я видѣлъ, васъ совершенно не любитъ, который васъ совершенно недостоинъ, и для котораго вы служили только ширмой. Потому что Григорій Аленсандровичъ даже самому себѣ не хотѣлъ признаться въ своей любви къ Ксеніи и, конечно, больше всего боялся, чтобы кто-нибудь случайно не намекнулъ ему объ его отношеніяхъ. Въ этомъ почему-то онъ былъ необыкновенно робокъ и застѣнчивъ. Я, конечно, ни разу не присутствовалъ при его объясненіяхъ въ любви, но воображаю, что это должно было быть прекомично. Но я видѣлъ, что онъ ее любитъ, что любовь увлекаетъ и уноситъ его съ собой, что онъ не властенъ бороться противъ своихъ чувствъ, что отступленія ему нѣтъ.

Я это хорошо видѣлъ. Что-то роковое, темное, смутно

предчувствуемое близилось, росло, какъ грозовая туча за горизонтомъ. Какъ птицы передъ бурей безпричинно, казалось, трепетали ихъ души и ждали вихря, тьмы и молній, ждали и боялись. Я видѣлъ это. Тогда-то начались мои частыя посѣщенія Ксеніи. Какъ злоумышленникъ, я готовился къ нимъ, ибо я былъ увѣренъ что, когда-нибудь настанетъ кризисъ; необходимъ будетъ лишь слабый психическій толчокъ, и слабый упадетъ, чтобы не встать больше никогда. Настанетъ мой часъ дѣйствовать. Я его ждалъ. Я вѣрилъ, что слабымъ окажется вашъ мужъ.

— Какая гадость!—воскликнула невольно Елена Владимировна.

— Я прекрасно понимаю, съ точки зрѣнія обычной морали, я поступилъ нехорошо, скажемъ даже преступно. Но преступленіе не должно оцѣнивать только, какъ фактъ, какъ чистую внѣшность, если вы примете во вниманіе тогдашнія мои чувства, мой бредъ, глухія страсти и отраву ихъ, все, чѣмъ намъ страшна любовь безнадежная, вы будете ко мнѣ снисходительны. Когда человѣкъ любитъ—самое низкое и самое высокое просыпается въ немъ съ равной силой, у ложа его сна борятся его ангелъ хранитель и его демонъ, сказалъ одинъ философъ. Кому достанется побѣда никто не можетъ сказать. Но оставимъ эти по существу неинтересныя для васъ детали. Какъ я уже вамъ сказалъ, я часто бывалъ у Ксеніи, и хотя былъ занятъ совершенно другимъ, невольно былъ втянутъ въ кругъ вліянія этой странной, но обаятельной дѣвушки съ душой, поистинѣ, высокой и крылатой. Я часто приходилъ къ нимъ, потому что они были всегда вдвоемъ. Въ то лѣто вокругъ горѣли торфяныя болота. Въ жаркомъ воздухѣ пахло гарью. Солнце красное, какъ поздняя луна, стояло на дымномъ безоблачномъ горизонтѣ, лишь вечера несли прохладу. Въ лощинахъ поднимался туманъ, онъ вставалъ надъ рѣкой и надъ садомъ, потому что мѣсто было сырое. Въ тяжеломъ ночномъ воздухѣ смутно горѣли

лампіоны надъ столомъ въ саду, гдѣ мы обыкновенно ужинали. Мы пили вино, передъ Ксеніей тоже стоялъ бокалъ и время отъ времени она склоняла свою голову, чтобы сдѣлать глотокъ ароматной, холодной влаги. Лицо ея становилось напряженнымъ, глаза какъ-то дивно мерцали. Пристально она глядѣла на всѣ предметы, должно быть, томилась тяжкими предчувствіями. Такъ проходили часы. Поздно ночью мы расходились. Григорій Александровичъ меня всегда немного провожалъ: онъ былъ очень нервенъ и ему тяжело было оставаться наединѣ съ самимъ собой.

Какъ странно гармонировала томящаяся и скорбная душа этой дѣвушки съ окружающей ея обстановкой. Вы знаете ея помѣстье. Старая великолѣпная усадьба, барскій домъ, одинъ изъ лучшихъ памятниковъ архитектуры нашего прошлаго. Меланхолическія аллеи, луговины, бесѣдки,—дали, открывающіяся внезапно на поворотахъ, русскія печальныя равнины, пустота полей, синеватая кайма нивъ на горизонтѣ, медленная, почти неподвижная рѣка, вечерніе туманы, слишкомъ неподвижные, густые и фантастическіе. Безлюдье и тишина кругомъ. Сколько разъ я бродилъ по этому парку, движимый самыми противоположными чувствами, думая о васъ, о моей любви. И вдругъ появлялась передо мной таинственная, тихая Ксенія. Темными глазами глядѣла она на меня и мнѣ казалось, что передъ ней открыта вся моя душа и ея черный умыселъ.

И потомъ этотъ домъ, поистинѣ колдовской и демоническій. Парадныя комнаты, зала, гостиная, кабинетъ дѣдушки, все сохранившееся издавна, полное отвратительныхъ воспоминаній крѣпостного быта—уже полинявшее, состарѣвшееся, почти умирающее. И эти комнаты и комнатушки на верху, въ антресоляхъ, гдѣ никто не жилъ, которыя даже не топили, гдѣ, должно, въ лунныя зимнія ночи блуждали тѣни замученныхъ рабовъ. Каково тамъ должна была чувствовать себя Ксенія?

Здѣсь были взлелѣяны мечты о самоубійствѣ. Здѣсь пріобрѣла Ксенія ту моральную взыскательность, которая заставила ея отвергнуть любовь Григорія Александровича и предложить ему револьверъ въ качествѣ средства исцѣленія и подарка отъ милой. Остальное я предоставляю восполнить вашей фантазіи.

— Ну хотя это довольно и мало, но спасибо и на томъ,— сказала Елена Владимировна,—ѣдемъ домой.

IV.

На террасѣ, освѣщенной лампіонами, былъ накрытъ ранній деревенскій ужинъ. Близилась ночь, влажная и тихая. Занавѣсы были раздернуты и надъ листвой деревьевъ было видно небо съ рѣзкими звѣздами. Елена Владимировна и Орловъ поджидали Оболенскаго. Два раза прислуга ходила къ нему въ павильонъ. Наконецъ онъ пришелъ. Когда Елена Владимировна взглянула на него, она съ трудомъ могла узнать въ этомъ красивомъ, энергичномъ мужчинѣ того другого, которого она видѣла тамъ, въ паркѣ, на скамейкѣ, слабаго, безпомощнаго, жалкаго.

За ужиномъ велся непринужденный разговоръ, направлялъ его Оболенскій, не то, чтобы онъ самъ много говорилъ, а какъ-то умѣлъ во-время нападать на темы, давать реплики и завлекать собесѣдника.

Сама Елена Владимировна почти противъ воли много шутила и смѣялась. Она хотѣла удержать себя и наблюдать, но кто-то разсѣивалъ ея вниманіе, руководилъ волей.

Когда было подано вино и они чокнулись пѣнящимися бокалами, можно было подумать, что интимный ужинъ вполнѣ удался, прежняя дружба возстановлена среди бывшихъ друзей.

Оболенскій выпилъ съ жадностію свой бокалъ, словно онъ испытывалъ мучительную жажду, и вино подѣйствовало на

него. Елена Владимировна вдругъ почувствовала, что ея мужъ все время притворялся. Она сразу вышла изъ-подъ его скрытаго вліянія. Разговоръ прекратился. Наступила неловкая пауза. Чувства становились напряженными. Съ нѣкіимъ изумленіемъ глядѣла молодая женщина на своего мужа. Словно такимъ она его никогда не видала: такъ красивъ онъ былъ. Лицо замкнутое и важное. Она въ одно и то же время любила и ненавидѣла это лицо.

Чувствуя, что она не выдержитъ, она встала изъ-за стола.

— Хотите, я вамъ сыграю что-нибудь,—сказала она Орлову.

— Не надо думать, не надо, потомъ... убѣждала она себя, идя въ залу, окна которой были открыты на террасу. Мужчины остались одни.

Орловъ сидѣлъ на прежнемъ своемъ мѣстѣ, пилъ вино и слушалъ долетавшую до него музыку. Оболенскій ходилъ взадъ и впередъ по террасѣ. Дойдя до угла, онъ рѣзко останавливался, поворачивался и шелъ назадъ. Время отъ времени Орловъ поднималъ на него свои глаза и потомъ опять опускалъ ихъ.

Оболенскій подошелъ къ нему.

— Ты разсказалъ ей... все?—сказалъ онъ тихо.

— Все.

Григорій Александровичъ поморщился.

— Это ничего, наконецъ, — произнесъ онъ,—можетъ быть, даже лучше такъ. У меня духу не хватаетъ. Вѣдь я попрежнему люблю... Ксенію. Все попрежнему. Я почти галлюцинирую. Я ѣзжу туда, къ ней, на могилу, какъ на свиданіе. Луна свѣтитъ. Пустыня кругомъ. Я чувствую её совсѣмъ близко. Словно она выходитъ ко мнѣ съ того свѣта. Даже страшно.

— Глупости,—сказалъ Орловъ.

— Да, конечно. Но что-то неодолимое влечетъ меня туда. Я почти съ ума схожу. Елена знаетъ?

— Кажется.

Оболенскій сѣлъ на стулъ, охватилъ руками колѣна, и раскачиваясь, словно отъ внутренней боли, проговорилъ сквозь зубы:

— Худо, очень худо. Я не хочу никого обманывать. Я люблю Елену и ту другую тоже люблю. Но это пройдетъ. Я клянусь тебѣ, это пройдетъ. Вотъ луна свѣтитъ...

Онъ всталъ и попрежнему зашагалъ изъ угла въ уголъ. Орловъ наблюдалъ за нимъ.

— Знаешь, — сказалъ, наконецъ, Оболенскій,—уѣзжай. Прости, что я гоню тебя. Но я не могу. Тяжело.

— Хорошо, я уѣду.

Онъ всталъ и безшумно спустился со ступенекъ.

— Не провожай! Я найду кучера.

— Не сердись,—сказалъ ему вслѣдъ Оболенскій,—можетъ все устроится.

Онъ поднялся на террасу и съ облегченіемъ почувствовалъ себя однимъ. Въ залѣ рядомъ играла его жена. Онъ слушалъ ее однимъ краемъ уха. Глядѣлъ въ небо, въ сумракъ сада. Душой овладѣвали истома и тоска. Онъ чувствовалъ, что воля его утрачиваяется, мысли путаются.

— Ты одинъ, гдѣ же Николай Сергѣевичъ?—услышалъ онъ голосъ Елены Владимировны. Она кончила игру и вышла на террасу.

Григорій Александровичъ повернулся къ ней.

— Онъ уѣхалъ,—сказалъ онъ нерѣшительно.

— Ты выгналъ его,—воскликнула она, запальчиво. Вотъ это мило. Ты выгоняешь моихъ гостей. Какъ смѣлъ ты это сдѣлать?

— Елена, послушай,—сказалъ онъ покорно.

— Что мнѣ слушать? Я не желаю подвергаться оскорбленіямъ. Это издѣвательство. Губы ея дрожали. Онъ видѣлъ, что она еще что-то хотѣла сказать, что-то обидное и злое. Потомъ повернулась быстро, ушла.

Оболенскій не удерживалъ её; онъ остался стоять у баллю-

страды, слегка поморщился, и опять сталъ глядѣть въ небо, странные образы возникали и манили. Безвольно отдавался онъ чарамъ ночи. Когда прислуга пришла убирать со стола, онъ нервно вздрогнулъ и пошелъ къ женѣ.

Елена Владимировна, уйдя отъ мужа, бросилась на кушетку и горько заплакала. Она чувствовала себя незаслуженно и грубо оскорбленной, можетъ быть, въ первый разъ въ жизни. Она старалась побороть себя, закусывала нижнюю губу, но спазматическія рыданія противъ воли вырывались у нея изъ груди, наконецъ, мало-по-малу успокоилась. Горящими глазами она смотрѣла въ темноту, дергала и комкала въ рукахъ кружевной платокъ. Потомъ встала. Зажгла свѣчу и стала быстро раздѣваться. Она чувствовала себя очень утомленной, о будущемъ она не думала. Оно куда-то исчезло.

Она сидѣла полураздѣтая на постели, когда въ комнату вошелъ Григорій Александровичъ.

— Елена,—сказалъ онъ,—прости меня.

Онъ подошелъ къ ней, хотѣлъ взять за руку. Она быстро отдернулась.

— Ступай прочь,—воскликнула молодая женщина. Её била частая нервная дрожь. Она испытывала гнѣвъ и отвращеніе къ своему мужу.

— Ступай прочь. Поѣзжай къ своей мертвой любовницѣ. Я не держу тебя.

Рѣзкія слова, почти выкрики, подѣйствовали на Оболенскаго. Онъ отступилъ назадъ. Удивленно, почти пугливо поглядѣлъ на свою жену, безмолвно повернулся и вышелъ.

V.

— Я отомщу! Я этого такъ не оставлю. Я отомщу! Шептала угрожающе Елена Владимировна, кутаясь въ одѣяло и дрожа всѣмъ тѣломъ.

Она ясно сознавала, что мужъ измѣняетъ ей, обманываетъ.

Вдругъ образъ соперницы яркій и отчетливый возникъ передъ ея лихорадочно возбужденнымъ сознаніемъ. Она видѣла ея лицо, пристальный темный взглядъ. Снова ощущала непонятную робость и неловкость, которую она испытывала при встрѣчахъ съ этой странной и властной дѣвушкой. И теперь ей казалось, что она смотритъ на нее съ надменной улыбкой, слегка отворачиваясь.

Молодая женщина быстро вскочила съ постели. Сунула обнаженныя ступни въ туфли, накинула платье и закутала голову платкомъ. Она еще чего-то искала. Успокоилась, когда рука ея нащупала маленькій револьверъ, захваченный ею наканунѣ.

Ревность и гнѣвъ поочередно владѣли ея душой. Она знала навѣрное, что прогнанный ею мужъ уѣхалъ на свиданье, что та ждетъ его у сѣраго камня на лѣсной полянѣ.

Елена Владимировна вышла изъ комнаты, крадучись прошла черезъ домъ, спустилась съ террасы. Черезъ садъ вышла въ поле.

Было около полуночи. Луна свѣтила, какъ въ ту ночь. Кругомъ было тихо и пустынно. Слегка дымились росные кусты и травы. Сверкала впереди убѣгающая пустынная дорога.

Молодая женщина шла, почти не видя, не замѣчая окружающаго, какъ лунатикъ, охваченная внезапно вскипѣвшими чувствами. Грозила кому-то.

— Я не буду вашей ширмой и спасать я тоже не буду васъ, Григорій Александровичъ. Не на такую напали. Сумѣю за себя постоять и мстить я тоже умѣю.

Разжигаясь собственными словами, шла она быстро, почти бѣжала. Кровь ея стучала въ вискахъ и глухо разливалась въ жилахъ. Она испытывала невѣдомыя ей еще чувства рѣшимости, силы и власти.

Словно это былъ колдовской часъ, въ который все можно

для того, кто знаетъ слово. Предметы покорялись ея вліянію, границы дѣйствительности и фантастики сливались. Дикая радость выпущеннаго на волю лѣсного звѣря захватила ее. Она остановилась, чтобы перевести духъ.

Она стояла у трехъ сосенъ. Внизу лощина рѣки была вся повита туманомъ, которымъ охватывала и ближній лѣсъ, казавшійся незнакомымъ островомъ среди прозрачнаго, серебристаго озера. Прямо передъ ней вилась дорога.

Елена Владимировна стояла прислонившись къ дереву и глядѣла вверхъ на небо, въ которомъ одинокая стояла холодная луна. Воздушный просторъ былъ весь напоенъ ея лучами. Молодая женщина прислушалась: было очень тихо. Ни одинъ звукъ не долеталъ до нея. Кругомъ, казалось, была мертвая пустыня.

И вотъ ей внезапно почудилось, что земля уходитъ изъ-подъ ея ногъ. Она судорожно прижалась къ стволу дерева. Чувство движенія не измѣнилось. Предметы словно теряли свою устойчивость, начинали двигаться, удалялись, близились, скользили. Словно мимо нея неслись нѣкія смутныя видѣнія, которыя исчезали, прежде, чѣмъ она могла узнать ихъ. Весь воздухъ былъ полонъ ими. Она слышала ихъ шелестящій говоръ, подобный шопоту болотныхъ травъ подъ утреннимъ вѣтеркомъ. Ихъ движеніе становилось быстрѣе. Видимо, она была захвачена въ нѣкій колдовской круговоротъ. Старыя преданія о «Дикой охотѣ» вспомнились ей. Страхъ охватилъ ее: кто-то сжималъ горло. Она силилась очнуться и не могла.

Какъ сквозь сонъ она слышала знакомый топотъ лошади. Она видѣла, какъ прямо на нее быстро ѣхали изъ лѣса два всадника. Она тотчасъ узнала своего мужа и Ксенію. Лошади дружно шли рядомъ, почти касались другъ друга. Григорій Александровичъ страстно взиралъ на свою спутницу, которая правила въ какой-то истомѣ своимъ чернымъ конемъ. Уже было совсѣмъ близко, когда они задержали разгоряченныхъ лошадей.

Теперь они ѣхали шагомъ. Оболенскій что-то говорилъ Ксеніи, которая молча его слушала. Когда они поровнялись съ Еленой Александровной, Ксенія перевела на нее свои темные прекрасные глаза, губы ея дрогнули отъ презрительной улыбки.

Гнѣвная ярость вдругъ вскипѣла въ груди молодой женщины. Она властно протянула руку; въ лунномъ свѣтѣ сверкнулъ револьверъ и тотчасъ недобрый звукъ выстрѣла огласилъ окрестность. Далекое эхо повторило его. Елена Владимировна тотчасъ очнулась отъ страннаго очарованія, въ которомъ пребывала. Она видѣла вздыбавшуюся лошадь и на землѣ трупъ своего мужа. Пуля прошла ему черезъ сердце.

ЮГУРТА.

СОМНѢНІЯ И НАДЕЖДЫ.

„Я мыслю“ должно сопровождать всѣ мои представленія.

Кантъ.

Современное состояніе человѣчества вызываетъ скорбныя думы. Несмотря на блестящее развитіе внѣшней культуры, выражающееся въ овладѣніи силами природы и постепенномъ преодолѣніи условій конечнаго бытія, пространства и времени, духъ человѣчества, творящая субстанція его проявленій, оскудѣваетъ, разсѣивается, сведена почти на нѣтъ. Нѣтъ у современности никакихъ идеаловъ, направляющихъ дѣятельность, оправдывающихъ усилія и освѣщающихъ путь. На океанѣ Ночь.

Наука, которая такъ недавно была несомнѣнной и истинной, подверглась критикѣ, почти разложенію. Магическій кругъ, который начерталъ нѣкогда Декартъ, и въ который онъ замкнулъ духъ человѣческій, теряетъ свою силу, принципы рушатся, основы вызываютъ сомнѣнія. Любопытно, что критика идетъ не отъ враговъ науки, а отъ ея передовыхъ дѣятелей, отъ ея адептовъ. Сами ученые за послѣднее время отторгаются роковыми проблемами отъ своихъ спеціальныхъ изысканій, отъ своихъ телескоповъ и микроскоповъ, черезъ которые они наблюдали данный имъ великій и малый міръ, и направляютъ свое вниманіе на начало, принципы, основоположенія, вступаютъ, такимъ образомъ, въ издавна строгую, противорѣчивую, трудную область метафизики. Осторожные, часто педантическіе представители строгой науки, механики, химики, вдругъ обнаруживаютъ необычайную страстность и смѣлость. Критика, сомнѣніе, разрушеніе становятся почти модными. Изгоняется «истина» изъ сферы наукъ, отрицаются законы, понятія, словомъ, все, на чемъ стоитъ и безъ чего падаетъ всякая науко-сообразность. Природа—

это какъ бы дѣвственный лѣсъ, разсуждаютъ эти новые скептики, каждый изслѣдователь идетъ одинокій въ этой первобытной пустынѣ. Онъ ставитъ знакъ по тропамъ, имъ проложеннымъ. Всякій, кто пойдетъ по его слѣдамъ, дойдетъ до тѣхъ же мѣстъ, но вѣдь дорогъ всегда много, и другими путями можно дойти до того же самаго. Нѣтъ общеобязательныхъ законовъ, всѣ дѣйствія позволены, разъ они ведутъ къ цѣли, нѣтъ законовъ въ наукѣ, есть только рецепты, какъ въ новой поваренной книгѣ для этихъ дегустаторовъ смысла вселенной.

Несмотря на всю свою парадоксальность, эта критика во многомъ слишкомъ справедлива и полна значенія: вѣкъ наивнаго научнаго догматизма кончился навсегда!

Искусство лишается «стиля», если только подразумѣвать подъ стилемъ не выраженіе человѣка, а выраженіе эпохи. Стиль есть всегда нѣчто сверхъиндивидуальное, народное, историческое. Такъ, напримѣръ, въ древней Греціи, рядъ художниковъ работали въ одномъ стилѣ, преслѣдовали однѣ задачи, раздѣляли общіе вкусы. Каждый великій художникъ, Поликлетъ, Миронъ, Фидій, Пракситель, работали въ строгой преемственности, каждый рѣшалъ какую-нибудь одну проблему великаго Греческаго искусства—складки платья, подъема ноги, пропорціи тѣла и т. д. Это было одно русло, одно теченіе, одна воля, одинъ кругъ идей, и потому искусство было понятно и убѣдительно. Парѳенонъ не требовалъ комментаріевъ. То же можно сказать и объ искусствѣ японскомъ, византійскомъ, готическомъ.

Въ настоящее время искусство атомизировано, распылено. Оно становится непонятнымъ, теряетъ значеніе. Каждый артистъ говоритъ что-то о самомъ себѣ, каждый понимаетъ его по своему, слушая другихъ, слушаютъ себя. Происходитъ варварское смѣшеніе стилей, смѣсь художественныхъ цѣнностей, хаосъ формы, который, кажется, не въ силахъ передать никакихъ звѣздъ. «Великое искусство» (Grand Art), удовлетворяющее одинаково творца и созерцателя, артиста и толпу, въ настоящее время

прямо немыслимо. Его мѣсто заступило искусство лабораторное, вызывающее такое изумленіе у посѣтителей художественныхъ выставокъ. Каждый художникъ чего-то добивается, чего-то ищетъ, производитъ рядъ экспериментовъ, свои результаты онъ выставляетъ, это не картины, не статуи, а бюллетени его студіи. Можетъ быть, кто-нибудь его пойметъ, кому-нибудь онъ дастъ намекъ, его мысль отразится въ чужой мысли, появится новый бюллетень, но ни одного произведенія искусства, которое немыслимо безъ общаго русла, общихъ чувствъ, общаго разума, общей культуры, но именно культуры и нѣтъ у современности, есть только цивилизація и полиція.

Правда, въ настоящее время много говорятъ о культурѣ. Пишутъ объ ея цѣнности, значеніи обоснованія. Подобныя разсужденія нельзя читать безъ нѣкоторой ироніи. Какую цѣнность имѣетъ современная культура, основанная на лжи, уродствѣ, и насиліи. Кто можетъ сказать ей «да». Кто доволенъ? Всѣ ощущаютъ какую-то жуткую пустоту въ себѣ и вокругъ себя, единственно стремятся избавиться отъ этого кошмара, найти забвеніе времени и себя. Современные люди, подобные алкоголикамъ духа, постоянно ищутъ, вновь и вновь хотятъ обрѣсти опьянѣніе. Не будучи въ силахъ вынести настоящаго, они не въ силахъ найти лѣкарствъ и въ будущемъ. Такъ живутъ они съ постояннымъ жаломъ неудовлетворенности въ сердцѣ. Потому что культура не есть нѣкое статическое состояніе, подобное черному камню Каабы, она всегда есть процессъ, переходъ, развитіе, прогрессъ. Но въ настоящее время мы безсильны образовывать понятія творческой культуры, это намъ запрещено. Жизнь, разсуждаютъ многіе, создается слѣпыми силами, неразумными открытіями, переживаніями (ужасное слово), разумъ есть по преимуществу нѣчто пассивное, косное, лѣнивое. Мы не можемъ творить цѣнности, мы должны ихъ только регистрировать. Съ какой-то разсудительной методичностью вколачиваютъ гвозди въ гробъ человѣческаго Духа.

Нигилизмъ и символизмъ.

Совершается распадъ культуры. Нѣкія силы обостряютъ всѣ отношенія, доводя ихъ до предѣла, столкновенія, взаимнаго уничтоженія и отрицанія. Путь середины, не въ дурномъ значеніи этого слова, а въ смыслѣ объединяющаго крайности момента и реальности отвлеченныхъ полярностей, изъятъ, уничтоженъ, невозможенъ. Жизнь теряетъ свой укладъ, свой бытъ. Люди чувствуютъ себя переселенцами, лишенными прежняго отечества и не обрѣтшими отечества новаго. Надъ головами этихъ кочевниковъ пустыни колышится нѣкій туманный столбъ, лишенный формы и образа; какіе-то великіе Ничто или Нѣчто. Чудится близкой эпоха всеобщаго крушенія, послѣдняго кризиса, мірового событія. Это чувство овладѣваетъ все большими кругами. Можетъ быть, оно одно характерно для такъ называемаго «новаго сознанія». Нѣчто подобное должны были испытывать послѣдніе римляне въ пустынной роскоши своихъ виллъ, слушая однимъ ухомъ наставленія духовника-философа, а другимъ—далекій гулъ непрекращающихся битвъ на границѣ, тревожные и въ то же время слишкомъ лѣнивые, усталые отъ всѣхъ наслажденій и въ то же время лакомые до нихъ.

Одиночество, пустота, смерть и воспоминаніе, воспоминаніе, одиночество, пустота, смерть—вотъ, что досталось въ удѣлъ современнымъ людямъ. Въ душу врываются съ почти стихійной силой нигилистическія стремленія: мы чувствуемъ себя почти ничѣмъ въ великомъ Ничто міра. Бѣжать изъ этого міра—не все ли равно куда?—кажется единственнымъ выходомъ изъ положенія. Предсмертный поступокъ великаго русскаго писателя представляется достойнымъ подражанія и правдивымъ въ полномъ смыслѣ слова: бросить свой домъ, свою семью, дѣятельность, къ

которой привязанъ, крадучись, уйти неизвѣстно куда... Къ сожалѣнію, этотъ путь отрѣзанъ, потому что куда бы мы ни бѣжали, съ собою мы унесемъ сознаніе пустоты и томленіе по другимъ берегамъ. Можно сбросить съ себя иго чужое, но не свое собственное. Необходимо не переселеніе, а возрожденіе. Намъ противостоятъ не чуждыя намъ вещи, которыя всегда въ концѣ-концовъ равнодушны, и которыя получаютъ свою значимость только отъ привнесаннаго нами,—а мы сами противостоимъ себѣ. Сознаніе нашего собственнаго я ополчается противъ насъ. Его отрицаніе тяжко, потому что оно есть отрицаніе насъ самихъ.

Эта двойственность и противорѣчіе существенны, мы не можемъ принять современной культуры, науки, искусствъ, но не можемъ и просто отрицать ихъ. Испытывается странное чувство, смѣшанное изъ сознанія пустоты окружающаго и сознанія его значенія. Окружающій міръ теряетъ свою опредѣленность и однозначность, онъ становится какъ бы постояннымъ переходомъ отъ «ничто» къ «нѣчто», кажется вещь въ одно и то же время одна и другая. Нигилизмъ—переходъ въ символизмъ.

О символизмѣ писали очень много и, въ общемъ, можно считать выясненнымъ это понятіе. Подобно тому какъ въ павлиньемъ перѣ одномъ и томъ же усматривается дивное и безконечное разнообразіе красочныхъ оттѣнковъ, такъ и въ символѣ даны сліяніе и безконечный переходъ (въ одномъ и томъ же) всегда различающихся и всегда переходящихъ одно въ другое значеній. Символизмомъ преодолѣвается нигилизмъ. Черезъ него возможно утверждать то, что отрицается, и отрицать то, что утверждается. Всякій истинный символъ способенъ къ безконечному углубленію и раскрытію. Онъ—единство скрытыхъ потенцій и противоположностей, полнота ихъ и въ то же время нѣкая опредѣленность.

Исчезающій міръ получаетъ новую одушевленность. Все то

«иное невѣдомое», по чему томимся мы, и чего ищемъ, находится не внѣ враждебныхъ вещей и не въ нѣкой странѣ обѣтованной, которую можно достичь по желѣзнымъ дорогамъ, на пароходахъ или соціальными и политическими переворотами, т.-е. средствами всегда внѣшними и потому всегда недостаточными, но въ самихъ символахъ, черезъ ихъ раскрытіе, углубленіе и преображеніе.

Символъ является моментомъ объединяющимъ по преимуществу. Въ немъ сліяніе противоположнаго, въ немъ возстановленіе утраченной цѣлости и отмѣна атомизаціи и распыленія цѣнностей. Наука, понимаемая какъ символъ, требуетъ и включаетъ основы уже за-научныя, лежащія за научными аксіомами и опредѣленіями. Искусство перестаетъ быть только эстетическимъ феноменомъ, становится зеркаломъ и выраженіемъ самосущныхъ идей, культура и религія перестаютъ разсматриваться, какъ свѣтское и духовное, внѣшнее и внутреннее, а тѣснѣйшимъ образомъ соприкасаются и проникаютъ другъ друга, какъ процессъ богочеловѣческій и человѣкобожескій *.

Изъ тьмы, заблужденія и равнодушія родится нѣкая новая надежда. «Ничто», утверждаемое нигилизмомъ, становится лишь крайнимъ моментомъ, предѣломъ вѣчнаго бытія, дается возможность перехода отъ небытія и отрицанія ко всякому утвержденію, отъ реальнаго къ болѣе реальному, къ полнотѣ всѣхъ возможностей и осуществленій.

Таковы общія основныя теоріи символизма, объединяющія подъ собой разнообразныя теченія современной мысли. Ибо прошла пора, когда небольшая кучка символистовъ, для широкой публики отожествляемыхъ съ декадентствомъ, группировалась вокругъ какого-нибудь одного, почти лишеннаго подписчиковъ журнала, представляющаго для рядового читателя скорѣе пред-

* Ср. «Положительная философія» Шеллинга и «Философія исторіи» Гегеля.

метъ любопытства, чѣмъ существенный интересъ. Въ настоящее время такъ называемое «новое искусство», распространяемое въ широкихъ кругахъ, правда, въ весьма карикатурномъ видѣ, можно сказать, вошло въ обиходъ повседневности. Писатели совершенно чуждые направленію начинаютъ примѣнять формы и пріемы ихъ бывшихъ противниковъ. Въ альманахахъ и «толстыхъ» журналахъ великое смѣшеніе именъ и направленій. Въ то же время въ предѣлахъ самой школы идетъ непрерывная перегруппировка и дифференціація.

Первоначальный символизмъ былъ главнымъ образомъ эстетическимъ. Его представители относились къ символу созерцательно, привлеченные вдругъ открывшимся передъ ними многообразіемъ тамъ, гдѣ прежде видѣли лишь простое. Увидѣли, какъ оперированные слѣпорожденные, третье измѣреніе вещей, глубину тамъ, гдѣ прежде привыкли видѣть плоскость. Это дало возможность необычайнаго углубленія опыта, не выходя изъ его сферы. Самыя обыденныя явленія получили новые значеніе и интересъ.

Конечно, на первой стадіи созерцанія символа остановиться было нельзя. Человѣческій Духъ стремится всегда къ полнотѣ своихъ проявленій. Созерцаніе не даетъ удовлетворенія дѣятельной сторонѣ человѣка, его волѣ и его чувству, стремящемуся впередъ, не довольствующемуся никакимъ пассивнымъ «переживаніемъ». Переходъ отъ созерцанія къ дѣятельности, отъ образа къ реальности былъ необходимъ. Символизмъ естественно переходитъ въ миѳотворчество, которое есть раскрытіе символа.

Искусство, наука, культура, всѣ истинныя устремленія и велѣнія человѣка могутъ быть оправданы, приняты, поняты лишь черезъ свое отношеніе къ верховному принципу—Ens realissimum. Только въ безусловномъ находитъ успокоеніе человѣческій Духъ. Въ этомъ разумъ вполнѣ согласуется съ требованіями сердца.

Къ сожалѣнію, это вполнѣ справедливое и закономѣрное требованіе не можетъ быть исполнено. Оно предполагаетъ для

своего рѣшенія рядъ теоремъ и предположеній, не могущихъ стать доказанными.

Какъ я уже сказалъ, порубежной чертой, отдѣляющей современное сознаніе отъ стараго, является чувство нѣкоего небытія, лишенности, пустоты, основныя цѣнности утрачиваются, становятся проблематическими. И въ символахъ мы окружены гораздо скорѣе проблемами, чѣмъ вещами. Сколько бы мы ни употребляли символъ—всегда передъ нами встаетъ вопросъ «что?»—и мы напрасно ждемъ послѣдняго рѣшенія. Если воспользоваться примѣромъ, то можно сказать, что символизмъ для насъ, конечно, не только узоръ іероглифовъ, который можетъ стать предметомъ любованія, просто какъ орнаментъ, у насъ есть чувство его священности и іератичности. Но ключъ къ священнымъ письменамъ утерянъ. Россетскій камень, открывающій внутренній смыслъ написаннаго, еще не найденъ. Стѣна для насъ остается нѣмой. Мы можемъ вдохновенно строить предположенія, но кто ручается за ихъ истинность?

Рѣшеніе, принятое весьма многими въ настоящее время, по существу не выдерживаетъ критики: нужно открыть свою душу таинству природы—и реальность вещей войдетъ въ насъ, нужно сдѣлать свою душу пластичной, готовой воспринять всѣ формы, нѣкимъ лономъ откровенія, отказаться отъ собственнаго «я». Словомъ, это символизмъ женственный, какъ первоначально былъ символизмъ эстетическимъ.

Современная культура женственна по существу.

Das ewig Männliche отсутствуетъ въ ней *. Пустота, обрѣтаемая въ мірѣ, готова ворваться въ наше собственное «я». Въ насъ самихъ мы открываемъ хаосъ и небытіе. Отсюда отказъ отъ собственной индивидуальности, повтореніе Августи-

---

* Вольфингъ—Модернизмъ и музыка.

новскаго transcende te ipsum. Снова утверждаются старыя пессимистическія формулы о злѣ индивидуальнаго начала, объ отреченіи отъ «я».

Но такой путь по существу немыслимъ. Самосущныя реальности никогда не даны, а всегда заданы. Не «психея» открываетъ намъ логосъ міра, а геній. Не душа, а Духъ, ибо подобное познается подобнымъ, какъ сказалъ уже Эмпедоклъ, посвященный въ таинства.

«Я» и синтетическая культура.

Несмотря на недавно пережитый періодъ остраго индивидуализма, понятіе личности далеко не понято и не достаточно оцѣнено современнымъ сознаніемъ. Съ одной стороны личность понимается, какъ начало, исключающее и противоположное другимъ личностямъ, народу и человѣчеству. Индивидуализмъ въ этомъ смыслѣ, кажется, исключаетъ общечеловѣческія нормы, обязательства и идеалы. Съ другой стороны, ложное понимается, какъ «субъективное», и противополагается всему объективному, реальному сущему. При такомъ пониманіи «я» есть нѣчто пустое, обманчивое и ложное. Principium individuationis кажется принципомъ зла. Необходимы преодолѣніе его, переходъ и раствореніе себя въ чемъ-то болѣе существенномъ и цѣлостномъ. Нужно помнить, что подобныя разсужденія страдаютъ крайней отвлеченностью и ограниченностью. Реальная личность прежде всего связана съ своей психической средой, которая отражается въ ней, какъ въ живомъ зеркалѣ. Содержимое личнаго начала всецѣло зависитъ отъ воспитанія и исторіи, т.-е., отъ другихъ личностей, отъ народа и человѣчества. Видѣть непроходимую пропасть между «я» и «ты» невозможно, въ нихъ данъ непрерывный переходъ черезъ многообразіе взаимныхъ вліяній.

Точно такъ же противоположеніе реальнаго субъективному (столь модная послѣ Канта теорія) является невозможнымъ: реальное есть прежде всего всегда индивидуальное, которое въ послѣднемъ своемъ развитіи даетъ личность. Поэтому говорить о душахъ камней, растеній и звѣрей гораздо менѣе нелѣпо, чѣмъ о реальности такихъ понятій, какъ время, пространство, движеніе. Конечно, не существуетъ времени вообще, пространства вообще, а только данное время, данное пространство, данное индивидуальное движеніе. По слову Лейбница, actiones sunt suppositorum. Условіемъ реальности являются въ послѣднемъ счетѣ субъективныя, индивидуальныя формы (Аристотель), монады (Лейбницъ), а не общіе отвлеченные принципы. Поэтому «я» есть послѣднее и наиболѣе завершенное выраженіе реальности. Въ немъ всѣ эоны, всѣ глубины небесныя. Вполнѣ реальны и правомѣрны такія попытки, какъ, напр., философія Фихте, дедуцировать изъ единаго понятія „я" всю реальность, воздухъ и свѣтъ.

Личность такимъ образомъ, не есть нѣчто простое, а весьма сложное. Прежде всего нужно отличать «я» матеріальное. Это объектъ внутренняго опыта каждаго и всѣхъ. Это «я» въ настоящее время очень осложнено, гипертрофировано. Внутренній опытъ нашъ весьма обширенъ. Мы знаемъ и идеально черезъ исторію пережили рядъ смѣняющихся культуръ, зачастую діаметрально противоположныхъ, у насъ развита психическая пластика, позволяющая вливаться въ любыя формы, жить подъ всѣми широтами, лакомиться на всѣхъ жизненныхъ пирахъ. Эта привычка обращается зачастую въ страсть. Мы ищемъ все новыхъ и новыхъ опытовъ, любимъ экзотическое, острое, пряное, еще неизвѣданное. Это женственное начало нашего «я», оно приспособляется и пріемлетъ формы вещей. Въ этой воспріимчивости начало современнаго кризиса. Различные опыты не слагаются воедино никакимъ творческимъ и преображающимъ дѣйствіемъ, и сосуществуютъ рядомъ, какъ остатки прошлаго въ алахъ историческаго музея.

Отъ матеріальнаго «я» должно различать «я» формальное, которое есть первое проявленіе мужественнаго начала въ насъ. «Я» формальное является условіемъ матеріальнаго, черезъ него дается возможность соединенія различныхъ опытовъ въ одномъ сознаніи; чтобы нѣчто созналось, стало «моимъ», оно должно быть отнесено къ моему «я», безъ этого оно должно явиться совершенно чуждымъ мнѣ, неосознаннымъ. Какъ бы великъ ни былъ радіусъ круга, все-таки онъ кажется въ одной точкѣ въ центрѣ круга. Когда центръ исчезаетъ, сознаніе уничтожается, получается двойное «я», безуміе, хаосъ, тьма. Поэтому формальное «я» есть первый синтезъ многообразнаго. Это знаютъ кантіанцы и въ этомъ ихъ истина. Вышесказанное нужно понимать въ послѣднемъ, самомъ глубокомъ смыслѣ.

Задачей современности является перейти къ болѣе глубокому синтезу, чѣмъ тотъ, который данъ черезъ «я» формальное: иначе, опытъ въ своемъ развитіи рано или поздно разовьетъ сковавшую его форму. Современной культурѣ грозитъ безуміе. Должно пробудить Духъ человѣка, таинственное, далеко неопознанное, почти чуждое намъ начало. Рядомъ положенныя начала жизни, многообразные опыты и испытыванія должны быть синтеризованы однимъ актомъ. Для этого они должны быть выведены изъ своего статическаго состоянія «переживаній», должны получить дѣйствительность и силу. Мы должны не просто созерцать и испытывать ихъ, но и жить ими. Въ своемъ движеніи они необходимо столкнутся между собой, и, переставая быть равнодушными другъ для друга, уничтожатся и сольются въ чемъ-то третьемъ, единомъ и цѣлостномъ.

Und Solang'du dies nicht hast,
Dieses stirb und werde
Bist du nur ein trüber Gast
Auf der dunklen Erde.

Въ основѣ всѣхъ синтезовъ лежитъ единый актъ «огненный вихрь и слово» нашего сокровеннаго «я», творящаго и преобразующаго. Воззвать къ нему есть великая задача: частныя и отдѣльныя рѣшенія не могутъ овладѣть проблемами осложнившейся жизни. Потенціи современности должны быть изжиты въ одномъ единствѣ.

Чтобы уяснить себѣ трудности и опасности такой «синтетической» культуры, мы можемъ привести нѣкоторые историческіе примѣры, культуру 17 вѣка въ Европѣ и культуру Александріи первыхъ вѣковъ нашей эры.

Эпоха Возрожденія устранила строй и основы средневѣкового міросозерцанія: открыла и расширила личный опытъ и раздвинула предѣлы самаго міра, въ то же время она не создала органической культуры, произвела лишь кризисъ и броженіе силъ. Поэтому Ренесансъ въ одно и то же время является эпохой расцвѣта и эпохой упадка. Отсюда гибель Ренесанса. Трагизмъ творчества Микель-Анджело, который тщетно боролся за объединеніе. Въ 17 столѣтіи Декартъ начинаетъ новый міръ, въ которомъ мы до сихъ поръ живемъ и вращаемся. Въ Декартѣ сливаются бл. Августинъ съ Галилеемъ, онтологизмъ съ мистическимъ міросозерцаніемъ, принципъ личности и созданіе объективной науки.

Гораздо глубже и значительнѣе представлена «синтетическая культура» въ Александріи первыхъ вѣковъ по Р. Х. Эллинизмъ лишалъ человѣчество творческихъ силъ, привелъ въ столкновеніе Востокъ и Западъ, которые въ своемъ вліяніи взаимно уничтожали другъ друга. Начиналась эпоха статической пустоты, неподвижности и разложенія, вырожденіе грека въ graeculus'a. Въ Александріи полярныя силы вышли изъ своего равновѣсія и впервые забродило новое вино. Черезъ проникновеніе, борьбу и претвореніе культуръ греческой, іудейской и египетской подготовился великій синтезъ Христіанства.

На примѣрахъ переворотовъ исторіи мы можемъ убѣдиться,

что простое уничтоженіе и отрицаніе отдѣльныхъ сторонъ бытія не удовлетворяетъ, выясняется необходимость и нужда объединенія, утвержденія не различія сходнаго, а тожества различнаго. Такъ, напримѣръ, нельзя просто отрицать такъ называемаго чистаго искусства въ угоду морали, общественности и даже религіи, ибо мнится, что это ложная культура, изъ которой изъяты красота и творческое преображеніе жизни. Нельзя отрицать науку, логику и метафизику въ угоду мистикѣ и откровенію, ибо разумнымъ должно быть содержаніе Божественнаго Разума, и обратно, нелѣпо утверждать лишь внѣшнее тѣло міра, отрицая его живую и творческую Душу.

Такое принятіе на себя противорѣчій и противоположностей есть, конечно, отвѣтственная и трудная задача. Потому что общее здѣсь не дано, какъ въ математикѣ анализомъ, а производится творческимъ актомъ по аналогіи съ химическимъ процессомъ. Общее намъ не дается, а задается. Въ горнило нашего Духа должно бросить цѣнности современной культуры и выплавить изъ нихъ еще невѣдомый намъ самимъ, незнаемый Пиронъ.

Можетъ быть, весьма многіе сочтутъ мои слова за проповѣдь худо скрытаго, всегда неудовлетворительнаго эклектизма. Но это не такъ. Мной утверждается, по крайней мѣрѣ, одно единство, единство метода, который состоитъ въ сліяніи и совпаденіи противоположностей. Мнѣ кажется, что задачей современности является не столько усмотрѣніе существенныхъ различій всѣхъ вещей, сколько утвержденіе единства при всѣхъ различіяхъ. Конечно, здѣсь не мѣсто описывать логическій составъ этого метода. Моей задачей было лишь указать хотя бы въ весьма краткой и схематичной формѣ, внутреннія, субъективныя условія осознанія этого метода, ту психическую атмосферу, въ которой созрѣваетъ новая мысль, тотъ внутренній опытъ, безъ котораго немыслимо никакое a priori.

Въ началѣ моей статьи я сказалъ «на океанѣ ночь». Спрашивается, что можетъ вывести изъ этой тьмы, гдѣ моя надежда? Хотя отвѣтить на этотъ вопросъ въ краткой формулѣ очень трудно, ибо всѣ слова чрезвычайно заросли какой-то плѣсенью, затемняющей и извращающей ихъ истинный смыслъ, но я всетаки долженъ это сдѣлать: Разумъ-Vernunft-νοῦς и путь его: познаніе-γνῶσις. Не моя вина, если меня будутъ упрекать въ «разсудочности» и въ «интеллектуализмѣ», здѣсь нѣтъ ни того, ни другого. Я знаю, въ себѣ самомъ человѣкъ обрѣтаетъ свой кремль. «Я» есть «Я».

ВЛАДИСЛАВЪ ХОДАСЕВИЧЪ.

РУССКАЯ ПОЭЗІЯ.

ОБЗОРЪ.

I.

Внутреннее развитіе той поэтической школы, которая возникла у насъ въ девяностыхъ годахъ минувшаго столѣтія и извѣстна подъ именами «декадентства», «модернизма» и «символизма» (въ узкомъ значеніи слова), — надо признать законченнымъ. Отдѣльные ея представители дадутъ, конечно, еще не мало прекрасныхъ произведеній, но врядъ ли прибавятъ какія-либо существенно новыя черты къ сложившемуся уже облику школы.

Ея историческая роль еще далеко не сыграна. Можно сказать, что она едва начинается. Мы не беремся предугадать, по какому пути пойдетъ отнынѣ русская поэзія, но несомнѣнно лишь то, что судьба ея уже передается въ руки слѣдующаго поколѣнія.

Нечего и говорить о первыхъ шагахъ Бальмонта, о раннихъ стихахъ Брюсова и Зинаиды Гиппіусъ, о творчествѣ Коневского и Добролюбова: для молодежи, едва вступающей на поэтическое свое поприще, даже времена «Скорпіона» и «Вѣсовъ»— уже исторія. Начинающіе поэты изучаютъ Брюсова, какъ нѣкогда Брюсовъ изучалъ Баратынскаго. Учатся они вообще добросовѣстно, но чему будутъ учить сами—неизвѣстно. Ихъ самостоятельныя слова всѣ еще въ будущемъ.

Подводить итоги прошлому—не наша задача. Для предсказаній будущаго у насъ слишкомъ мало данныхъ. Поэтому—да не посѣтуетъ читатель, если статья наша явится лишь обзоромъ наиболѣе примѣчательныхъ стихотворныхъ сборниковъ, вышед-

шихъ за послѣдніе два года, т.-е. за тотъ періодъ, когда успѣлъ возникнуть и до нѣкоторой степени опредѣлиться такъ-называемый «футуризмъ», — теченіе, въ которомъ одно время видѣли возможнаго преемника нынѣ господствующей школы.

2.

Безспорно одна изъ самыхъ значительныхъ книга за этотъ періодъ — «*Cor ardens*» Вячеслава Иванова [1]). Въ 1912 г. вышелъ второй томъ ея, завершающій собраніе стиховъ, писавшихся приблизительно въ теченіе послѣднихъ семи лѣтъ, т.-е. какъ разъ въ тѣ годы, когда творчество поэта наиболѣе привлекало къ себѣ вниманіе цѣнителей поэзіи.

Теперь, когда всѣ эти стихи, ранѣе появлявшіеся частями въ альманахахъ и періодическихъ изданіяхъ, собраны вмѣстѣ, «Cor ardens» хочется сравнить съ венеціанскимъ соборомъ св. Марка. Не вѣрится, что эта книга — созданіе одного человѣка; кажется, будто она, подобно венеціанскому собору, слагалась вѣками, что каждая деталь ея имѣетъ свою собственную исторію, совершенно обособленно протекавшую вплоть до того момента, когда воля поэта, объединивъ всѣ эти детали, заставила ихъ образовать одно цѣлое. Эллинскій диѳирамбъ — и вѣнокъ сонетовъ; «духовные стихи» — и стихи «въ старо-французскомъ вкусѣ»; повѣсть о «дѣвственно-супружеской четѣ V вѣка» — и стихотвореніе, внушенное картиной К. Сомова: все совмѣщается въ этой книгѣ, слагаясь въ стройное цѣлое. Обломки умершихъ вѣковъ оживаютъ, становясь частью вновь воздвигаемаго зданія.

Книга Вячеслава Иванова поражаетъ разнообразіемъ мотивовъ и сложностью построенія. Она раздѣлена на два тома. Тома дѣлятся на «книги». Книги — на отдѣлы, въ свою очередь дѣлящіеся иногда на подотдѣлы. Нѣкоторые изъ книгъ, отдѣ-

---

[1]) Вяч. Ивановъ. Cor ardens. Ч. I. М. 1911. К-во «Скорпіонъ». Ч. II. М. 1912. К-во «Скорпіонъ». Ц. за оба тома 3 р. 50 к.

ловъ и подотдѣловъ имѣютъ самостоятельные прологи, посвященія и эпилоги. Въ «Cor ardens» собрано все, что когда-либо привлекало вниманіе автора—одного изъ самыхъ образованныхъ нашихъ современниковъ.

Богатство эрудиціи позволило ему сдѣлать свою книгу собраніемъ поэтическихъ цѣнностей, какъ денежное богатство венеціанцевъ дало имъ возможность превратить свой соборъ въ сокровищницу, накоплявшуюся столѣтіями. Готическія и арабскія колонны, мозаики X и послѣдующихъ вѣковъ, обломки античныхъ рельефовъ, бронзовые кони императорскаго Рима и созданія Сансовино—вся эта гора золота, бронзы и мрамора составляетъ то, что зовется соборомъ св. Марка.

Можно ли, перечисляя прекраснѣйшія созданія искусства, умолчать о San Marco? Нельзя. Но съ другой стороны—кто сумѣетъ опредѣлить эпоху художественныхъ исканій, которая бы завершалась созданіемъ этого памятника, или другую эпоху, которая бы съ него начиналась? Въ San Marco заключена художественная исторія вѣковъ, которые были старше его. Но исторію вѣковъ послѣдующихъ онъ не измѣнилъ ни на іоту. Стиля, который могъ бы назваться его именемъ, не существуетъ и не могло существовать. Продолжателей у него не было.

Точно такъ же, какъ и San Marco, творчество Вячеслава Иванова неизбѣжно войдетъ въ исторію, но если и вызоветъ наивныя подражанія, то не будетъ имѣть продолжателей.

Нѣтъ надобности говорить о совершенствѣ, съ какимъ Вячеславъ Ивановъ владѣетъ формой стиха: оно общеизвѣстно. Въ «Cor ardens» встрѣчаются образцы чуть ли не всѣхъ метровъ и строфъ, отъ древне-греческихъ до т. н. «свободнаго стиха».

Вслѣдъ за «Cor ardens» вышла еще одна книга Вячеслава Иванова, «Нѣжная тайна» [1]), сборникъ лирическихъ стиховъ и дру-

---

[1]) Вячеславъ Ивановъ. Нѣжная Тайна. Лепта. СПБ. 1912. Изд. «Оры». Ц. 1 р. 25 к.

жескихъ посланій, написанныхъ за послѣднее время. Но стихотворенія, составляющія эту книгу, могли бы свободно войти въ предыдущую, не нарушивъ ея цѣльности и въ свою очередь ничего не теряя. Поэтому все сказанное выше, можетъ относиться и къ «Нѣжной тайнѣ».

3.

Валерій Брюсовъ, ранѣе Вячеслава Иванова вступившій на поэтическое поприще, до сихъ поръ остается гораздо болѣе близкимъ современности. Одинъ изъ начинателей «новой поэзіи», съ неколебимымъ мужествомъ вынесшій на своихъ плечахъ всѣ нападки отечественной критики какъ за свои, такъ и за чужія провинности, поэтъ, сумѣвшій собрать и объединить вокругъ «Вѣсовъ» всѣ лучшія литературныя силы,—Брюсовъ и донынѣ, несмотря на всеобщее признаніе, не устаетъ жить и работать, ища для своего творчества новыя темы, новые образы, новые способы выраженія.

Идутъ года. Но съ прежней страстью,
Какъ мальчикъ, я дышать готовъ
Любви неотвратимой властью
И властью огненной стиховъ.

Эти строки можно поставить эпиграфомъ къ его послѣдней книгѣ [1]). Въ нихъ отражена и неутомимая жизнедѣятельность поэта, и излюбленный имъ мотивъ соединенія жизни съ поэзіей, любви—со стихами. Это соединеніе отмѣчалось уже не разъ—и всегда было освѣщено невѣрно. Враждебная критика любитъ упрекать Брюсова въ томъ, что онъ всегда и вездѣ остается литераторомъ. Какой вздоръ! Почему поэту разрѣшается писать

---

[1]) Валерій Брюсовъ. Зеркало тѣней. Стихи 1909—1912 гг. М. 1912. К-во «Скорпіонъ». Ц. 2 руб.

стихи, работать надъ ними всю жизнь—но воспрещается любить ихъ? Точнѣе: почему эта любовь не можетъ служить такою же темою стиховъ, какъ любовь къ женщинѣ или природѣ? Поэзія сама по себѣ есть источникъ глубочайшихъ и чистѣйшихъ переживаній. Настоящій поэтъ отличается отъ диллетанта именно тѣмъ, что стихи, собственные и чужіе, совершенно опредѣленно составляютъ главную любовь его жизни. Поэтъ долженъ быть литераторомъ. Геній всеобъемлющій, Пушкинъ, вмѣщалъ въ себѣ и это качество. Заботами о родной литературѣ наполнены его письма. Борьбѣ литературныхъ партій отдавалъ онъ не малую долю своихъ силъ.

Любовь къ литературѣ, къ словесности—одно изъ прекраснѣйшихъ свойствъ Брюсовской музы. Въ «Зеркалѣ тѣней» онъ говоритъ объ этой любви откровеннѣе и увѣреннѣе, чѣмъ когда-либо, и группируетъ стихи по отдѣламъ, озаглавленнымъ цитатами изъ любимыхъ авторовъ. Ему радостны воспоминанія о самомъ процессѣ творчества:

Я тебѣ посвятилъ умиленныя пѣсни,
Вечерній часъ!
Эта тихая радость, воскресни, воскресни
Еще хоть разъ!

Брюсовъ вообще часто ссылается на свои прежніе стихи или намекаетъ на нихъ, именно потому, что моменты творчества для него самые острые, самые достопамятные въ жизни. Ихъ-то онъ переживаетъ не «литературно». Я позволю себѣ полностью привести лучшее стихотвореніе въ «Зеркалѣ тѣней».

ПОЭТЪ—МУЗѢ.

Я измѣнялъ и многому и многимъ,
Я покидалъ въ часъ битвы знамена,
Но день за днемъ твоимъ велѣньямъ строгимъ
Душа была вѣрна.

Заслышавъ зовъ, ласкательный и властный,
Я трудъ бросалъ, вставалъ съ одра, больной,
Я отрывалъ уста отъ ласки страстной,
Чтобъ снова быть съ тобой.

Въ тиши полей, подъ нѣжный шопотъ нивы,
Овѣянъ тѣнью тучекъ золотыхъ,
Я каждый трепетъ, каждый вздохъ счастливый
Вмѣстить стремился въ стихъ.

Во тьмѣ желаній, въ мукѣ сладострастья,
Ввѣряя жизнь безумью и судьбѣ,
Я помнилъ, помнилъ, что вдыхаю счастье,
Чтобъ разсказать тебѣ!

Когда стояла смерть, въ одеждѣ черной,
У ложа той, съ кѣмъ слиты всѣ мечты,
Сквозь скорбь и ужасъ я ловилъ упорно
Всѣ миги, всѣ черты.

Измученъ долгимъ искусомъ страданій,
Лаская пальцами тугой курокъ,
Я счастливъ былъ, что изъ своихъ признаній
Тебѣ сплету вѣнокъ.

Не знаю, жить мнѣ много или мало,
Иду я къ свѣту иль во мракъ ночной,
Душа тебѣ быть вѣрной не устала,
Тебѣ, тебѣ одной!

Сказаннымъ, разумѣется, далеко не исчерпывается содержаніе «Зеркала Тѣней». Такъ, въ отдѣлѣ «Неизъяснимы наслажденья» поэту удалось глубоко заглянуть въ очарованіе магическихъ силъ, влекущихъ насъ къ гибели, «въ омутъ тайны соблазнительной»,—будетъ ли то «демонъ самоубійства» или иной демонъ, владѣющій ключами «искусственнаго рая». Въ циклѣ, озаглавленномъ «По торжищамъ», данъ рядъ образовъ современности, остро пережитыхъ и увѣренно воплощенныхъ. Въ общемъ надо признать, что «Зеркало Тѣней», не начиная

въ творчествѣ Валерія Брюсова какого-либо новаго періода, является все же прекрасной и значительной книгой. Съ радостью видя, что поэтъ далеко не пережилъ еще расцвѣта поэтическихъ своихъ силъ, мы надѣемся, что онъ исполнитъ обѣщаніе, которое далъ недавно: «Время снова мнѣ стать ученикомъ!»

4.

Въ литературныхъ кругахъ Москвы слова о «вѣчной юности» Бальмонта давно сдѣлались общимъ мѣстомъ. Но съ каждой новой книгой его приходится съ огорченіемъ убѣждаться, что слова эти вѣрны только до тѣхъ поръ, пока имѣется въ виду дѣйствительно неизсякаемая способность поэта писать, писать и писать. Его послѣдняя книга, «Зарево зорь» [1]), была бы очень хороша, если бы не принадлежала Бальмонту. Напиши ее кто угодно другой, нужно было бы радоваться сборнику, содержащему не мало красивыхъ стиховъ. Но на обложкѣ стоитъ: Бальмонтъ—и неизбѣжно вспоминаешь «Горящія зданія», «Будемъ какъ Солнце» или «Только любовь». Сравненіе оказывается прискорбнымъ. Тамъ, гдѣ Бальмонтъ повторяетъ самого себя, встрѣчаемъ стихи очень хорошіе, но какъ будто уже извѣстные. Таковы—«Въ лѣсу», «Мирра», «Гдѣ бъ я не странствовалъ», «Прекраснѣй Египта». Но тамъ, гдѣ онъ хочетъ быть новымъ, чувство мѣры ему измѣняетъ, изобиліе «поэтическихъ» словъ ведетъ къ угнетающимъ прозаизмамъ. Вотъ, напримѣръ, строки, посвященныя тигру:

Ты, крадущійся къ утѣхамъ
Растерзанія другихъ,
Ты съ твоимъ пятнистымъ мѣхомъ,
Я дарю тебѣ мой стихъ.

---

[1]) К. Д. Бальмонтъ. «Зарево зорь». М. 1912. К-во «Грифъ». Ц. 1 руб.

Чунгъ—зовутъ тебя въ Китаѣ,
Багъ—зоветъ тебя Индусъ,
Тигръ—сказалъ я, бывши въ Раѣ,
Измѣнять—я не берусь... и т. д.

Искреннее увлеченіе, съ какимъ Бальмонтъ пишетъ такіе стихи, воистину, заставляетъ думать о вѣчной юности. Но самые стихи говорятъ о другомъ.

Кромѣ Вячеслава Иванова, Валерія Брюсова и К. Бальмонта сборникъ своихъ стиховъ издалъ еще одинъ поэтъ старшаго поколѣнія—Юргисъ Балтрушайтисъ [1]). Къ сожалѣнію, стихи «Горной тропы» всегда лучше задуманы, чѣмъ исполнены. Ихъ содержаніе мало связано съ формой, съ ритмомъ, не вліяетъ на выборъ эпитетовъ,—и выходитъ какъ-то такъ, что стихъ—самъ по себѣ, а мысль, заключенная въ немъ—сама по себѣ. Ни у кого изъ современныхъ поэтовъ форма такъ рѣзко не отдѣлена отъ содержанія, какъ у Балтрушайтиса. Для его стиховъ нѣтъ внутренней необходимости быть стихами, звучать именно такъ, а не иначе. Они могли бы быть написаны прозой—и ничего бы не потеряли отъ этого. Отдавая должное внутреннему благородству поэзіи Балтрушайтиса и значительности нѣкоторыхъ высказанныхъ въ ней мыслей, нельзя все-таки не признать, что это еще не совсѣмъ поэзія.

5.

Изъ тѣхъ кто идетъ на смѣну, если не наиболѣе цѣнны, то наиболѣе шумны выступленія группы молодыхъ авторовъ, объединившихся въ такъ называемый «Цехъ поэтовъ». Они выступаютъ цѣлою школою и, кажется, совершенно увѣрены, что отнынѣ поэтическая гегемонія переходитъ въ ихъ руки.

---

1) Юргисъ Балтрушайтисъ. «Горная тропа». Вторая книга стиховъ. М. 1912 г. К-во «Скорпіонъ». Ц. 1 р. 25 к.

Вожди этой группы, Сергѣй Городецкій и Н. Гумилевъ, выступили на страницахъ журнала «Аполлонъ» со статьями, долженствующими отмежевать ихъ новую «акмеистическую» (иначе— «адамистическую») школу отъ символизма.

Статьи писаны наспѣхъ. Сбиваясь и противорѣча самимъ себѣ, «мастера» новаго цеха успѣли объяснить только то, что символизмъ, «заполнивъ міръ соотвѣтствіями, обратилъ его въ фантомъ, важный лишь постольку, поскольку онъ сквозитъ и просвѣчиваетъ иными мірами». Акмеизмъ же есть «борьба за этотъ міръ, звучащій, красочный, мѣняющій формы, вѣсъ и время, за нашу планету Землю».

Такъ пишетъ Сергѣй Городецкій. Но его собственные стихи изданные уже въ 1913 году [1]), компрометируютъ всю школу:

Опять бѣжалъ смятенный,
Дорогой какъ стрѣла,
Плылъ городъ многостѣнный,
Заря закаты жгла.

Навстрѣчу плыли лица,
О, лица ли?—Лишь разъ
Блеснула мнѣ зарница
Изъ темныхъ-темныхъ глазъ.

И женщины навстрѣчу,
О, женщины ли?—шли,
Мнѣ все казалось: встрѣчу
Средь нихъ и Смерть Земли.

На маскахъ правда муки
И жалкій, смятый смѣхъ,
И связанныя руки
У всѣхъ, у всѣхъ, у всѣхъ!

---

[1]) Сергѣй Городецкій. Ива. Пятая книга стиховъ. Спб. 1913 г. К-во «Шиповникъ». Ц. 2 руб.

Стихи плохи, конечно, но дѣло еще не въ томъ. Это ли не добрый старый символизмъ, творящій фантомъ изъ міра, въ которомъ «плывутъ» города и лица (да еще «лица ли»?), въ которомъ среди женщинъ (да еще «женщинъ ли»?) можно встрѣтить смерть? Что же, какъ не фантомъ—этотъ міръ, населенный *масками?*

Такихъ символическихъ рудиментовъ, какъ это стихотвореніе, въ книгѣ Сергѣя Городецкаго сколько угодно. Здѣсь нѣтъ, пожалуй, большой бѣды: Городецкій былъ «мистическимъ анархистомъ» и даже удивлялся, какъ можно не быть имъ; Городецкій былъ «миѳотворцемъ»; Городецкій былъ, кажется, и «мистическимъ реалистомъ». Все это проходило, забывалось. Теперь Городецкій акмеистъ. Вѣроятно, пройдетъ и это. Но бѣда въ томъ, что Сергѣй Городецкій, на котораго возлагалось столько надеждъ, написалъ плохую книгу, доброй половиной которой обязанъ уже не себѣ, а вліянію Андрея Бѣлаго, что само по себѣ тоже не «адамистично».

«Ива» писана кое-какъ, спустя рукава, словно все дѣло было въ томъ, чтобы написать побольше. Появилась ненужная реторика, безалаберная разстановка словъ, повтореніе самого себя, избитые, затасканные образы. Очень ужъ не народны эти стихи, которымъ такъ хочется быть народными. Ихъ сочинялъ петербургскій литераторъ для книгоиздательства «Шиповникъ». За всѣми его «Странниками» и «Горшенями» очень ужъ много чувствуется размышленій о Россіи и мало ея подлинной жизни. Не таковъ былъ Сергѣй Городецкій, когда писалъ «Ярь», не таковъ онъ былъ въ «Перунѣ». И только начиная съ «Дикой Воли» при чтеніи его стиховъ стало навертываться роковое словечко «скука», равно убійственное и для акмеистовъ, и для символистовъ.

Если Сергѣй Городецкій огорчаетъ, то другой мастеръ того же «цеха» радуетъ: послѣдняя книга Н. Гумилева «Чужое Небо» [1]) выше всѣхъ предыдущихъ. И въ «Пути Конквистадо-

---

[1]) Н. Гумилевъ. Чужое Небо. Третья книга стиховъ. Изд. журн. «Аполлонъ». Спб. 1912 г. Ц. 1 р.

ровъ», и въ «Романтическихъ цвѣтахъ», и въ «Жемчугахъ» было словъ гораздо больше, чѣмъ содержанія, и ученическихъ подражаній Брюсову—чѣмъ самостоятельнаго творчества. Въ «Чужомъ Небѣ» Гумилевъ какъ бы снимаетъ, наконецъ, маску. Передъ нами поэтъ интересный и своеобразный. Въ движеніи стиха его есть увѣренность, въ образахъ содержательность, въ эпитетахъ—зоркость. Въ каждомъ стихотвореніи Гумилевъ ставитъ себѣ ту или иную задачу и всегда разрѣшаетъ ее умѣло. Онъ уже не холоденъ, а лишь сдержанъ, и подъ этой сдержанностью угадывается крѣпкій поэтическій темпераментъ.

У книги Гумилева есть собственный обликъ, свой цвѣтъ, какъ въ отдѣльныхъ ея стихотвореніяхъ—самостоятельныя и удачныя мысли, точно и ясно выраженныя. Лучшими стихотвореніями въ «Чужомъ Небѣ» можно назвать «Дѣвушкѣ», «Она», «Любовь», «Оборванецъ». Поэмы слабѣе мелкихъ вещей, но и въ нихъ, напр., въ «Открытіи Америки», есть прекрасныя строки. Самое же хорошее въ книгѣ Гумилева то, что онъ идетъ впередъ, а не назадъ.

Изъ другихъ авторовъ, примкнувшихъ къ «цеху», должно отмѣтить Анну Ахматову [1]). Но говоря о ея книгѣ, придется повторить то, что уже сказано другими: г-жа Ахматова обладаетъ дарованіемъ подлиннымъ и изящнымъ, стихъ ея легокъ, пріятенъ для слуха. Въ мірѣ явленій поэтесса любитъ замѣчать его милыя мелочи и умѣетъ говорить о нихъ. «Я сошла съ ума, о мальчикъ странный, въ среду, въ три часа». «Прудъ лѣниво серебрится, жизнь поновому легка; кто сего дня мнѣ приснится въ легкой сѣткѣ гамака?» Это едва ли не лучшія строки Анны Ахматовой. Во всякомъ случаѣ—наиболѣе для нея выразительныя. Писать глубокомысленныя статьи «о творчествѣ» г-жи Ахматовой, конечно, еще преждевременно. Но мы надѣемся, что

---

[1]) Анна Ахматова. Вечеръ. Предисловіе М. Кузмина. СПБ. 1912 г. Цехъ поэтовъ. Ц. 90 к.

въ дальнѣйшемъ молодая поэтесса еще не разъ заставитъ сочувственно говорить о себѣ.

Умѣло написана книга г-жи Кузьминой-Караваевой [1]). Невыносимо скучна «Дикая порфира» М. Зенкевича [2]). Геологъ улыбнется надъ ней, не понимая, зачѣмъ науку его излагаютъ стихами. Поэтъ, если захочетъ изучать геологію, обратится къ спеціальнымъ трудамъ, прозаическимъ, но за то болѣе полнымъ.

Хотѣлось бы умолчать о Владимірѣ Нарбутѣ, Зачѣмъ было поэту, издавшему года два назадъ совсѣмъ недурный сборникъ, выступать теперь съ двумя книжечками [3]), гораздо болѣе непристойными, чѣмъ умными.

6.

Вернемся немного назадъ, къ авторамъ, которые нѣкогда примкнули къ уже опредѣлившейся школѣ «новой поэзіи», но хронологически были моложе ея.

Прекрасный сборникъ издалъ М. Кузминъ [4]). Съ точки зрѣнія формы «Осеннія озера» не многимъ отличаются отъ первой книги того же поэта. Онъ остается вѣренъ излюбленнымъ своимъ метрамъ, часто пользуется уже испытанными пріемами. Но общій тонъ стиховъ сталъ значительнѣй, строже. Прошло увлеченіе XVIII-мъ и началомъ XIX-го вѣка. Въ «Осеннихъ озерахъ» Кузминъ выступаетъ почти исключительно, какъ лирикъ. Въ его любовныхъ посланіяхъ есть особый, одному Куз-

---

1) Е. Кузьмина-Караваева. Скиѳскіе Черепки. СПБ. 1912. Цехъ поэтовъ. Ц. 90 к.

2) М. Зенкевичъ. Дикая Порфира. СПБ. 1912. Цехъ поэтовъ. Ц. 90 к.

3) Владиміръ Нарбутъ. Аллилуіа. 2 кн. стиховъ «Цехъ поэтовъ». СПБ. 1912. (Конфискована).—Онъ же. Любовь и любовь. 3 кн. стиховъ. СПБ. 1912. Ц. 10 коп.

4) М. Кузминъ. Осеннія озера. Вторая книга стиховъ. М. 1912. К-во «Скорпіонъ». Ц. 1 р. 80 к.

мину свойственный оттѣнокъ. Личность автора, не скрытая маской стилизатора, становится намъ болѣе близкой. Быть можетъ, Кузминъ, разставшійся съ восемнадцатымъ вѣкомъ потеряетъ часть прежнихъ своихъ поклонниковъ,—глуповатыхъ дэнди, бредящихъ мушками и утонченностью. За то онъ приобрѣтетъ новыхъ, любящихъ поэзію не только тогда, когда она есть самоучитель галантнаго тона.

Борисъ Садовской («Пятьдесятъ лебедей, 2-я книга стиховъ[1]) любитъ свою поэтическую родословную не меньше дворянской:

Дѣдъ моего отца и прадѣдъ мой, Лихутинъ,
Я слышу, какъ во мнѣ твоя клокочетъ кровь!

— г. оворитъ онъ.

Въ стихахъ Бориса Садовского для читателя внятно біеніе крови многихъ поколѣній русскихъ поэтовъ, отъ Державина до Валерія Брюсова. Не только поэтъ, но и историкъ родной словесности, Борисъ Садовской такъ же боится нарушить ея традицію, какъ его прадѣдъ побоялся бы нарушить традицію дворянскую. Сотрудникъ «Вѣсовъ», авторъ «зубастыхъ» полемическихъ статей,—самъ онъ, какъ поэтъ, не отваживается рѣшительно примкнуть къ той новой школѣ, которую такъ горячо отстаивалъ въ качествѣ критика. Порою кажется, что для него русская поэзія кончается даже не Брюсовымъ, а только Фетомъ. Онъ почти не рѣшается прибѣгать къ новымъ, еще не освященнымъ традиціями пріемамъ творчества, какъ нѣкоторые «старожилы» понынѣ не хотятъ ѣздить по желѣзной дорогѣ. Но многія чувства современнаго человѣка требуютъ и современныхъ способовъ выраженія. Вотъ почему стихи Садовского кажутся нѣсколько холодными. За то имъ нельзя отказать въ высокомъ внутреннемъ благородствѣ.

---

[1]) Борисъ Садовской. Пятьдесятъ лебедей. Стихи 1909—1911. СПБ. 1913. Изд. «Огни». Ц. 1 р.

Вторая книга Садовского—шагъ впередъ только въ томъ отношеніи, что авторъ сталъ увѣреннѣе владѣть стихомъ. За четыре года, отдѣляющіе «Пятьдесятъ лебедей» отъ «Поздняго утра» никакой внутренней перемѣны въ его творчествѣ не произошло и не могло произойти. Не будемъ же требовать отъ поэта того, чего онъ самъ отъ себя не требуетъ, а поблагодаримъ его просто за книгу хорошихъ стиховъ.

Александръ Тиняковъ (Одинокій), издавшій лишь первую книгу стиховъ[1]), все же не можетъ быть отнесенъ къ начинающимъ: стихи его печатались въ альманахахъ «Грифа», въ «Вѣсахъ», въ «Золотомъ Рунѣ». Достоинство А. Тинякова въ томъ, что онъ пишетъ, повинуясь дѣйствительной потребности выразить свои переживанія. Къ сожалѣнію, совершенно порабощающее вліяніе имѣетъ на него В. Брюсовъ. Тѣмъ не менѣе, въ книгѣ есть нѣсколько хорошихъ стихотвореній. Первая изъ «Пѣсенокъ о Беккинѣ», «Вьюжныя бабочки», «Идиллія» позволяютъ возлагать на поэта нѣкоторыя надежды, при условіи, что даже оставшись ученикомъ Брюсова, онъ когда-нибудь перестанетъ подражать ему слѣпо.

«Orientalia», изданный отдѣльною книгой циклъ стиховъ Маріэтты Шагинянъ [2]), значительно совершеннѣе первой книги того же автора. Стихъ сталъ увѣреннѣй, содержательнѣй. Исчезли дѣтски-безсильныя строки, какихъ было не мало въ «Первыхъ встрѣчахъ». Хорошо выдержанъ и глубоко связанъ съ темами восточный характеръ книги. Исключеніе составляютъ два-три стихотворенія, которыхъ лучше было не включать въ циклъ, не потому, чтобы они были плохи, но потому, что они нарушаютъ цѣльность сборника. Есть въ «Orientalia» кое-какія мелкія стилистическіе промахи, но они вполнѣ возмѣщаются об-

---

[1]) Александръ Тиняковъ (Одинокій). Navis nigra. Стихи 1905—1912 гг. М. 1912. К-во «Грифъ» Ц. 75 к.

[2]) Маріэтта Шагинянъ Orientalia. М. 1913. Изд. «Альціона». Ц. 75 к.

щимъ благороднымъ тономъ сборника. Маріэтта Шагинянъ любитъ поэзію и чтитъ ее. Ей есть что сказать. Объ этомъ можно судить хотя бы потому, что она не ищетъ вычурныхъ темъ, умѣя по своему подойти къ самымъ обычнымъ. Наконецъ, она работаетъ надъ формой. Все это позволяетъ ждать отъ автора, очень еще молодого, значительныхъ удачъ въ будущемъ.

«Волшебный фонарь»: такъ называется новая книга стиховъ Марины Цвѣтаевой [1]), поэтессы съ нѣкоторымъ дарованіемъ. Но есть что-то непріятно-слащавое въ ея описаніяхъ полу-дѣтскаго міра, въ ея умиленіи передъ всѣмъ, что попадается подъ руку. Отъ этого книга ея—точно дѣтская комната: вся загромождена игрушками, вырѣзными картинками, тетрадями. Кажется, будто люди въ ея стихахъ дѣлятся на «бякъ» и «паинекъ», на «казаковъ» и «разбойниковъ». Можетъ быть, два-три такихъ стихотворенія были бы пріятны. Но цѣлая книга, въ бархатномъ переплетикѣ, да еще въ картонажѣ, да еще выпущенная изд-вомъ «Оле-Лукъ-Ойе»—нѣтъ...

Намъ остается отмѣтить небольшую книжечку И. Эренбурга, «Одуванчики» [2]), гораздо менѣе претенціозную, чѣмъ его предыдущіе сборники,—и перейти къ поэтамъ, съ которыми познакомились мы впервые.

7.

Ранней осенью 1913 г. вышла первая книга стиховъ молодой поэтессы, Н. Львовой [3]). Пишущій эти строки своевременно отмѣтилъ несомнѣнное дарованіе ея на страницахъ одной изъ газетъ. Къ сожалѣнію, надеждамъ, которыя возлагались

---

1) Марина Цвѣтаева. Волшебный фонарь. Вторая книга стиховъ. М. 1912. Изд. «Оле-Лукъ-Ойе». Ц. 1 р. 50 к.

2) И. Эренбургъ. Одуванчики. Стихи. Парижъ, 1912. Ц. 75 к.

3) Н. Львова. Старая сказка. Стихи. Предисловіе Валерія Брюсова. К-во «Альціона». М. 1913. Ц. 1 р.

на начинающую писательницу, не суждено было оправдаться: какъ извѣстно, 24 ноября того же года Н. Г. Львова скончалась. Ея трагическая смерть вызвала рядъ восторженныхъ, но запоздалыхъ отзывовъ о ея поэзіи, на которую первоначально сыпался градъ упрековъ. Между тѣмъ, въ стихахъ Львовой, не лишенныхъ еще нѣкоторыхъ постороннихъ вліяній, были несомнѣнныя и большія достоинства. Какъ отъ всякаго начинающаго поэта, форма стиха требовала отъ Львовой значительной затраты труда. Не смотря на это, ей удавалось умѣло и тонко передавать переживанія глубокія и подчасъ своеобразныя. Въ отличіе отъ великаго множества молодыхъ поэтовъ, Львова умѣла не только писать, но и жить. Къ несчастію своихъ друзей, она сумѣла и умереть.

Въ теченіе 1912 г. заставилъ много говорить о себѣ Николай Клюевъ, издавшій почти одинъ за другимъ цѣлыхъ три сборника. Первый, «Сосенъ перезвонъ» [1]), со стороны чисто литературной, пожалуй, слабѣе послѣдующихъ. Но въ немъ наиболѣе привлекала именно та непроизвольность, съ какою поэтъ, казалось, спѣшилъ поскорѣе откликнуться на всѣ волнующія его темы. Въ стихахъ его было не мало неровностей, срывовъ, неудачныхъ строкъ, но все это искупалось подлинностью лирическаго подъема, простотой языка, тою благородною скупостью, которая заставляла Клюева не тратитъ словъ и силъ на внѣшнюю красивость, пріятность его стиха. Въ этомъ сказалось происхожденіе Клюева изъ того простого народа, который не любитъ лишнихъ, кудрявыхъ словъ, когда дѣло идетъ о важномъ, о главномъ.

Клюевъ—поэтъ. Клюевъ изъ народа. Но Клюевъ—не «поэтъ изъ народа», не одинъ изъ тѣхъ, которые пишутъ плохіе стихи и гордятся своей безграмотностью, чѣмъ несказанно радуютъ

---

1) Николай Клюевъ. Сосенъ перезвонъ. Предисловіе Валерія Брюсова. К-во «В. И. Знаменскій и К°». М. 1912. Ц. 60 к.

иныхъ писателей изъ господъ. Дескать, вотъ каковъ человѣкъ: и сказать ему нечего, и говорить не умѣетъ—а говоритъ.

Не таковъ Клюевъ. Онъ грамотенъ. Можно сказать, что для поэта изъ народа онъ безсовѣстно грамотенъ. Въ первой его книгѣ внимательный читатель различитъ слѣды упорнаго труда, желанія во что бы то ни стало подчинить себѣ стихъ, заставить слова выражать именно то, что надо. Для этого онъ равно пользуется, какъ пріемами и языкомъ народной пѣсни, такъ и языкомъ поэтовъ: Тютчева, Брюсова, Блока.

Въ предисловіи ко второй своей книгѣ Клюевъ заявляетъ, что составляющія ее «Братскія пѣсни» [1]) сложены раньше, чѣмъ стихи, вошедшіе въ «Сосенъ перезвонъ». Мы не позволимъ себѣ усомниться въ правдивости такого заявленія, но замѣтимъ, что, вѣроятно, «Братскія пѣсни» подверглись нѣкоторой позднѣйшей обработкѣ. Въ томъ убѣждаетъ ихъ форма, болѣе совершенная, чѣмъ форма стиховъ первой книги. Кромѣ того, трудно предположить, чтобы сборникъ, въ которомъ изъ тридцати двухъ стихотвореній только два-три написано не на религіозную тему, могъ образоваться изъ случайно собранныхъ старыхъ стиховъ.

В. Свенцицкій написалъ къ «Братскимъ пѣснямъ» предисловіе, въ которомъ зоветъ Н. Клюева пророкомъ—не больше и не меньше. Весьма цѣня стихи г. Клюева, мы не можемъ не удивиться религіозной развязности его поклонника. Но самъ поэтъ уже наказалъ его: третья книга Н. Клюева [2]) далека отъ какихъ бы то ни было не только пророчествъ, но и вообще темъ религіозныхъ. Содержаніе ея—эротика, довольно крѣпкая, выраженная въ стихахъ звучныхъ и яркихъ:

---

[1]) Николай Клюевъ. Братскія пѣсни. Книга вторая. Вступит. статья В. Свенцицкаго. Изд. жур. «Новая Земля». М. 1912. Ц. 60 к.

[2]) Николай Клюевъ. Лѣсныя были. М. 1913. К-во К. Ф. Некрасова. Ц. 60 коп.

Вы бѣлила-румяна мои,
Дорогія, новокупленныя,
На меду-винѣ разваренныя,
На бѣло лицо положенныя,
Разгоритесь зарецвѣтомъ на щекахъ,
Алымъ макомъ на дѣвическихъ устахъ...
. . . . . .
Скатной ягодѣ не скрыться при пути—
Отъ любови дѣвкѣ сердца не спасти.

Намъ понравились стихи Павла Радимова [1]), поэта вдумчиваго и зоркаго, если и подражающаго — то высокимъ и достойнымъ того образцамъ. Къ сожалѣнію, г. Родимовъ берется за темы, съ которыми ему еще трудно справиться. Поэтому поэмы его слабѣе мелкихъ стихотвореній, въ которыхъ и теперь уже есть свой собственный тонъ и сознаніе высоты поэтическаго служенія. «Благослови, Господь, на подвигъ пѣснопѣнья!» Поэту, который первую свою книгу начинаетъ такими словами нельзя не пожелать счастливаго будущаго.

Сборникъ, озаглавленный: A. Marie. Лирика [2]) — содержитъ въ себѣ нѣсколько блѣдные, но красивые стихи, написанные умѣло и порою своеобразно.

«Я твоя»—ты сказала мнѣ.
Дай мнѣ подумать:
Какъ смѣшно, и странно, и радостно...»

Вообще, автору хорошо удаются мотивы лирическіе. У него есть хорошія описанія. Говоря о любви, онъ умѣетъ быть простымъ, искреннимъ, но не банальнымъ...

Названными именами далеко не исчерпываются поэты, дебютировавшіе въ минувшемъ году. Кромѣ уже перечисленныхъ

---

1) Павелъ Радимовъ. Полевые псалмы. Свитокъ первый. Казань, 1912. Ц. 1 р. 25 к.

A. Marie. Лирика Парижъ, 1912. Ц. 1 р.

авторовъ, еще множество молодыхъ поэтовъ издали первые свои сборники. Большинство изъ нихъ, какъ г-жа Фейга Коганъ, гг. Скалдинъ, Лифшицъ, — умѣютъ писать стихи, щеголяютъ риѳмами и размѣрами, учатся, трудятся, но зачѣмъ они это дѣлаютъ—пока неизвѣстно. Мы очень хотѣли бы оказаться дурными пророками, но думается — поэтовъ среди нихъ нѣтъ. Вышли также сборники г. Вяткина, г-жи Чумаченко и др.— но это уже безнадежное поэтическое захолустье.

8.

Еще въ 1911 г. вышелъ небольшой сборникъ стиховъ и прозы, «Садокъ судей». Съ момента появленія этой книжечки ведетъ свое лѣтосчисленіе русскій футуризмъ, точнѣе—московская, еще точнѣе—кубо-футуристическая его фракція. Движеніе, извѣстное подъ именемъ эго-футуризма, возникло нѣсколько позднѣе, въ Петербургѣ. Тамъ Игоремъ Сѣверяниномъ была основана академія эго-футуризма, впослѣдствіи имъ же «распущенная». Выйдя изъ нея, Игорь Сѣверянинъ отставилъ отъ себя академію, съ его уходомъ распавшуюся. Съ другой стороны, обѣ фракціи футуристовъ, первоначально враждовавшія между собой, нынѣ объединяются въ новомъ литературномъ органѣ, которому предстоитъ стать «оффиціозомъ россійскаго футуризма».

Эстетическія и иныя вѣрованія обѣихъ футуристическихъ фракцій общеизвѣстны. Общеизвѣстно и то, что настоящая родина футуристовъ—Италія. Ни московскій, ни петербургскій футуризмъ въ наиболѣе существенныхъ чертахъ своихъ не могутъ претендовать ни на оригинальность, ни на новизну. Проповѣдь крайняго индивидуализма, нѣкогда лежавшая въ основѣ петербургскаго эго-футуризма, стара, какъ индивидуализмъ. «Непреодолимая ненависть» къ существующему языку, чѣмъ преимущественно отличаются москвичи отъ петербуржцевъ,—кромѣ

того, что выводитъ ихъ поэзію за предѣлы критики,—также не нова: она цѣликомъ заимствована у футуристовъ западныхъ.

Поэтовъ съ дарованіемъ значительнымъ нѣтъ среди москвичей-футуристовъ Недурныя строчки встрѣчаются у В. Хлѣбникова, В. Маяковскаго, Д. Бурлюка. Прочіе или недоступны человѣческому пониманію, ибо пишутъ исключительно на языкѣ «дыръ-былъ-щуръ», или безконечно повторяютъ другъ друга.

Эго-футуристы въ большинствѣ недурно пишутъ стихи, но къ сожалѣнію почти не выходятъ за предѣлы подражанія бывшему ректору своей Академіи,—Игорю Сѣверянину, о которомъ должно говорить подробнѣе [1]).

Игорю Сѣверянину довелось уже вынести не мало нападокъ именно за то, что́ если и наиболѣе разительно, то все же наименѣе важно въ его стихахъ: за языкъ, за расширеніе обычнаго словаря. То, что считается заслугой поэтовъ признанныхъ, всегда вмѣняется въ вину начинающимъ. Таковы традиціи критики. Правда, въ языкѣ И. Сѣверянина много новыхъ словъ, но пріемы словообразованія у него не новы. Такія слова, какъ «офіалченъ», «окалошить», «онездѣшниться» суть обычныя глагольныя формы, образованныя отъ существительныхъ и прилагательныхъ. Ихъ сколько угодно въ обычной рѣчи. Если говорятъ «осѣнять»—то почему не говорить «околошить»? Если «обезсилѣть»—то отчего не «онездѣшниться»? Жуковскій въ «Войнѣ мышей и лягушекъ» сказалъ: «и надолго нашъ край былъ обезмышенъ. Слово «ручьиться» заимствовалъ Сѣверяниномъ у Державина. Совершенно «футуристическій» глаголъ «перекочкать» употребленъ Языковымъ въ посланіи къ Гоголю.

Такъ же не ново соединеніе прилагательнаго съ существительнымъ въ одно слово. И. Сѣверянинъ говоритъ: «алогубы», «златополдень». Но такія слова, какъ «босоножка» и «Малороссія» произносимъ мы каждый день. Нѣсколько болѣе рѣзкимъ

---

[1]) Игорь Сѣверянинъ. Громокипящій кубокъ. Поэзы. Предисловіе Ѳедора Сологуба. К-во «Грифъ». М. 1913. Ц. 1 р.

кажется соединеніе въ одно слово сказуемаго съ дополненіемъ: напр., «сѣнокосить». Но возмущаться имъ могутъ лишь тѣ, кто далъ зарокъ никогда не говорить: «рукопожатіе», «естествоиспытаніе».

Спорить о правѣ поэта на такія вольности не приходится. Важно лишь то, чтобы онѣ были удачны. Игорь Сѣверянинъ умѣетъ благодаря имъ достигать значительной выразительности. «Трижды овесененный ребенокъ», «звонко, душа, освирѣлься», «цилиндры солнцевѣютъ»—все это хорошо найдено.

Неологизмы И. Сѣверянина позволяютъ ему съ замѣчательной остротой выразить главное содержаніе его поэзіи: чувство современности. Помимо того, что они часто передаютъ понятія совершенно новыя по существу,—самъ этотъ потокъ непривычныхъ словъ и оборотовъ создаетъ для читателя неожиданную иллюзію: ему кажется, что актъ поэтическаго творчества совершается непосредственно въ его присутствіи. Но здѣсь же таится опасность: стихи Сѣверянина рискуютъ устарѣть слишкомъ быстро,—въ тотъ день, когда его неологизмы перестанутъ быть таковыми.

Многое въ Игорѣ Сѣверянинѣ—отъ дурной современности, той самой, въ которой культура олицетворена въ бипланѣ, добродѣтель замѣнена приличіемъ, а красота—фешенебельностью.

Пошловатая элегантность врывается въ поэзію Сѣверянина, какъ шумъ улицы въ раскрытое окно. «О, когда бы на «Блеріо» помѣстилась кушетка!» — мечтаетъ «тоскующая, нарумяненная Нелли», а самъ поэтъ задается вопросами въ такомъ родѣ:

Удастся ль душу дамы восторженно омолнить
Курортному оркестру изъ мелодичныхъ цитръ?

Другой точно такой же дамѣ онъ предлагаетъ:

Ножки плэдомъ закутайте дорогимъ, ягуаровымъ,
И садясь комфортабельно въ ландолетѣ бензиновомъ,
Жизнь довѣрьте Вы мальчику въ макентошѣ резиновомъ
И закройте глаза ему Вашимъ платьемъ жасминовымъ—
Шумнымъ платьемъ муаровымъ, шумнымъ платьемъ муаровымъ!..

Хоть и не безъ умиленія наглядѣвшись на всѣ эти «изыски»,—поэтъ все же принуждаетъ сознаться: «гнила культура, какъ рокфоръ». Ее должно запить виномъ:

Шампанскаго въ лилію! Шампанскаго въ лилію!
Ея цѣломудріемъ святѣетъ оно!...

Не такъ ли божественнымъ цѣломудріемъ поэтической души святѣетъ повседневная жизнь, ея изысканный, но гніющій рокфоръ, «подленькій сыръ»? Для души, «обожженной восторгомъ глотка», святѣетъ весь міръ. Вотъ стихи, посвященные нѣкоей «Миссъ Лиль»:

Котикъ милый, дѣточка! встань скорѣй на цыпочки,
Алогубы-цвѣтики жарко протяни...
Въ грязной репутаціи хорошенько выпачкай
Имя свѣтозарное генія въ тѣни!..

Ласковая дѣвонька! крошечная грѣшница!
Ты еще пикантнѣе отъ людскихъ помой!
Вѣрю: ты измучилась... Надо онездѣшниться,
Надо быть улыбчатой, тихой и нѣмой.

Всѣ мои товарищи, (какъ зовешь нечаянно
Ты моихъ поклонниковъ и незлыхъ враговъ...)
Какъ-то усмѣхаются и глядятъ отчаянно
На ночную бабочку выше облаковъ.

Развѣ вѣрятъ скептики, что ночную бабочку
Любитъ сострадательно молодой орелъ!..
Честная безчестница! бѣлая арабочка!
Брызгай грязью чистою въ славный ореолъ!..

Эти слова—прекраснѣйшее оправданіе всей поэзіи Игоря Сѣверянина. Ими онъ связываетъ себя съ величайшими завѣтами русской литературы, являясь въ ней не отщепенцемъ, а лишь новаторомъ.

Талантъ его, какъ художника, значителенъ и безспоренъ. Если порой измѣняетъ ему чувство мѣры, если въ стихахъ его встрѣчаются безвкусицы, то все это искупается неизмѣнною музыкальностью напѣва, образностью рѣчи и всѣмъ тѣмъ, что дѣлаетъ его не похожимъ ни на кого изъ другихъ поэтовъ. Онъ, наконецъ, достаточно молодъ, чтобы избавиться отъ недостатковъ и явиться въ томъ блескѣ, на какой даетъ право его дарованіе. Игорь Сѣверянинъ—поэтъ Божіей милостью.

Нужно только желать, чтобы какъ можно скорѣе разувѣрился онъ въ пошловатыхъ «изыскахъ» современности и глубже всмотрѣлся въ то, что въ ней дѣйствительно цѣнно и многозначительно. Автомобили и аэропланы столь же существенны для нашего вѣка, какъ фижмы и парики—для вѣка XVIII. Но XVIII вѣкъ только въ глазахъ кондитеровъ есть вѣкъ париковъ и фижмъ. Для поэтовъ онъ – вѣкъ революціи.

МАРІЭТТА ШАГИНЯНЪ.

ПИСЬМА О МУЗЫКѢ.

I.

Трудно говорить въ Россіи о музыкѣ. Мы до сихъ поръ не сознаемъ ни вслухъ, ни про себя, какое значеніе имѣетъ проблема «музыка и культура»; но мы вѣдь и къ проблемѣ «русская культура» относимся съ лѣнивымъ легкомысліемъ людей, у которыхъ заботъ полонъ ротъ и которые домой приходятъ лишь для того, чтобъ поспать, поѣсть да пожаловаться на порядки. Отсюда получается роковой разладъ межъ нашимъ выявленіемъ и нашимъ выдѣлываніемъ. Если я скажу, что народная культура есть прежде всего выявленіе (т.-е. постепенное творческое раскрытіе заложенныхъ въ данномъ народѣ сущностей), для котораго выдѣлываніе (т.-е всѣ формы работъ, доступныхъ человѣческимъ рукамъ) служитъ своего рода средствомъ — подобнымъ сургучу для гербовой печати,—то эта простая мысль прозвучитъ для большинства изъ насъ либо чуждой, либо безнравственной: вѣдь въ ней ничего не говорится ни о «благосостояніи массъ» ни о «вселенской роли славянства» etc. etc. А между тѣмъ она азбучна и фундаментальна для всякаго культурнаго сознанія и хочетъ сказать ни больше, ни меньше, какъ слѣдующее: чтобъ быть, надо стать... Стать— значитъ заслужить себя, найти свое неповторимое и единственное (а потому вѣчное), доработаться до окончательности, до той органической связной устойчивости (формулы духовныхъ элементовъ), при которой данное соединеніе уже не продолжаемо; ибо исторія, такъ же, какъ и природа, scheint Alles

auf Individualität angelegt zu haben und macht sich Nichts aus den Individuen (Goethe, Die Natur).

Такъ вотъ, мы, русскіе, не только не ищемъ нашей «формулы», но даже и не чувствуемъ никакой нужды въ ея исканіи, забывъ, что «общечеловѣческое» только тогда и достижимо, когда оно проходитъ сквозь «свое».

Разрывъ межъ выявленіемъ и выдѣлываніемъ особенно ярко сказывается въ нашемъ отношеніи къ самому нелицемѣрному и самому чистому изъ искусствъ—къ музыкѣ; она у насъ по сю пору «въ гостяхъ»; мы забываемъ, что она—это мы, и, украшаясь ей или тѣшась ея судорогами, не испытываемъ при этомъ никакого чувства собственности; наше музыкальное воспріятіе напоминаетъ засидѣвшуюся ногу—мы ее подъ собой не ощущаемъ и намъ кажется, что она не наша; а между тѣмъ весь нашъ организмъ, всѣ двигательные мускулы попрежнему связаны съ этой оцѣпенѣвшей частью насъ самихъ.

Народъ ищетъ себя въ пѣсняхъ, которыя онъ выпѣваетъ; онъ жизнеспособенъ, когда у него есть что пѣть; потому что пѣсня есть полнота души. Невольное или вольное лукавство рѣчи, обходные пути мыслей, все, что искажаетъ или темнитъ формующійся обликъ народа, отсутствуетъ въ музыкѣ: она свидѣтельствуетъ съ кратчайшей прямизной и правдивостью только о томъ, что воистину есть, т.-е. только о настоящемъ хотѣніи души. Переставшій хотѣть, перестаетъ и пѣть. У опустошоннаго нѣтъ пѣсенъ, и когда народъ теряетъ свои *μέλη*, это значитъ,—выражаясь механическимъ терминомъ,—что «работа его свершена», будущее перелилось въ прошедшее.

Но этого мало. Пѣсня есть не только выраженіе души, а и указаніе путей народа; по пѣснѣ узнается и пра-родина народа и будущее его странствіе; и то, откуда онъ вышелъ, и то, куда онъ пойдетъ. Тѣ, кто задумывались у насъ о русской культурѣ, никогда не вспоминали про это; ни у нихъ, ни у поющихъ не было остраго чувства родины или тоски по родинѣ,—при чемъ

подъ послѣдней я разумѣю отнюдь не пространственныя «свояси», куда человѣкъ возвращается, какъ домой, а совокупность чертъ, условій, признаковъ, складочекъ, по особому слаженныхъ, въ коихъ душа узнаетъ наиболѣе пригодное, наиболѣе родное и близкое и неизмѣнно искомое ею начало, на лонѣ котораго она только и можетъ пустить свои собственные ростки. Отсюда роковой перегибъ русской музыки изъ выявляющагося въ выдѣлывающееся, одиночество и бездомность лучшихъ нашихъ пѣсенъ, гигантскія старанія Римскаго-Корсакова «усыновиться» у русскаго мелоса (вмѣсто того, чтобъ просто почувствовать свое законное сыновство, не связанное съ «темами») и сознательное сиротство Рахманинова, тяготѣющаго къ Европѣ.

Къ этому прибавляется еще наивное недоброжелательство къ музыкѣ со стороны нашихъ литераторовъ, не одаренныхъ ея духомъ; или непониманіе и равнодушіе; музыкальныя работы такого, напримѣръ, высококультурнаго писателя, какъ В. Ѳ. Одоевскій, до сихъ поръ не собраны въ книжку, а пылятся въ жалкихъ, всѣми перезабытыхъ оттискахъ; и, наконецъ, нѣтъ у насъ такого кровнаго, крѣпкаго, національнаго узла, въ которомъ свились бы, символично для нашей духовной культуры, философія и музыка,—подобно Ницше-Вагнеру. Музыка до сихъ поръ не оплодотворяла русской мысли, и, можетъ быть, потому наша философія такъ же бездомна, не собственна и не органична? Лучшее изъ нея ютится близъ церкви (pro или contra, но б л и з ъ), тамъ, гдѣ наряду съ византійскимъ золотомъ сохранилось благолѣпіе хорового пѣнія (въ лучшихъ нашихъ храмахъ традиціонно и съ достойной уваженія тщательностью исполняемаго по крюкамъ, что свидѣтельствуетъ объ извѣстной музыкальной культурности церковныхъ пастырей).

Вотъ почему трудно у насъ говорить о музыкѣ; она все еще «посторонняя», не принятая вождями нашей культуры близко къ сердцу; степень нужды въ ней или слишкомъ мала или слишкомъ неосознана. Доказательствомъ этого является тотъ

фактъ, что, единственная за много лѣтъ, геніальная книга музыканта о музыкѣ,—«Модернизмъ и Музыка» Вольфинга[1]),—несмотря на большое вліяніе, въ короткій срокъ оказанное ею на музыкальную журналистику, совершенно не понята въ главныхъ своихъ философско-эстетическихъ пунктахъ и, къ стыду для русскихъ мыслителей, не обострила вниманія ихъ къ проблемѣ музыки и культуры.

Все это тѣмъ болѣе печально, что никогда еще русская культура не нуждалась такъ въ музыкѣ, какъ нынче, и никогда еще не было столько ненужной музыки, какъ нынче.

Безъ руководящаго принципіальнаго критерія и съ ослабленнымъ чувствомъ «родины» (т.-е. единственно-родного и духовно-нужнаго, являющагося условіемъ личнаго роста и развитія), сегодняшній слушатель, даже самый добросовѣстный, не сумѣетъ разобраться въ современной музыкальной суматохѣ. Насколько пониженъ художественный уровень «патентованнаго слушательства», руководящаго вкусами толпы со столбцовъ газетъ и журналовъ, можно судить хотя бы по непрекращающейся (и не всегда грамотной) травлѣ такого крупнѣйшаго артиста нашего столѣтія, какъ Рахманиновъ. Вторымъ образчикомъ рецензентской близорукости я займусь нѣсколько болѣе подробно.

II

Ницше сказалъ бы о современной музыкѣ, что она слишкомъ своевременна. Подобно футуристамъ, почему-то запретендовавшимъ на *будущее*, тогда какъ весь паѳосъ и вся бравада ихъ идутъ отъ «*сегодня*»,—нынѣшній день музыки знаменуется бѣготней ея въ пристяжныхъ у «духа времени».

Отсюда—моментальность, короткодневность и уличное тріумфаторство многаго, что въ музыкѣ является какъ нельзя болѣе

---

1) Вольфингъ—Модернизмъ и Музыка. К-ство „Мусагетъ". Москва, 1912 г.

«кстати»; и не объ этомъ черпаніи и расплескиваніи не отстоявшагося или, выражаясь словами Евангелія, не объ этой жатвѣ, гдѣ не сѣяно, хочу я говорить въ своемъ краткомъ обзорѣ.

Истинно-будущее только потому и «будущее» (т.-е. содержитъ въ себѣ элементы роста), что выходитъ изъ прошлаго, связано съ прошлымъ (т.-е. само возникло изъ живого сѣмени); искусственные гомункулы, какъ бы футуристически они ни назывались, не проживутъ дальше своего механическаго срока, когда ихъ замѣнитъ что-либо еще болѣе «своевременное»... Вотъ къ такому истинно-будущему принадлежитъ и композиторская дѣятельность «консервативнаго» (какъ его любятъ называть) Николая Метнера.

Прошедшій петербургскій концертъ Метнера вызвалъ совсѣмъ особенные разговоры; знаменательно въ нихъ уже то одно, что разговоры эти не исчерпываются существомъ предмета, а сами собой упираются въ проблему содержанія и формы. Кажется, будто безъ разрѣшенія нѣкоторыхъ основныхъ (теоретическихъ) вопросовъ, о Метнерѣ слова нельзя вымолвить, не напутавъ. И вотъ не угодно-ли образчиковъ такой путаницы:

«Школы послѣдователей ему не создать» говоритъ о Н. Метнерѣ Гр. Прокофьевъ въ Русской Музыкальной Газетѣ. Это потому, что «индивидуальность его слишкомъ опредѣленна, своеобразна и сильна». А по Каратыгину (Рѣчь № 22) оказывается, что «лицо» Метнера находится въ «тѣснѣйшей срощенности со школой» и даже «опредѣляется исключительностью (?) классической школы». Т.-е., значитъ, одиночество, обособленность и непонятность метнеровскихъ композицій, на которыя ссылаются оба критика, происходятъ по двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому что Метнеръ ярко-индивидуаленъ; во-вторыхъ, потому что онъ слишкомъ «школенъ».

Конечно, и Каратыгинъ, и Прокофьевъ понимаютъ, что соединеніе строжайшей «срощенности со школой» съ «индиви-

дуальностью, слишкомъ опредѣленной, своеобразной и сильной» есть удѣлъ генія; тутъ и спорить не приличествуетъ. Но путаница начинается съ того, что оба вышеназванные критика, вѣрно охарактеризовавшіе творчество Метнера, тотчасъ же заявляютъ о безплодности, бездушности и ненужности этого послѣдняго.

Тутъ что-нибудь одно: либо недоразумѣніе словесное, либо физіологическій протестъ; неумѣстное употребленіе словъ—или неумѣніе выразить словомъ свое тайное сопротивленіе... Разбираться въ этомъ безполезно. Одно только понятно: чѣмъ охотнѣе уступаютъ Метнеру исключительное, мастерское обладаніе «формой», тѣмъ рѣшительнѣй отказываютъ ему въ «содержаніи». Подозрительно самое противопоставленіе формы и содержанія; но помимо него мы узнаемъ еще цѣлый рядъ подозрительныхъ вещей.

Мы узнаемъ, что «въ нашъ вѣкъ—формы искусства все мельчаютъ, пріемы творчества дѣлаются все тоньше и тоньше, наступаетъ царство еле уловимаго, чуть не эфемернаго ритма»; происходитъ это изъ-за «стремленія возможно уменьшить силу оковъ формальной оболочки и сдѣлать ее такой эластичной, чтобы она лишь возвеличивала интенсивность эстетической эмоціи»; а т. к. Н. Метнеръ наперекоръ духу времени «эту эмоцію старательно и сосредоточенно заковываетъ» въ безупречную форму, то... онъ «рискуетъ не оставить послѣ себя слѣда въ исторіи искусства».

Что за безсиліе словъ! И какая тутъ неопредѣленность: «формальная оболочка»... Да о чемъ, наконецъ, рѣчь идетъ?

Форма—не кулакъ и не ситечко; она не зажимаетъ и не проструиваетъ содержанія: она есть то самое fiat, которое говоритъ творецъ творимому. Содержаніе и форма не въ обратномъ, а въ прямо-пропорціональномъ соотношеніи: чѣмъ плотнѣе, замкнутѣй и, слѣдовательно, *явственнѣй* форма, тѣмъ интенсивнѣй и доступнѣй содержаніе. Ее требуется довести, довырабо-

тать, уплотнить до предѣловъ, при которыхъ она сама заговариваетъ о содержаніи; а Прокофьеву думается, что съ нею нужно бороться, чуть ли не поѣдать ее какимъ-то таинственнымъ содержаніемъ,—морить, «мельчить», утоньшать: хороша эстетика! Говорить дальше на эту тему, значитъ быть банальнымъ.

Прокофьевъ и Каратыгинъ, оба, запутываются еще въ одной несообразности: утверждая безупречность, замкнутость и совершенство метнеровской *формы*, они тутъ же перескакиваютъ на яко-бы *формализмъ*, а потому бездушность, безчеловѣчность Метнера: «каменистая пустыня», «храмъ безъ алтаря», «машина», «механическое творчество»... etc.

Опять хочется возражать принципіально. Да вѣдь начало одухотворенія и человѣчности—именно въ формѣ, если только понимать творчество религіозно. Богъ и человѣкъ тутъ подобны: Богъ даетъ имена вещамъ, начавшимъ жить съ момента принятія формы, а человѣкъ творитъ, «называя несуществующее существующимъ» (по Евангелію), т.-е. формируя и сочленяя косную матерію. Стихійность, о которой вожделѣетъ Гр. Прокофьевъ—всегда косна и мертва; ее окрыляетъ, выкапываетъ изъ космоса и «пускаетъ въ ходъ» не иное что, какъ форма. Если ужъ говорить напрямикъ, форма есть не запрещеніе, а разрѣшеніе, не связываніе, а развязыванье, не умерщвленье, а вотъ именно осуществленіе всяческихъ «стихій» и «эмоцій»: и чѣмъ эта самая форма цѣльнѣе, тѣмъ свободнѣй дышитъ и вѣрочается въ ней стихія.

Всѣ эти мои возраженія касаются словесной путаницы; что до физіологической отталкиваемости отъ музыки Метнера, которая особенно сильна у Каратыгина, то именно она-то и побудила меня взяться за перо. «Хочу — не хочу», «понимаю — не понимаю», когда оно изнутри, изъ физіологіи,—это уже не профессіонализмъ, даже и не дилетантство, а просто «слушательство»: это разговоръ о томъ, какъ *слушается* музыка Метнера,

и тутъ мы всѣ равны, музыканты и не музыканты; каждый изъ насъ въ правѣ сказать свое слово.

«Жестоковатое туше» (по Каратыгину),—а между тѣмъ на эстрадѣ артистъ, всѣмъ своимъ обликомъ не совпадающій именно съ жесткостью. Твердость, но въ связи съ безпримѣрной цѣпкостью и вкрадчивостью; пальцы, словно берущіе не клавиши, а самые звуки, какъ-бы осязающіе звукъ, вбирающіе его въ себя: тутъ какая-то особая тайна, мастерство не виртуозное (т.-е. внѣшнее владѣніе клавишами, инструментомъ), а творческое (владѣніе самими звуками, ихъ теплотой, ихъ собственной жизнью). Кажется, будто пальцы хватаютъ, держатъ и вытягиваютъ звуки какъ-то безъ посредства клавишъ, можетъ быть изъ самихъ себя; болѣе живучей, цѣпкой, осязательной игры немыслимо и представить себѣ,—и это, пожалуй, самое важное и самое удивительное въ исполнительствѣ Метнера и при его сознательнооднообразномъ туше, которое Каратыгину угодно было назвать жестоковатымъ.

«Храмъ безъ алтаря и безъ иконъ»... Каратыгинъ не добавилъ—безъ Бога (случайно или сознательно?). Да, если вспомнить, что нынѣшніе «храмы» биткомъ набиты не однимъ, а десятками алтарей, если вспомнить, что нынче нѣтъ камушка не обоготвореннаго фетишистски, а ужъ люди и людскія имена лѣзутъ подъ самыя иконы, упираются въ потолки своихъ храмовъ (своихъ,—не Божьихъ),—то я согласна съ Каратыгинымъ. Музыка Метнера—воистину храмъ *для* Бога или молитва къ Богу; фетишистскій и антропоморфическій моменты въ ней отсутствуютъ уже потому, что налицо религіозное,—больше того,—христіанское утвержденіе міра. Камушки не обоготворяются, но утверждаются; когда слушаешь e-moll'ную сонату, знаешь одно: бо́льшаго сказать нельзя; все твое лучшее, все твое тайное, все твое безсловесное тутъ высказывается за тебя въ такой предѣльной полнотѣ, что ты ни на мигъ не чувствуешь ущерба, ущемленія, а только

благую твою собственно растворенность (или растворяемость) передъ Богомъ; и если оно такъ явственно и такъ благостно, т.-е. безъ малѣйшей болѣзненности и понужденія, выходитъ наружу, становится сущимъ, явленнымъ вотъ тутъ, рядомъ съ тобою, то уже нѣтъ ни сомнѣнья, ни тоски, ни ужаса: есть *такая* молитва, есть и Богъ. А есть Богъ,—значитъ все есть, и правда, и красота, и милые, любимые люди, и каждая «былинка»... Ищи Каратыгинъ въ творчествѣ Метнера не эту самую невѣдомую былинку, не радѣй онъ о букашкахъ и таракашкахъ, т.-е. о внѣшней (увы, почему-то представляющейся самой что-ни-на есть нутряной!) эмоціональности, а сумѣй онъ разглядѣть Бога въ этой истинно-божьей, храмовой, музыкѣ, тогда и таракашки ему возмѣстились бы. Тутъ вѣдь, какъ и всюду въ мірѣ: увидь (или овладѣй) главнымъ, а остальное приложится. И у Метнера надо искать не «живую былинку», но *утвержденіе* всякой былинки; въ томъ-то и весь секретъ.

Еще о e-moll'ной сонатѣ; мнѣ лично представляется она важнѣйшимъ изо всего метнеровскаго. Эта необычайная вещь очень длинна: слушается 32 минуты; но цѣлостность ея и органическое выхожденіе наружу таковы, что съ человѣкомъ происходитъ своеобразное раздвоеніе—уши слушаютъ полчаса (по окончаніи слухъ утомленъ, напряженъ и нагрѣтъ изобиліемъ услышаннаго, т. ч. періодъ времени очень ощутителенъ), а душа переживаетъ эту сонату въ мигъ, или даже короче мига, несоизмѣримо ни съ чѣмъ,—въ вѣчности. Для души не только нѣтъ усталости, но даже и нѣтъ того длительнаго и становящагося, что мы называемъ припоминаніемъ: въ ней что-то сразу узналось, либо осуществилось, и оно цѣликомъ вошло внутрь. Художественная литература только разъ описала такое «чудо»: въ сказкѣ Андерсена «Дочь болотнаго царя». Тамъ дѣвушка Гелга, празднующая свою свадьбу, подходитъ къ окну и глядитъ на звѣзды;

святой угодникъ, котораго она когда-то спасла отъ смерти, беретъ ее на небо, чтобъ она поглядѣла на славу Божію. Дѣвушка созерцаетъ эту славу, а угодникъ торопитъ ее: довольно, тебя заждались, надо вернуться на землю. Гелгѣ кажется, что прошелъ только мигъ; когда она отрываетъ, наконецъ, глаза отъ неба и обводитъ ими вокругъ себя, она не можетъ ничего узнать: та же ночь, но чужіе спящіе люди, чужія стѣны, незнакомыя растенія. Покуда длился «мигъ» въ небѣ, на землѣ протекли столѣтія. Тутъ, въ сказочной формѣ, восхитительно передана разница между религіознымъ и историческимъ избываніемъ времени.

Каратыгинъ, ушами слушавшій Метнера и предпочевшій g-moll'ную сонату e-moll'ной только потому, что «она болѣе... короткая» (подлинныя слова его!), тѣмъ самымъ показалъ, насколько ему, въ сущности, чуждъ религіозный подходъ къ художественному произведенію. Тутъ можно только пожалѣть его. Но что сказать о такомъ фактѣ, какъ именованіе «великой сушью» романсовъ Метнера? Разводишь руками отъ недоумѣнія и грусти: неужели всѣ люди безнадежно разные и неужели же истинное для одного (и притомъ истинное не во вкусовомъ, гдѣ вѣдь все оттѣночное, степенное, а именно въ глубочайшемъ, въ религіозномъ смыслѣ)—совершенно пустуетъ для другого? Пусть не предубѣжденный человѣкъ возьметъ такіе романсы Метнера, какъ Alt Mütterlein, Mignon или же фетовское «Только встрѣчу улыбку твою», сыграетъ правой рукой мелодію—одну только мелодію—и потомъ напоетъ ее. Одного этого достаточно, чтобъ убѣдиться въ органичности пѣсенъ Метнера, въ ихъ живой, требовательной и неустанно подтверждающейся связи съ текстомъ, въ ихъ легкой запоминаемости (не взирая на сложность!). Это какія-то мудрыя пѣсни и вдобавокъ умудряющія: онѣ вовсе не иллюстрируютъ, еще менѣе сопровождаютъ текстъ—онѣ ему *научаютъ*.

Когда слушаешь пѣсни Метнера, понимаешь, чѣмъ была греческая лирика. У грековъ ἔπος (слово, предсказаніе и затѣмъ уже стихъ) декламировался, а μέλη—собственно лирическія стихотворенія — пѣлись; лирики не поющейся, а декламирующейся въ Греціи не существовало; о внутреннемъ, интимно-дорогомъ, можно было лишь *запѣть,* не сказать... И вотъ Метнеръ снова возвращаетъ лучшія созданія европейской лирики къ ихъ первоначальному мелодическому истоку, превращаетъ ихъ въ μέλη, отгадываетъ и расколдовываетъ ихъ внутреннее «запѣваніе». Поэтому-то ни одинъ истинный поэтъ не можетъ не почувствовать пѣсенныхъ мелодій Метнера, какъ и ни одинъ музыкантъ, если только онъ искрененъ, не можетъ остаться равнодушнымъ къ его тексту. Кажется, будто геніальная прозорливость композитора выжимаетъ эту музыку изъ магіи стиха, и слушатель уже не примирится ни съ какимъ другимъ толкованіемъ того же текста, — такъ прочно сростается съ нимъ метнеровское...

Нѣтъ; очевидно тутъ глубже вкуса, глубже и простой физіологіи; не пріемлютъ Метнера прямо идіосинкразически— и ужъ тутъ ничѣмъ не поможешь. Единственное, что остается—это спасать простого слушателя отъ одностороннихъ и слѣпыхъ расцѣнокъ музыкальныхъ критиковъ. Вотъ, думается мнѣ, забавная и многозначительная обмолвка Гр. Прокофьева, проливающая свѣтъ на все «недоразумѣніе»:

«Индивидуальность Метнера слишкомъ опредѣленна, своеобразна и сильна, и *именно благодаря этому какъ-то несвоевременна*» (курс. мой). А т.-к. Прокофьеву дѣло искусства представляется «внесеніемъ своей лепты» въ современное настроенье, и такая служба «духу времени» именуется у него художественной эволюціей, то, понятно, долой Метнера,—кому онъ нуженъ! «Осмѣливается итти противъ времени, покушается остановить стихійный процессъ, значитъ обреченъ на безвѣстность и рискуетъ не оставить слѣда въ

исторіи искусства»—вотъ оно, гдѣ сказывается смѣхотворное «бореніе» модернизма; тутъ онъ весь, безъ прикрытія: можно ли представить себѣ что-либо не только болѣе консервативное, но и болѣе косное?

Чѣмъ ярче индивидуальное, тѣмъ оно несвоевременнѣй и потому не художественнѣй—ловко! Ужъ за одно то спасибо, что правдиво.

Центрально тутъ вотъ что: протестъ противъ *личности* (и какъ яркой индивидуальности, и какъ самозамкнутой единицы, и какъ образа и подобія Божія). Развилась какая-то всеобщая периферичность чувствъ: нужны постоянное возбужденіе и возбудители, и чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ дровъ больше,—съ одной стороны музыкальная творческая энергія распускается въ ширину, устанавливаетъ какой-то небывалый діапазонъ, всеохватность настроеній—и музыка расплющивается, какъ блинъ; съ другой стороны толпа привыкаетъ реагировать на все и притомъ всѣми внѣшними центрами, чуть ли не кожей, и совершенно отучивается отъ собирательнаго, углубленнаго переживанія: и ужъ конечно Метнеръ ей не по зубамъ! А самое безобразное во всемъ этомъ—невѣжественная (если не лукавая!) путаница со словами и въ словахъ, благодаря которой музыкальныя четвереньки Скрябина, Штрауса etc именуются истинно-человѣческими постиженіями, а стояніе на двухъ ногахъ во славу Божію, какъ это дóлжно и какъ это заповѣдано,—вдругъ превращается въ «бездушность», «безчеловѣчность»...

Всякому недоразумѣнію когда-нибудь да конецъ. Но я и сейчасъ вѣрю, что есть слушатели на концертахъ Метнера, получающіе то же, что и я: они-то ужъ не позабудутъ и не перепутаютъ!

ГЕОРГІЙ ЯКУЛОВЪ.

ДНЕВНИКЪ ХУДОЖНИКА.

ГОЛУБОЕ СОЛНЦЕ.

Если сравнить утро съ какимъ-либо инымъ временемъ дня,—оно является наиболѣе влажнымъ, голубымъ по цвѣту, прозрачнымъ по воздуху; не отбрасывающимъ рѣзкихъ тѣней отъ предметовъ, но погружающимъ все въ голубое. Такимъ образомъ, всѣ цвѣта являются какъ бы погруженными во влагу; но цвѣта эти не испытываютъ на себѣ борьбы солнечнаго свѣта съ отражающимъ его небомъ. Они остаются предоставленными себѣ,—въ безразличномъ состояніи.

Если искать стихію, которая была бы наиболѣе близка къ такому состоянію,—это вода, ибо послѣ неба это та стихія, которая въ спокойномъ состояніи отражаетъ цвѣта, сообщая имъ прозрачность. Въ этомъ случаѣ лучъ солнца, воздухъ, небо, вода, природа и человѣкъ, животное и растеніе—все объединено однимъ общимъ движеніемъ, одной призмой цвѣта. Сущность—въ ритмѣ той призмы, въ колебаніяхъ отъ насыщенности къ прозрачности, безъ перехода въ призму другого цвѣта.

Странами, имѣющими эти призмы, являются страны Востока: Корея, Японія и Китай или какъ онѣ себя называютъ: Страна Утренняго Покоя, Страна Восходящаго Солнца и Небесная Имперія. Всѣ три понятія связаны съ чувствомъ легкаго голубого цвѣта, влаги и воздуха,—такъ же, какъ ни у кого изъ людей, жившихъ когда-либо, не было связано представленія объ утрѣ съ чѣмъ-то тяжелымъ и знойнымъ.

Эти страны омываются водой, и вѣчное движеніе голубой призмы очертило формы природы Китая волнистымъ движеніемъ водной ряби, движеніемъ безразличнаго колебанія, призмой улыбки: форму греческой V сообщило всему живущему тамъ, форму лодочки, что́ построена на движеніи безразличнаго колебанія. Такими формами снабжены китайцы, глаза ихъ и губы, лошади, собаки, растенія, вся страна. Такимъ движеніемъ подвластны чувства китайцевъ, ихъ умъ; манера относиться къ вещамъ наподобіе того, какъ отражаются предметы въ водѣ, безразлично колеблющіеся. Это создаетъ эффектъ переламывающихся ритмовъ, какъ ломается ритмъ отъ отраженія въ водѣ. Ихъ бытъ исполненъ любви къ голубой призмѣ, въ ихъ костюмахъ преобладаютъ синіе и голубые цвѣта, прическа, бритье половины головы и оставленіе косы говоритъ о любви къ переламывающемуся ритму; приведеніе шарообразной формы къ формѣ шара, погруженнаго наполовину въ воду,—къ формѣ «сдвига». Движенія косы, къ которой они привязываютъ длинные шнурки, указываютъ на культъ воды и движенія, а головы напоминаютъ зародышей лягушекъ. Ихъ излюбленными тканями являются шелка. Ихъ обувь «строится», какъ лодка, костюмы такъ, чтобы скрыть формы тѣла и создать бабочку или дать впечатлѣніе отъ тѣла, преломленнаго въ водѣ. Ихъ манера вышивать основана на движеніи нитокъ шелка въ разныхъ направленіяхъ, которыя ломаютъ цвѣтъ, дѣлая одну сторону матовой, другую блестящей. Вывѣски не прибиваются, но подвѣшиваются, въ фанзахъ прикрѣпляются ажурныя бумажки, которыя колеблются при движеніи воздуха. На ихъ кольцахъ лягушки, что́ является эмблемой любви.

Тѣ свойства, которыя порождаетъ голубая призма въ манерѣ видѣть,—свойства ясности и отчетливости. Отсюда любовь китайцевъ и японцевъ къ миніатюрнымъ вещамъ, уменьшенію ногъ и рукъ: такъ искусственное измѣненіе пропорцій приближаетъ женщину къ порхающей походкѣ и лишаетъ ее поста-

мента, создавая пропорцію, свойственную ритму голубого цвѣта. Наконецъ, письмена китайцевъ идутъ сверху внизъ: висятъ въ воздухѣ. Можно было бы привести еще много подобныхъ примѣровъ, включительно до манеры селиться хуторами, оазисами, что́ на́ходятся на небольшомъ разстояніи одинъ отъ другого и напоминаютъ рядъ колеблющихся волнъ, гребнями которымъ служатъ фанзы, окруженныя деревьями.

Архитектура Китая не примѣняетъ крупныхъ отвѣсовъ, и соотношеніе высотъ строится на призмѣ безразличнаго колебанія. Детали китайскихъ строекъ избѣгаютъ прямыхъ угловъ: уголъ, образуемый крышей со стѣной, заполняется волнистымъ орнаментомъ. Черепицы на крышахъ слагаются въ линіи водяной ряби, и на ребрѣ крыши помѣщаются чудовища, которыя поднимаютъ края крыши и середину, образуя опять-таки ту же кривую; на воротахъ домовъ помѣщаются лодки. Китайскіе города съ очертаніями крышъ и столбами для вывѣсокъ напоминаютъ рейдъ, на которомъ качаются парусныя суда.

Выраженіемъ голубой призмы въ живописи служатъ переливающіеся матеріалы: шелкъ и ткани съ зигзагообразными теченіями, папиросная, а у китацевъ рисовая бумага, дающая расплывчатую почву для краски. Основа поверхности легчайшая изо всѣхъ существовавшихъ. Волна китайской краски, ея тембръ остается воздушнымъ, ритмъ же влаги даетъ матеріалъ, по которому краска расплывается. Формы пятенъ китайскихъ рисунковъ заключены въ волны кривыхъ, получаемыхъ отъ движенія во влажномъ воздухѣ и водѣ. Изъ взаимодѣйствія солнца, луны и воздуха образуется свѣтовая призма.

Цвѣта расплываются въ свѣтѣ призмы: зеленаго (луна), голубого (небо) и желтаго (солнце), этихъ національныхъ цвѣтовъ Китая. Призма голубого отходитъ на матеріалъ картины, призма зеленаго на ритмъ пятенъ, призма желтаго дѣлитъ картину обводами солнца, опредѣляя тѣмъ самымъ моментъ дня. Всѣ эти элементы взаимно уравновѣшиваются, и окраска пред-

метовъ остается безразличной. Въ этомъ композиція китайскихъ пейзажей.

Востокъ относитъ призму воздуха на матеріалъ картины и характеризуетъ ритмъ того или иного момента сопоставленіемъ цвѣтовыхъ пятенъ,—тогда краска въ соединеніи съ матеріаломъ даетъ призму цвѣта художественнаго произведенія.

Какъ аналогія картины съ дѣйствительностью, цвѣтовому содержанію въ природѣ соотвѣтствуетъ въ живописи типъ краски, средѣ—матеріалъ. И выборъ китайцами краски и матеріала, — акварель и бумага,—не выпадаетъ изъ общей цѣпи призмъ, свойственныхъ естественной жизни Китая. Въ восточномъ искусствѣ цвѣтъ рождаетъ форму и ритмъ, влажный воздухъ—орнаментику, линію безразличнаго колебанія.

Орнаментика Китая въ волнообразныхъ, скользящихъ линіяхъ, что́ перекрываются цвѣтовыми пятнами: волнообразное шитье на халатахъ, изображающее движеніе воды; рѣшетки китайскія, лѣстницы, дающія переламывающійся ритмъ... Въ изображеніи всего, что можно встрѣтить въ китайскихъ картинахъ, выражены: воздушность и водянистость. Для китайца лицо человѣка, портретъ есть замкнутая водяная поверхность, прудъ, на которомъ онъ наблюдаетъ измѣненія, и глаза изображаются, какъ лодки, что качаются среди ряби—морщинокъ. Здѣсь отсутствіе свѣтотѣни, есть свѣтъ и окрашенный, колеблющійся силуэтъ, какъ цвѣта неодинаковой плотности.

Изображеніе строится, вообще, по линіи ниспадающихъ волнъ или на быстромъ передвиженіи плоскостей и ихъ ломки: подобно отраженному свѣту въ водной стихіи, когда части его отраженій переламываются, перебрасываясь съ одной волны на другую *). И не пользуются китайцы треугольной перспективой, такъ какъ уголъ есть опредѣленное устремленіе. Изображая

*) Исканіе кубистовъ—отраженіе той же самой ломки поверхностей, которая сопровождаетъ зрителя въ городѣ: стекла вывѣсокъ, зеркалъ и витринъ магазиновъ своими отраженіями даютъ подобный эффектъ.

предметы въ перспективѣ, оставляютъ линіи параллельными. Такое построеніе картины даетъ представленіе не объ одномъ, но о рядѣ моментовъ. Если выразить чувство, какое вызывается самой прогулкой, то неизбѣжно надо разомкнуть сходящіяся параллели, которыя дѣйствительны только для изображенія одного момента въ движеніи: состояніе прогулки есть состояніе безразличнаго колебанія въ рядѣ моментовъ.

Такъ все заключено въ ритмѣ стихій и стремится къ подобію. Въ этомъ предѣльность и замкнутость художественнаго мышленія Китая, и это является основаніемъ стиля.

Все сказанное о матеріалѣ и краскѣ, о цвѣтѣ, какъ произведеніи двухъ ритмовъ, объ орнаментикѣ, отношеніяхъ и характерѣ призмы—все составляетъ, какъ отдѣльные элементы, живописный сюжетъ картины. Причемъ, холодные тона служатъ для цвѣтовъ затемненныхъ и теплые тона—для обнаруженія цвѣтового рельефа. Тогда поверхность картины представляется составленной изъ разныхъ матеріаловъ, преломляющихъ свѣтъ съ неодинаковой силой. Ритмичностью же тоновъ и оттѣнковъ выражается призма въ предѣлахъ даннаго спектра.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

Валерій Брюсовъ.
Послѣ дѣтскаго бала, разсказъ 5

М. Кузминъ.
Принцъ съ мызы, комедія. 15

Викторъ Мозалевскій.
Исчезнувшая мечта, повѣсть 45

Борисъ Садовской.
Игоревъ сокольникъ, разсказъ. 115

Любовь Столица.
Нѣжная княжна, сказка 127

А. Топорковъ.
Геката, разсказъ 147

Югурта.
Сомнѣнія и надежды 177

Владиславъ Ходасевичъ.
Русская поэзія, обзоръ 193

Маріэтта Шагинянъ.
Письма о музыкѣ. 219

Георгій Якуловъ.
Дневникъ художника. 233

Книгоиздательство „Альціона“.

Москва, Трехпрудный пер., д. 5, кв. 23.

АЛЬЦІОНА. Альманахъ. Книга I. Валерій Брюсовъ. — М. Кузминъ. — Викторъ Мозалевскій. — Борисъ Садовской. — Любовь Столица. — А. Топорковъ. — Владиславъ Ходасевичъ. — Маріэтта Шагинянъ. — Г. Якуловъ. Москва, 1914 г. Ц. 2 р.

ЮЛІАНЪ АНИСИМОВЪ. Обитель. Стихи. Москва, 1913 г. Ц. 1 р.

ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ. Miscellanea. Статьи, замѣчанія, мысли о искусствѣ, о литературѣ, о книгахъ, о критикахъ, о самомъ себѣ. (Печатается).

АНДРЕЙ БѢЛЫЙ. Лугъ зеленый. Книга статей. (Лугъ зеленый. — Символизмъ. — Символизмъ и современное русское искусство.— Настоящее и будущее русской литературы. — Гоголь. — Чеховъ. —Мережковскій. — Сологубъ. — Брюсовъ. — Бальмонтъ. — Апокалипсисъ въ русской поэзіи). Москва. 1910 г. Ц. 1 р.

З. Н. ГИППІУСЪ. Разсказы. (Лунные муравьи. — Онъ бѣлый. — Женское.— Былъ и такой.—Увѣренная. —Дверь. — Застѣнный.— Нѣтъ возврата. — Земля и Богъ. — Приказчикъ. —Подслушанныя слова.— Они похожи). Москва, 1912 г. Ц. 1 р.

СЕРГѢЙ КЛЫЧКОВЪ. Пѣсни. Печаль-Радость, Лада, Бова. Москва, 1910 г. Ц. 75 к.

СЕРГѢЙ КЛЫЧКОВЪ. Потаённый Садъ. Стихи. Москва, 1913 г. Ц. 1 р.

М. КУЗМИНЪ. Венеціанскіе безумцы. Обложка работы С. Судейкина. (Печатается).

Н. ЛЬВОВА. Старая сказка. Стихи. Вступительная статья Валерія Брюсова. Москва, 1913 г. Ц. 1 р.

ВИКТОРЪ МОЗАЛЕВСКІЙ. Фантастическіе разсказы (Вивея. — Игрушка. — Эолина и Макарей.—Воспоминанія Анжелики.—Чувствительная повѣсть о прекрасномъ кавалерѣ Эмилѣ де Жеръ,—Май). Обложка и украшенія работы И. Мозалевскаго. Москва, 1913 г. Ц. 1 р.

БОРИСЪ САДОВСКОЙ. Узоръ чугунный Разсказы. (Черты изъ жизни моей. — Двѣ главы изъ неизданныхъ записокъ. — Петербургская ворожея. — Праздничный день поручика Матрадурова.—Погибшій пловецъ.— Сынъ Бѣлокаменной Москвы. — Изъ бумагъ князя Г.). Москва, 1910 г. Ц. 1 р.

БОРИСЪ САДОВСКОЙ. Адмиралтейская игла. Повѣсти и разсказы. (Готовится).

БОРИСЪ САДОВСКОЙ. Самоваръ. Стихи. (Печатается).

ЮРІЙ СИДОРОВЪ. Стихотворенія. Вступительныя статьи А. Бѣлаго, Б. Садов-

ского, С. Соловьева. Рисунокъ О. П. Михайловой. Украшенія А. А. Арапова. Москва, 1910 г. Ц. 1 р.

СЕРГѢЙ СОЛОВЬЕВЪ. Нимфа. Книга разсказовъ. (Печатается).

ГЕОРГІЙ РЫБИНЦЕВЪ. Осенняя просинь. Стихи. Обложка работы Н. Крымова. Москва, 1914 г. Ц. 1 р.

ЛЮБОВЬ СТОЛИЦА. Лада. Пѣсенникъ. Обложка работы А. Арапова и С. Коненкова. Москва, 1912 г. Ц. 1 р. 25 к.

ВЛАДИСЛАВЪ ХОДАСЕВИЧЪ. Счастливый домикъ. Стихи. Москва, 1914 г. Ц. 1 р.

М. ШАГИНЯНЪ. О блаженствѣ имущаго. (Поэзія З. Н. Гиппіусъ). Москва, 1912 г. Ц. 40 к.

М. ШАГИНЯНЪ. Orientalia. Изданіе второе. Обложка работы Г. Якулова. Москва, 1913 г. Ц. 75 к.

ВЛАДИМИРЪ ЭЛЬСНЕРЪ. Пурпуръ Киѳеры. Эротика. Иллюстраціи Н. Миліоти, М. Сарьяна, Г. Якулова. Москва, 1913 г. Ц. 1 р. 50 к.

ВЛАДИМИРЪ ЭЛЬСНЕРЪ. Выборъ Париса. Обложка работы Г. Якулова. Москва, 1913 г. Ц. 1 р.

ЛИСТКИ ИЗЪ УТРАЧЕННАГО АЛЬБОМА Елизаветы Николаевны Ушаковой. Факсимильное изданіе рукописи. Стихотворенія А. С. Пушкина, кн. П. А. Вяземскаго, Н. Д. Иванчина-Писарева, кн. П. И. Шаликова, А. Башилова, безъ подписи сочинителя; карандашный рисунокъ А. С. Пушкина. (Печатается).

А. С. ПУШКИНЪ. Сужденія о всемірной литературѣ, собранныя систематически подъ редакціей и съ предисловіемъ Валерія Брюсова. (Готовится).

БАРБЭ Д'ОРЕВИЛЬИ. Дэндизмъ и Джорджъ Брёммель. Вступительная статья М. Кузмина. Переводъ М. А. Петровскаго. Съ тремя портретами. Москва, 1912 г. Ц. 1 р. 50 к.

ПОЛЬ ВЕРЛЭНЪ. Записки вдовца. Вступительная статья Валерія Брюсова. Переводъ С. Я. Рубановича. Портретъ Верлэна работы Н. Гончаровой. Рисунки—Валлотона, П. Верлэна, Казальса, Коля и др. Москва, 1910 г. Ц. 1 р.

РЕНЭ ГИЛЬ. Научная поэзія. Вступительная статья Валерія Брюсова, переводъ Н. Львовой. (Печатается).

Э. Т. А. ГОФМАНЪ. Золотой горшокъ. Переводъ и предисловіе Владиміра Соловьева. Съ автопортретомъ. Москва, 1913 г. Ц. 1 р.

ЖЮЛЬ ЛАФОРГЪ. Стихотворенія. Переводы Валерія Брюсова, Н. Львовой и Вадима Шершеневича, со вступительной статьей и библіографическимъ указателемъ. (Печатается).

РАЗНОЦВѢТНЫЕ КАМЕНЬЯ. Книга маленькихъ разсказовъ, собранныхъ и переведенныхъ подъ редакціей Валерія Брюсова. Книга I. Стендаль.—Вилье де Лиль Аданъ—Жанъ Мореасъ.—Анри де Ренье. — Теодоръ Ласкарисъ. — Габріель Мартэнъ. — Эдуардъ д'Огъ. Москва, 1914 г. Ц. 1 р. 50 к.

АНРИ де РЕНЬЕ. Исторіи о маркизѣ Д'Амеркёръ. Вступительная статья и переводъ Максимиліана Волошина. Москва, 1914 г. Ц. 1 р.

АРТЮРЪ РИМБО. Сезонъ въ Аду. (Сезонъ въ Аду. Лирика. Озаренія). Вступительная статья и переводъ Сергѣя Боброва. (Печатается).

Цѣна 2 руб.